Дорогому Стасу от мученика-редактора 13.01.97.

КРАМОЛА

N1

МОСКВА
1993

НОМЕР ПОДГОТОВИЛИ:

Армен МНАЦАКАНЯН

Виктор ВОЛОДИН

Никита ТЮКОВ

Петр РЯБОВ

КРАМОЛА

1993 год

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемый Читатель!

Готовя первый номер нашего журнала, мы планировали написать развернутую, теоретическую вступительную статью. Но сделать это оказалось чрезвычайно трудно. То, что нас объединяет — это скорее вопросы и проблемы, которые всех нас интересуют, чем ответы и решения этих проблем. Это — какое-то неуловимое и не поддающееся формулировке созвучие, резонанс мыслей, эмоций и порывов, а не идейные установки или политическая платформа. Нам кажется, что неуловимость этого общего связана не столько с субъективными особенностями членов редакции, сколько с характером переживаемого периода, когда едва осознаваемое содержание только еще ищет адекватных инструментов анализа, подходящих слов и символов для своего выражения. В таких условиях формулировка окончательных ответов и развернутых доказательств есть необоснованная претензия на знание того, чего мы не знаем и пока знать не можем. В чем мы действительно уверены, так это в том, что объединяющее нас не случайно и весьма ценно. Оно вполне реально и ощутимо обнаруживает себя в критические моменты, когда все мы вдруг начинаем чувствовать одно и то же и, не сговариваясь, говорить одно и то же. И это заставляет нас уверовать в то, что и Вы, уважаемый читатель, во многом похожи на нас, что среди Ваших знакомых найдутся родственные нам души. Для Вас и для них, в первую очередь, и предназначен наш журнал.

Что касается названия, то подчеркивая ориентацию издания прежде всего на общественную проблематику, мы хотим словами "Крамола" зафиксировать тот угол зрения, под которым предпочитаем рассматривать поднимаемые в журнале вопросы.

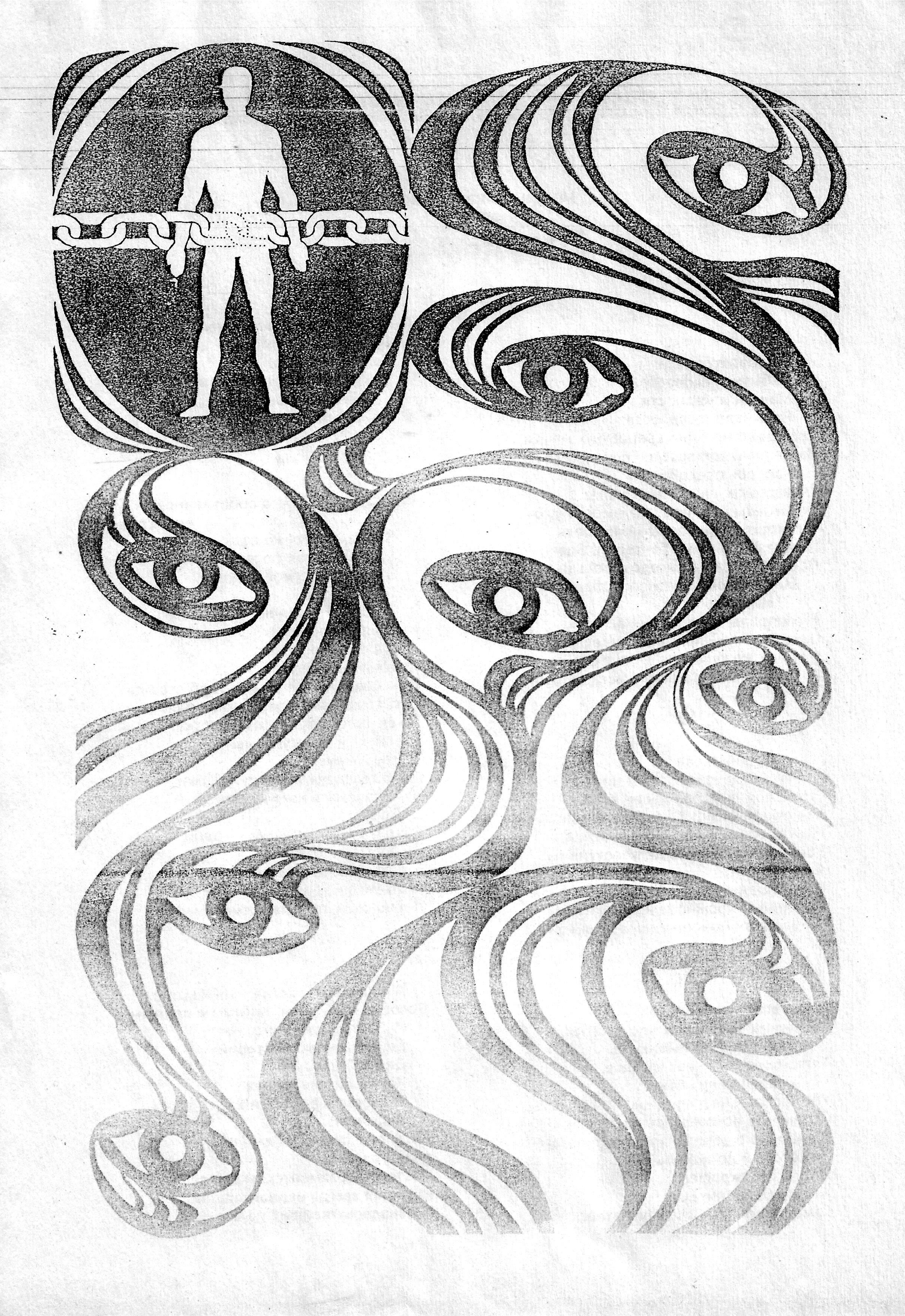
О чем мы будем писать

Мы будем стремиться поднимать вопросы теоретические, но не академически отвлеченные; практические и современные, но не конъюнктурные, (вроде вопросов текущих политических баталий в среде элиты).

Проблематика нашего журнала — человек в различных измерениях и ипостасях: человек и общество, человек и Государство, а также отдельно взятый человек сам по себе. Будут публиковаться материалы по истории и экономике, социологии и философии, педагогике и правоведению, этике и политологии, антропологии и экологии, психологии и религии, по аграрному, женскому и национальному вопросу.

Заметное место в журнале займут публикации русских дореволюционных и эмигрантских авторов, а также переводы зарубежных авторов. В постоянном разделе "Библиография" читатель найдет рецензии, обзоры, рефераты и аннотации выходящей литературы. В журнале планируется открыть литературный отдел и публиковать статьи по проблемам культуры. Мы рассчитываем также знакомить читателя с историей освободительного движения и общественной мысли (прежде всего, либеральной, социалистической и анархической), с крупицами ценного опыта социальных инициатив и гражданских движений (как прошлых, так и современных, как отечественных, так и зарубежных).

Всех, желающих с нами сотрудничать, просим присылать в редакцию свои материалы. Мнение авторов статей может не совпадать с позицией членов редакции. Будем рады также вашим письмам и отзывам, помощи в распространении журнала.

Максимилиан Волошин

Государство

1

Из совокупности
Избытков скоростей,
Машин и жадности
Возникло государство.
Гражданство было крепостью, мечом,
Законом и согласьем. Государство
Явилось средоточьем
Кустарного, рассеянного зла:
Огромным бронированным желудком,
В котором люди выполняют роль
Пищеварительных бактерий. Здесь
Все строится на выгоде и пользе,
На выживаньи приспособленных,
На силе.
Его мораль — здоровый эгоизм.
Цель бытия — процесс пищеваренья.
Мерило же культуры — чистота
Отхожих мест и емкость испражнений.

2

Древнейшая
Из государственных регалий
Есть производство крови. Судья,
Как выполнитель Каиновых функций,
Непогрешим и неприкосновенен.
Убийца без патента не преступник,
А конкурент:
Ему пощады нет.
Кустарный промысел недопустим
В пределах монопольного хозяйства.

3

Из всех насилий,
Творимых человеком над людьми,
Убийство — наименьшее,
Тягчайшее же — воспитанье.
Правители не могут
Убить своих наследников, но каждый
Стремится исковеркать их судьбу:
В ребенке с детства зреет узурпатор,
Который должен быть
Заране укрощен.
Смысл воспитанья —
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый комитет
Компрачикосов,
Искусных в производстве
Обеззараженных,
Кастрированных граждан.

4

Фиск есть грабеж, а собственность
есть кража,
Затем, что кража есть
Единственная форма
Законного приобретенья.
Государство
Имеет монополию
На производство
Фальшивых денег.
Профиль на монете
И на кредитном знаке — герб страны
Есть то же самое, что оттиск пальца
На антропометрическом листке:
Расписка в преступленьи.
Только руки
Грабителей достаточно глубоки,
Чт б удержать награбленное.
Воры,
Бандиты и разбойники — одни
Достойны быть
Родоначальниками
Правящих династий
И предками владетельных домов.

5

А в наши дни, когда необходимо
Всеобщим, равным, тайным и прямым
Избрать достойного, —
Единственный критерий
Для выборов:
Искусство кандидата
Оклеветать противника
И доказать
Свою способность к лжи и
преступленью.
Поэтому парламентским вождем
Является всегда наинаглейший
И наиадвокатнейший из всех.

Политика есть дело грязное —
Ей надо
Людей практических,
Не брезгующих кровью,
Торговлей трупами
И скупкой нечистот...
Но избиратели доселе верят
В возможность из трех сотен негодяев
Построить честное
Правительство стране.

6

Есть много истин, правда лишь одна:
Штампованная признанная правда.
Она готовится
Из грязного белья
Под бдительным надзором государства
На все потребности,
И вкусы, и мозги.
Ее обычно сервируют к кофе
Оттиснутой на свежие листы,
Ее глотают наскоро в трамваях,
И каждый, сделавший укол с утра,
На целый день имеет убежденья
И политические взгляды, —
Может спорить,
Шуметь в собраньях и голосовать.
Из государственных мануфактур,
Как алкоголь, как сифилис, как опий,
Патриотизм, спички и табак, —
Из патентованных наркотиков —
Газета
Есть самый сильно действующий яд,
Дающий наибольшие доходы.

7

В нормальном государстве, вне закона
Находятся два класса:
Уголовный
И правящий.
Во время революций
Они меняются местами, —
В чем
По существу нет разницы.
Но каждый,
Дорвавшийся до власти, сознает
Себя державной осью государства
И злоупотребляет правом грабежа,
Насилий, пропаганды и расстрела.
Чтоб довести кровавый самогон
Гражданских войн, расправ и самосудов
До выгонки нормального суда,
Революционное правительство должно
Активом террора
Покрыть пассив убийц.
Так революция,
Перетряхая классы,
Усугубляет государственность:
При каждой
Мятежной спазме одичалых масс
Железное огорлие гарроты
Сжимает туже шейные хрящи.
Благонадежность, шпионаж, цензура,
Проскрипции, доносы и террор —
Вот достижения
И гений революций.

1922 г.

Перепечатано из "Максимилиан Волошин. Пути России (стихотворения и поэмы)". М., 1992 г.

Армен Мнацаканян

Шишко сегодня

Уважаемый читатель! Вашему вниманию предлагается статья одного из талантливейших теоретиков народничества Л.Э. Шишко, посвященная, казалось бы, столь далеким от нас событиям, что и вспоминать о них не стоит.

Хотя бы поэтому требуются некоторые пояснения, которые пролили бы свет на появление этой статьи в нашем журнале. Начнем с исторического контекста.

Начало XX века. Триумфальное шествие марксизма по России. Марксист Струве, марксист Булгаков, марксист Франк, марксист Бердяев,.. стоит ли продолжать? Новейшее западное веяние, последнее слово социальной науки. Это не просто прорыв на отдельном участке общественного сознания, это — целая система взглядов, философия жизни, новое измерение. Противостоять модному, не лишенному притягательной силы учению могли не многие, тем более не многие могли предложить контр-аргументы на том же уровне. Одними из тех, кто смог отстоять свое видение исторического развития, были народники. Они дали подробную критику по всем затронутым марксистами вопросам.

Ярким примером такой критики является публикуемая ниже статья. Весь ее пафос направлен против фундаментальных основ марксисткого учения, многие принципы которого до сих пор довлеют над умами людей разных стран.

Говоря о Марксе и марксизме следует помнить, что Маркс, западный марксизм, русский марксизм и марскизм-ленинизм — это совершенно разные вещи. Под термином "марксизм" здесь понимается прежде всего западный марксизм.

Одна из центральных идей марксизма заключалась в том, что общество развивается согласно неумолимой логике, которая заложена в нем самом. Поняв эту логику, можно предсказать, в каком направлении будут идти общественные преобразования. Следовательно, можно точно определить, какие общественные силы способствуют развитию общества, а какие препятствуют ему. Фактически, политика превращается в точную науку.

В поисках этой логики марксисты пришли к следующему заключению:

1) Революционные изменения происходят в результате вызревания новых производительных сил внутри старой общественно-экономической формации. Когда новым производительным силам становится тесно в рамках старых производственных отношений, они ломают эту обветшалую оболочку и выходят на свет.

2) В разные эпохи разные классы доминируют в обществе, т.е. являются гегемонами. В раннем средневековье доминировало духовенство, затем дворянство. Новое время ознаменовалось появлением "третьего сословия". Из этих конкретных фактов марксисты сделали вполне логичный вывод, что после "третьего сословия" гегемоном должен стать класс наемных рабочих — пролетариат. Соответственно, в исторической перспективе дворянство более прогрессивно, чем духовенство, буржуазия более прогрессивна, чем дворянство, пролетариат более прогрессивен, чем буржуазия. На него и нужно делать ставку в грядущей революции.

К сожалению "правоверные" русские марксисты как-то забыли о том, что вся эта модель была построена для одной Западной Европы на основе изучения истории Англии. Сам Маркс настаивал на этом. (См. "Первый набросок к письму Вере Засулич".)

Народничество стояло на принципиально других позициях, поэтому, анализируя социально-экономическое положение России, Шишко в своей статье фиксирует два принципиальных момента:

1. Революционные преобразования не обязательно связаны с ростом производительных сил, а могут происходить как раз из-за их недоразвития.

2. Революция носит не классовый, а иной характер. Следовательно, нет доминирующего класса, а есть единый фронт, который борется с государством. Совершенно не обязательно, что в грядущей революции пролетариат будет единственной прогрессивной и движущей силой.

Здесь надо сделать очень важное замечание. Дело в том, что спор о движущих силах в грядущей революции высвечивает мировоззренческие позиции противников, фиксируя два совершенно разных взгляда на историю.

Для марксистов государство — лишь инструмент господства одних классов над другими.

Следовательно, пока этим инструментом владеют реакционные классы, оно является злом, но как только им завладеет прогрессивный класс — пролетариат и начнет применять насилие к реакционным классам в интересах исторического развития, то это, естественно, будет прогрессивное государство.

Приблизительно такую же позицию занимают современные демократы-рыночники. Они считают, что прогрессивный класс — это предприниматели (средний класс), и поэтому государство прогрессивно, если поддерживает всеми способами предпринимателей. Отсюда и постановка задачи захвата государства и, с помощью насилия, создания и поддержания одного единственно прогрессивного класса. Вся надежда на насилие во имя, конечно же, прогресса. Происходит "хождение во власть".

Народники исходили из других посылок; народничество — это принципиально иное мировоззрение.

Для народников вся история России — это история войны государства с народом. Для них не существует исторически прогрессивных и исторически вредных классов, когда насилие одних — это благо, а насилие других — зло. Всякое насилие — это зло. Основная задача — это освобождение человеческой личности от насилия, независимо от того, к какому классу принадлежит эта личность и во имя чего совершается насилие. Народники прекрасно понимали, что государство зиждится на внутренней несвободе людей, и простое свержение существующего режима не решит проблем. На место свергнутых придут новые, и Система восстановится.

Для уничтожения государства необходимо уничтожить внутренние причины его существования. Поэтому народники идут в народ, а не во власть.

Если для большевиков политическая борьба — цель, то для народников это вынужденная необходимость, так как государство кровно заинтересовано в массовом воспроизводстве рабства, забитости, темноты и невежества. Ведь чем больше внутренняя несвобода, тем больше внешняя, следовательно, тем больше власти у государства. Поэтому всякий, кто пытается внутренне раскрепостить людей, тем самым покушается на устои государства и становится его злейшим врагом. История кружка Чайковского — прекрасная тому иллюстрация: мирная работа по подъему культурного, интелектуального и общественного уровня народа привел к аресту 2000 человек. Знаменитый "процесс 193-х" показал, что мирная борьба за свободу личности и самоорганизацию народа невозможна. Так что вооруженная борьба Народной Воли с самодержавием была борьбой за право свободной агитации и просветительской деятельности, за право народа самому определять свою судьбу.

В этой парадигме и написана статья Шишко. Рассматривая современный период истории России как очередной виток борьбы государства со своим народом, Шишко дает убийственную характеристику Великим Реформам. Фактически он показывает, как государство приспосабливается к быстро меняющемуся внешнему миру, ничего по существу не меняя. Для нас с вами важно увидеть это "как" и сравнить с современной ситуацией. Благодаря этому мы можем с уверенностью сказать, что для Государства сейчас самое главное, где находятся его болевые точки и что нужно делать нам, чтобы не повторить ошибок прошлого.

На примере спора марксистов с народниками мы можем увидеть два принципиально разных подхода к решению проблемы социально-экономического развития России: с одной стороны —копирование чужих схем, с другой — попытка наладить собственную жизнь согласно со своим мироощущением. Тот анализ, который проводит Шишко, и те выводы, к которым он подводит читателя, заставляют по-другому оценивать все то, что происходит сегодня. Получив такой мощный инструмент анализа, можно попытаться разобраться в том, что происходит у нас сегодня.

Первая мысль, которая посещает при прочтении статьи, — это то, что проблемы наши возникли гораздо раньше, чем это могло показаться, а методы действия власть имущих и их мотивация ничуть не изменились, и, уж конечно, цели все те же. Так что же можно сказать о сегодняшнем дне, используя методологию, разработанную Шишко? Вот только некоторые выводы, следующие из его статьи:

- Ясен ответ на вопрос "Был ли капитализм в России, есть ли сейчас и будет ли впредь?" Капитализма в том виде, в котором он существует на Западе, у нас никогда не было, нет и не будет.

- Перестройка не затронула основу существования государственного чиновничества.

- "Либерализация экономики" произошла в пользу старой государственной власти.

- Огромная всеподавляющая машина "не только не пошатнулась, а, напротив того, упорядочивается, облекается в новые одежды европейского пошива" — мэры, префектуры, концерны, акционерные общества и т.д. — слова новые, а суть та же.

- Новые условия разорили все и без того нищее население, усилив кучку чиновников и их сподручных — бизнесменов.

- Причиной перестройки явился низкий социально-экономический уровень страны, заставивший государство взять на себя инициативу Освобождения.

- Тоталитарное государство приспосабливается к новому витку развития европейской экономики, заменяя тотальное рабство госкапиталистической формой эксплуатации. Новейшие

достижения промышленности, информатики и организации стали фискальными орудиями в руках госчиновников, а накопленные материальные богатства — источником первоначального накопления новых буржуа.

- Основная задача правительства — рост доходной части бюджета, а не экономическое развитие страны.

- Не буржуазия создала это государство, а государство создало ее.

- Буржуазия не органичный (саморазвивающийся) социальный элемент, это не "третье сословие" Европы XIX века, приходящее к власти социальной и претендующее власть политическую. Это — приводной ремень государства, его функциональное орудие.

- Нарождающаяся буржуазия использует бесправное положение основной массы населения и в этом положении заинтересована.

- Государственная экономика не зависит от буржуазии.

- Основный мотив развития буржуазных отношений — это казнократство и взяточничество.

Идеология народничества, в рамках которой работал Леонид Эммануилович, коренным образом от всех остальных идеологий. Это другая концепция истории, другая концепция грядущей революции, другая концепция движущих сил в революции, другая концепция задач революции. Это — другое мировоззрение.

Народничество не вписывается ни в одну политическую концепцию современности, выступая за свободу личности, но против индивидуализма, за народный уклад жизни, но против монархии и православия, за национальную самобытность, но против национализма, за достижения европейской цивилизации, но против копирования их пути.

Так в чем же дело? Почему так тяжело классифицировать народничество?

Наверное, все дело в том, что такая дисциплина как политология создана при государстве и служит государству. Она пытается на основе своих разработок давать рекомендации правителям или тем, кто хочет стать правителями, как лучше управлять "этим сбродом под громким названием Народ". Разрабатываются модели по аналогии и предлагаются правителям.

Поскольку у народников принципиально другой подход, то, естественно, оно ни в какие модели не укладывается — ни в западные, ни в восточные, ни почвенные, ни в иноземные.

Фактически идеология народников направлена на то, как народу прожить без государства. Можно сказать, что народничество антиполитологично. Тот факт, что за время перестройки идеология народничества не была востребована, говорит о том, что пока что государство целиком контролирует ситуацию в стране и весьма успешно навязывает свои правила игры, в которых победа уже предопределена за ним.

Из всего сказанного видно, что нашему народу приходится расчитывать только на себя и перестать строить иллюзии по поводу предпринимателей, которые всех накормят, и рынка, который воздаст всем по справедливости, и государства, которое защитит от напастей. Все это - мифология, а реальная картина вырисовывается совсем другая.

Леонид Шишко

По поводу сорокалетней годовщины освобождения крестьян

От редакции. Леонид Шишко... У большинства читателей возникнет вполне законный вопрос: "А кто зто?" И очень не просто будет коротко и ясно объяснить место Леонида Эммануиловича в русской истории.

Сейчас сложно "писать портреты" политических деятелей прошлого. И революционеров, и сторонников самодержавия. Их идеи мало известны, а те суррогаты, которые вместо них подсовывают, так же похожи на оригиналы, как втоптанные в грязь черепки — на фарфоровый сервиз. Раньше эти имена или заставляли забыть, или, грубо обтесав, вгоняли кирпичами в пирамиду исторического материализма. Сейчас из этих черепков публицисты складывают Россию, которую они "потеряли", и бесов, ее "разрушивших".

Историю писали раньше, пишут ее сейчас. Но истину нельзя создавать заново. Подобно реставратору, историк должен восстанавливать все, "как оно, собственно, было". Соблазн: написать свою историю, всегда велик, и лучшее средство от этого — дать слово самому человеку и тем, кто его знал, добавив к этому несколько сухих дат.

I

Одной из самых характерных особенностей нашей крестьянской реформы следует признать то обстоятельство, что, несмотря на всю свою огромную общественную важность, она совсем не затронула политических условий русской жизни. С политической стороны, эта реформа, со всеми другими, вытекающими из нее, была до такой степени незначительна, что не только не парализовала дореформенного революционного течения в России, но, напротив того, сама послужила к его усиленному развитию. И это совершенно понятно, так как реформы шестидесятых годов ни в чем не изменили у нас основного политического принципа старого государственного строя. Если здесь была какая-нибудь уступка в политическом отношении, то только в смысле отмены тогда подчиненных прав и нашего крепостного помещичьего феодализма; но и эта отмена произошла у нас в пользу старой государственной власти. В этом обстоятельстве существенная разница между падением крепостного права в Западной Европе и в России. Современное общественное положение в России иногда сравнивается с дореволюционным положением Франции; но такое сравнение вряд ли справедливо, так как сама реформа 61-го года уже была до известной степени нашим 1789-м годом. Можно сказать, что Россия пережила тогда один из главных моментов своего первого революционного переворота: освобождение крестьян и освобождение земли. Но только этот крупный общественный перелом произошел у нас без малейших признаков политического освобождения; вся его политическая сторона исчерпалась тем результатом, какой был достигнут во Франции одним восстанием крестьян против помещичьих замков в июле и августе 1789 года. А это значит, если оставить в стороне чисто идейное движение интеллигенции, что из всех общественных классов только одно крестьянство сыграло у нас тогда известную политическую роль, оказав со своей стороны, в форме учащенных бунтов и избиений помещиков, известное революционное давление на правительство (вспомним речь Александра II, обращенную в 1856 году к московскому дворянству). Соответственно этому, сколько-нибудь серьезная политическая перемена произошла тогда лишь в положении одного крестьянства, чем именно и объясняется полнейшее крушение всех политических надежд и расчетов наших умеренных либералов пореформенного периода.

Но незначительность достигнутых политических результатов не отнимает, конечно, у нашей крестьянской реформы ее огромной общественной важности. Девятнадцатого февраля 61-го года Россия вышла одной своей стороной из условий феодального общественного строя; в ее жизни произошел тогда переворот, не уступающий по своим размерам, поскольку дело касалось юридического положения крестьян и промышленной свободы вообще, общественному перевороту 1789 года. Но только политический размах нашего общественного переворота 1861 г. был крайне незначителен: наше самодержавие не только не пошатнулось от него, а, напротив того, обновилось и, до известной степени, упорядочилось, облеклось в европейские одежды. И вот уже сорок лет прошло с тех пор, а оно все еще продолжает существовать в тех же самых неизменных рамках дореформенного государственного права. Тем временем новые юридические и экономические условия сделали, как известно, свое дело в смысле, с одной стороны, полного разорения крестьянства, а с другой — довольно значительного

промышленного развития страны. Последнее обстоятельство, несомненно, указывает на большую эластичность современной формы абсолютной монархии, а также на отсутствие какой-либо тесной прямой связи между промышленным развитием и политической свободой. Если промышленное развитие в конце концов создает массовые элементы для политического освобождения страны, то само по себе, оно вовсе не требует политической свободы, как необходимого условия. Оно может более или менее успешно происходить в условиях почти полного политического рабства; даже более того: оно само способствует до известной степени политическому закрепощению масс. Эта истина постепенно выяснилась на всей новейшей истории западно-европейских стран, где буржуазия неуклонно стремилась, вслед за низвержением старого порядка, ограничить политические права народа, охотно бросаясь для этого в объятия Наполеонов и Бисмарков. Но всего лучше эта историческая истина подтверждается именно на нашей пореформенной России, тесным союзом нашей молодой, только что развивающейся буржуазии с неограниченным самодержавием, причем самое ее развитие было построено в значительной степени на почве этого союза.

Существует, как известно, историческая схема, объясняющая общественные перевороты развитием производительных сил, причем предполагается, что этим развивающимся производительным силам становится тесно в оболочке старого государственного строя, и он разрывает ее.

Но, чтобы объяснить падение крепостного права в России, как общественный переворот, положивший начало ее позднейшей истории, мы должны были бы совершенно перевернуть эту схему; иначе ее трудно было бы привести в надлежащее соответствие с фактами. В самом деле, истинный ход событий оказался тогда как раз обратным тому, какого следовало бы ожидать согласно классической формуле: революционный толчек движению был дан со стороны подавленного экономически класса в наиболее отсталой из областей производства, т.е. со стороны крепостных крестьян; с другой стороны, дореформенный государственный строй, не только не задыхавшийся в своей оболочке, но, напротив того, отстаивавший ее полную неприкосновенность, сам почувствовал тогда необходимость поднятия слишком низкого экономического уровня страны и с этой целью сам раздвинул значительно экономические рамки общественной жизни. Создав таким путем юридическую возможность для промышленного развития, он затем стал осуществлять эту возможность соответственной экономической политикой.

Таким образом, развитие производительных сил явилось в данном случае не преддверием, а результатом общественного переворота, происшедшего при чрезвычайно низком экономическом уровне, под влиянием стихийного брожения крестьян и настоятельных потребностей самого государства.

II

Мы видим, следовательно, что анализ условий, при которых произошло падение крепостного права в России, представляет собой известный теоретический интерес, так как имеет прямое отношение к господствующей в настоящее время экономической революционной теории, которая несомненно оказывает свое влияние на ход революционного движения в России. Вот почему мы считаем нелишним, прежде чем продолжать этот анализ, остановиться на том возражении, которое может быть сделано, с точки зрения этой теории, против только что сформулированного нами вывода.

Согласно этому выводу, прямо продиктованному фактами, исходным моментом нашего урезанного, монархического 1789 года был не стихийный напор производительных сил, а напротив того, слишком н и з к и й культурный и экономический уровень страны, заставивший государство взять на себя инициативу освободительной реформы.

В ответ на это нам могут поставить на вид, что именно благодаря низкому уровню экономического развития России освобождение крестьян и произошло в ней без политического переворота, без ограничения абсолютной монархии, тогда как, например, во Франции, при значительно большем развитии ее производительных сил в дореволюционный период, это освобождение сопровождалось величайшим в истории политическим потрясением. А если так, то отсюда очевидно приходится сделать вывод в пользу огромного революционного значения развития производительных сил.

Легко видеть, однако, что, если даже признать правильным объяснение французской революции развитием производительных сил, это возражение нисколько не противоречит нашему выводу. Не подлежит сомнению, что революционный переворот 1789 года был подготовлен более высоким политическим и культурным развитием французского общества, что размеры этого переворота соответствовали гораздо большему развитию городской жизни, чем какого достигла Россия к концу 50-х годов; все это не подлежит ни малейшему сомнению. Но что же из этого следует? Разве эта ссылка на данный исторический факт может уничтожить вывод, опирающийся на другой исторический факт, свидетельствующий о том, что в другой стране и при других общественных условиях мог произойти крупный общественный перелом без сколько-нибудь заметного участия в

нем давления со стороны стесненных в своем развитии промышленных сил? А ведь в этом именно выводе и заключается в данном случае все дело. Указание на огромную революционную роль развития производительных сил в том или другом отдельном случае, или даже во всех случаях, когда это развитие имело место, нисколько не уменьшает значения нашего вывода, так как сущность рассматриваемой революционной теории заключается не в признании или непризнании революционной роли развития производительных сил (на этот счет, с теми или другими оговорками, могут согласиться между собой представители всех революционных течений), а в признании или непризнании за экономическим развитием значения главного или даже единственного источника общественных движений. Если же отнять у этой теории ее всеобщность и исключительность, то вместе с тем падает и обязательный характер всех ее выводов. Сказать, что развитие производительных сил ведет за собой накопление в стране революционных элементов, это — одно дело; а сказать, что источники всякого общественного движения необходимо связаны с ростом производительных сил, это — совсем другое дело. Первый вывод заставляет искать в общественной среде, охваченной промышленным движением, более или менее подготовленных элементов общественного переворота. Второй вывод заставляет оставлять в стороне, как индифферентные или даже антиреволюционные, все общественные элементы, не связанные с промышленным развитием страны. И эта исключительность необходимо возводится тогда в принцип; она вытекает из теоретического обоснования данной революционной программы.

Указывая на отсутствие давления со стороны производительных сил в нашем дореформенном движении, мы имели в виду не оспаривать революционное значение всякого экономического развития — это совсем особый вопрос, — а противопоставить данной теории общественных движений противоречащий ей конкретный исторический факт. Единственным возражением против этого факта могло бы быть только отрицание его исторической важности, возведение его на степень чисто второстепенного, побочного исторического явления. Но такой взгляд на крестьянскую реформу 61-го года вряд ли решатся отстаивать даже самые крайние сторонники "экономического материализма". Размеры всякого исторического явления определяются не сравнением его с более крупными событиями других стран, а его собственным значением в ходе общественной эволюции данной страны. Но с этой точки зрения падение крепостного права несомненно имело для России значение настоящего общественного переворота, и этот переворот должен получить особенно крупные размеры в глазах сторонников именно экономического материализма, так как падение крепостного права положило у нас начало нашему промышленному развитию в форме капиталистического производства.

Таким образом, самое появление капиталистического производства в России следует приписать, в последнем счете, освободительному движению 1861 года, между тем как само это движение отнюдь не может быть приписано развитию производительных сил.

III

Всемирный исторический процесс, охватывающий в своем непрерывном движении все более и более растущую группу государств, все сильнее и сильнее влияющих друг на друга в процессе своего развития, вряд ли может быть подведен под какой-либо один исторический закон, так как само непрерывное развитие общественной жизни постоянно создает новые и новые общественные силы, входящие новыми элементами в состав исторического движения. Вследствие этого, если не в ранних, то в позднейших фазисах всемирно-исторического процесса, на всякое данное политическое положение того или другого общества следует смотреть, как на новый исторический факт, как на новую комбинацию общественных условий и сил, еще никогда не встречавшуюся в прежних фазисах исторической жизни. Вот почему нет ничего удивительного, что при анализе политического положения России, вызвавшего крестьянскую реформу 61-го года и затем созданного самой этой реформой, мы наталкиваемся на особенности, свойственные именно данному обществу и данному периоду общественной эволюции.

Так мы уже видели, что российская абсолютная, полуазиатская монархия сумела хорошо приспособиться к самому новейшему фазису западно-европейской промышленной жизни, сумела выйти из финансового кризиса, учетверить свой бюджет и заменить свое прежнее, дореформенное хищничество и казнокрадство капиталистической формой эксплуатации земледельческого населения. Нельзя не подивиться тому искусству, с каким были пущены при этом в ход все новейшие орудия, выработанные западно-европейским промышленным развитием: железные дороги, банки, косвенные налоги и наконец (путем покровительства крупной промышленности) машинное производство. Но все эти усовершенствованные способы эксплуатации явились у нас не результатом внутреннего экономического роста, как на Западе, а были перенесены на нашу девственную почву в качестве простых фискальных орудий; они были как бы оторваны искусственно от западно-европейской промышленной системы, чтобы служить у нас не промышленной, а чисто

фискальной цели: правительственной эксплуатации народных масс. Но вместе с тем они послужили также и еще одной цели: они явились орудиями первоначального накопления для нашей нарождавшейся буржуазии, причем ту роль, какую играло на Западе, в XV и XVI веках, туземное население тропических колоний, сыграло у нас наше только что освобожденное крестьянство.

Не следует думать, чтобы при всяких своих экономических преобразованиях наше правительство действительно ставило своей задачей повышение экономического уровня страны. Оно заботилось прежде всего об увеличении своего бюджета. Операционным базисом и объектом его финансовой политики было все то же земледельческое производство, как это давно уже выяснено (и не опровергнуто) "Очерками пореформенного хозяйства" Николая —она.

Распашка до полного истощения почвы всех надельных и арендованных земель нашим многомиллионным крестьянством; продажа им максимального количества хлеба и сокращение до минимума его собственного бюджета — вот истинный источник финансового и военного могущества нашего пореформенного государства. Это была чисто хищническая эксплуатация прежних же народных производительных сил, при помощи железных дорог и кредитных учреждений, путем выколачивания податей и огромных налогов на потребление. Промышленное развитие явилось при этом как бы побочным продуктом, в непосредственной связи с внешними займами и грандиозным казнокрадством. Шестидесятые и семидесятые годы нашей пореформенной экономической жизни были, как известно, наполнены железнодорожными концессиями, колоссальным разграблением б шкирских и кавказских земель и банкирскими операциями; — и за это именно время целые миллиарды народных денег были пущены у нас в капиталистическое обращение, но не путем каких-либо производительных операций, а благодаря самому примитивному расхищению казны; они просто были разворованы и разошлись по карманам концессионеров и казенных подрядчиков. Другие миллиарды были приобретены нашей нарождавшейся буржуазией путем торговой эксплуатации: скупкой крестьянского хлеба и перепродажей помещичьих земель и лесов. На этой почве нещадного правительственного грабежа и полного разорения земледельческого населения и выросла наша капиталистическая промышленность. Такова ее первоначальная история, которая не могла не оказать влияния и на все ее дальнейшее развитие.

Наша капиталистическая промышленность носит в себе неизгладимые следы своего происхождения. Ее сходство с западно-европейским капитализмом во многих отношениях только внешнее. Это всего более отражается на политической физиономии нашей буржуазии. Будучи детищем или даже скорее побочным продуктом деспотического режима, она находится в полной зависимости от него во всем, что касается ее экономической жизни; она обязана ему не только источниками своего первоначального накопления, но также и искусственным охранением всего ее экономического существования, созданием для нее совершенно искусственных внутренних экономических условий. Нет сомнения, что и западно-европейский капитализм постоянно нуждается в государственной поддержке: охранительных пошлинах, колониальных войнах и т.д. Но несомненно также и то, что только деспотический режим способен создать и поддерживать те внутренние экономические условия, при которых процветает у нас капиталистическое производство: чтобы затрачивать миллиарды на железные дороги и казенные заказы при умирающем с голода населении; чтобы заставлять это буквально-умирающее с голода население платить двойную и тройную цену за предметы первой необходимости: железные изделия, бумажные ткани, сахар или каменный уголь; чтобы при этом еще уплачивать огромные, многомиллиардные субсидии и вывозные премии нашим заводчикам, — для всего этого безусловно необходимо, чтобы земледельческая масса была лишена всякого представительства, чтобы она была политически подавлена и безгласна. При малейшем проблеске политической свободы эта чудовищная система должна рухнуть; а между тем на этой именно системе и зиждется наш капитализм. Он не только взращен и взлелеен ею, но она еще и до сих пор безусловно необходима для него, ибо наша буржуазия лишена всех тех свойств, которые западно-европейская буржуазия должна была преобрести на почве более нормальных политических условий, и потому неспособна конкурировать с ней на нашем внутреннем рынке. Она неспособна сама поддерживать свое привилегированное положение в стране, силою одного своего капитала, а потому безусловно нуждается в сохранении существующего политического режима.

Второе несходство в политическом положении нашей буржуазии, по сравнению с западно-европейской, заключается в ее, так сказать, неразвитой роли по отношению к государству. Мы видели, что наше пореформенное государство основало свое военное могущество и весь свой громадный, более чем полуторамиллиардный бюджет на крестьянском хозяйстве. Вследствие этого, экономически, оно стоит почти вне всякой зависимости от городской индустрии. Его доходы с торговли и промышленности равнялись в 1898 г. только 62 миллионам; его таможенные доходы, правда, дают ему более крупную сумму, около 220 миллионов рублей, но так как весь наш ввоз покрывается вывозом продуктов сельского хозяйства и добывающей про-

мышленности, то ими, следовательно, а не обрабатывающей промышленностью определяются размеры нашего ввоза и доходность таможенных пошлин. Таким образом, экономически, наше государство нисколько не подчинено буржуазии, нисколько не зависит от ее вкладов в бюджет. Наше пореформенное государство не могло, конечно, помешать зарождению у нас буржуазии, да вовсе и не желало этого; напротив того, оно даже старалось создать все необходимые для этого условия. Но это было для него, так сказать, побочным делом, сопутствующим результатом его собственной эксплуатации народа, а в этой эксплуатации оно играло и играет у нас до сих пор совершенно самостоятельную роль. Не надо думать, чтобы наше правительство проводило сознательно идею экономического развития государства; такой взгляд был бы наивной идеализацией деспотического режима с его бюрократией. Последняя руководится в своей экономической деятельности гораздо более родственными и доступными ей мотивами: казнокрадством и взяточничеством. Если наше высшее чиновничество усердствовало и усердствует в проведении железных дорог, то главным образом потому, что получает взятки и делится миллионами с концессионерами; если оно создает металургическую промышленность на юге и учреждает акционерные компании, то прежде всего потому, что само участвует в баснословных барышах, обусловленных казенными подрядами; если оно покровительствует сахарозаводчикам и санкционирует их синдикаты, то опять-таки потому, что высокопоставленные лица состоят членами этих синдикатов, и т.д. Вот истинные мотивы и двигатели, связывающие наше государство с судьбами нашей крупной промышленности, а вовсе не какая-нибудь осознанная государственная необходимость. Такой необходимости не существует, так как, фактически, наш настоящий государственный строй питается почти исключительно соками нашего голодающего земледельческого населения, которое и составляет его главную экономическую опору.

Вследствие этого, в политическом отношении наша буржуазия является не органическим составным элементом этого строя, а как бы наростом на нем, дополнительным паразитом, высасывающим вместе с ним народные соки. Наше пореформенное государство не создано буржуазией, как создано, например, западноевропейское государство послереволюционной эпохи во Франции. Там и государство и буржуазия органически слились в одно целое; там буржуазия завладела государством и отождествилась с ним. У нас же, наоборот, сама буржуазия создана государством старого порядка, сохраняющим до сих пор свое самостоятельное существование и держащим эту буржуазию под своей правительственной опекой. В этом отношении представители нашего новейшего капитализма напоминают скорее откупщиков, генеральных фермеров и банкиров дореволюционной эпохи, которые в большинстве случаев стояли на стороне старого порядка, так как с ним были связаны все способы их обогащения. До какой степени наше монархическое государство независимо политически от нашей буржуазии, хорошо можно судить по тому, например, с какой легкостью оно провело в своих собственных интересах реформу по продаже спиртных напитков, отняв этим уже и теперь у частных предпринимателей более ста миллионов прибыли. Да и фабричные законы? Разве могло бы так легко их провести правительство, зависящее от буржуазии, даже и принимая в рассчет крайнее несовершенство нашего законодательства?

Этой независимостью государства от промышленных сфер и полной зависимостью последних от государства определяется политическое положение нашей буржуазии, как класса; а этим политическим положением определяется ее классовая роль в текущей политической борьбе. Вот почему наша абсолютная монархия не только не встречает оппозиции в рядах наших культурных и некультурных Разуваевых, но, напротив того, находит в них своих верных защитников. Если даже западноевропейская буржуазия стала теперь монархической и клерикальной из страха перед социализмом, то чего же нам ждать от нашего "чумазого", вскормленного на казенных подрядах? Вот почему также и наши идейные либералы никогда не связывали своих политических надежд с буржуазией, как классом: они или верили в просвещенную монархию, или сочувствовали втайне революционной социалистической партии. Роль нашей буржуазии внутри государства до такой степени лишена всяких политических сторон, что к ней слишком трудно приурочить какую-нибудь политическую идеологию; она при самом своем появлении на свет уже обладала худшими из тех свойств, какие западная буржуазия приобрела лишь при своем политическом вырождении.

Таким образом у нас в сущности нет либеральной *буржуазной* партии. Все наши либералы в земствах, в городских думах и в литературе держатся, хотя умеренной, но чисто демократической политики, так как отстаивают чисто народные интересы: заботятся о развитии местного самоуправления, о школах, о народной медицине, о помощи переселенческому движению, о спасении голодающих и т.д. Буржуазная же партия у нас вместе с тем и монархическая, реакционная. Наше общество разделено в сущности только на два лагеря: на одной стороне — реакционеры, поддерживающие самодержавие и православие, а к ним примыкает, как класс, и наша буржуазия; на другой стороне — наша демократическая интеллигенция и все наше рабочее население. Та часть демократи-

ческой интеллигенции, которая не примыкает к революционной социалистической партии и даже отрицает революционную борьбу, идет тем не менее рука об руку с социалистическим движением, так как помогает ему своей культурной работой. Таким образом все наше прогрессивное движение развивается в чисто демократическом направлении; оно происходит в интересах рабочего населения и опирается на интересы рабочего класса, а потому, по существу своему, оно носит более или менее социалистический характер. Вне социализма у нас нет в настоящее время ни одной прогрессивной политической программы.

IV

Итак, анализ общественных условий, созданных в России крестьянской реформой, приводит нас к тому выводу, что прогрессивное политическое движение неразрывно связано у нас с социалистическим и должно опираться на интересы рабочего населения. Отсюда вытекает громадная политическая роль, предстоящая нашему пролетариату. Благодаря социалистическому характеру нашего революционного движения, на наш городской пролетариат, еще до появления в России социально-пролетарской революционной доктрины, уже было обращено усиленное внимание нашей революционной партии. В городских заводских и фабричных центрах начало осуществляться у нас народническое движение семидесятых годов; среди петербургских, харьковских, киевских и одесских рабочих действовали позднее многие члены землевольческой и народовольческой организаций; затем появились социал-демократы. Можно сказать, что кружковая революционная пропаганда не прекращалась в наших промышленных центрах в течении всех последних тридцати лет. И вот теперь эта революционная работа, вместе с культурным воздействием самой жизни, начинает приносить плоды, начинает проявляться в массовых рабочих демонстрациях. Городской пролетариат выступает у нас наконец на политическую сцену. Чрезвычайно важно поэтому именно для настоящего серьезного и тревожного момента определить, исходя опять-таки из условий, созданных реформой 61-го года, какова же должна быть у нас роль городского пролетариата в нашем дальнейшем социально-революционном движении, — чтобы иметь перед собой, так сказать, теоретическую руководящую нить в этом движении. Мы знаем, конечно, что в периоды приподнятого революционного настроения, подобно переживаемому нами теперь, не теоретические соображения, а события руководят людьми и партиями. Но с другой стороны, теоретические соображения всегда сохраняют за собой известное влияние, способное противодействовать тем или другим возможным увлечениям.

Прежде всего мы должны обратить внимание на размеры нашего городского пролетариата, от которых, конечно, зависит и сила городского рабочего движения. Мы уже видели, на какой скудной почве выросла наша капиталистическая промышленность. Ее первоначальный основной и оборотный капитал был извлечен из производительных средств крестьянского населения. В то же время, главным рынком, на который она опиралась в своем развитии и опирается до сих пор, является наш внутренний рынок, т.е. преимущественно ежегодный доход подорванного в своих производительных силах крестьянского хозяйства и затем бесконечные внешние займы, покрывающие расходы на казенные постройки и заказы.

Такая скудная и искусственно создаваемая почва не могла, разумеется, принести обильных плодов, а потому размеры нашей промышленности и численность нашего городского пролетариата сравнительно еще очень незначительны. Если принять в расчет население только одной Европейской России, то относительный размер нашего рабочего контингента в 4 и 1/2 раза уступает численности германского пролетариата[1]. В четыре с половиной раза меньший контингент городского пролетариата! Это очень крупный недочет. Чтобы нагляднее представить себе эту разницу, стоит только предположить, что в Германии, при населении в 53 миллиона, было бы всего 1.010.000 фабричных и заводских рабочих; или же наоборот, что в России было бы теперь уже около 9 и 1/2 миллионов городских рабочих. Во Франции, в 1848 г., отношение промышленного рабочего населения к земледельческому не было, вероятно, менее благоприятным для городского революционного движения, чем у нас в настоящее время[2], и, тем не менее, это движение было скоро подавлено, благодаря индифферентному или антиреволюционному настроению крестьянских масс. Мы знаем, конечно, что экономическое положение и настроение нашего крестьянства не могут быть сравниваемы с положением и настроением французского деревенского населения той эпохи. Французское крестьянство довольно широко воспользовалось социальными результатами революции 1789 г.; мы знаем, что ближайший экономиче-

1) По данным 1895 г., в Германии, при населении в 53.324.000 душ, насчитывалось до 4.548.000 рабочих, занятых в крупной промышленности; у нас, в 1897 г., при населении Европейской России в 115.475.000 душ, насчитывалось таких рабочих 2.098.000.

2) На этот счет трудно привести точные данные, так как статистика распределения населения по профессиям велась тогда во Франции очень несовершенно. В 1851 г., на каждые 10.000 жителей считалось занятыми земледелием 5687 человек (вместе с семьями), промышленностью и торговлей — 2768 человек, либеральными профессиями — 1115.

ский переворот, произведенный этой революцией, произошел в значительной степени в его интересах. "Все свидетельства, — пишет М.Ковальский,[1] — сходятся в признании, что в годы, непосредственно следовавшие за пережитым Францией переворотом, состояние французского земледелия было значительно выше того, какое Юнг отметил в своих путешествиях по Франции." По словам самого Юнга, "революция отразилась самым благоприятным образом на участи бывших оброчных крестьян, сделавшихся независимыми владельцами своих наделов."[2] Таким образом, экономически, революция 1789 г. заключалась прежде всего в освобождении не городского, а сельского производства; цеховая монополия была уничтожена Учредительным Собранием, т.е. уже восторжествовавшей революцией, между тем как феодальные права были разрушены самим переворотом. Это лучше всего указывает на то, кого революция 1789 г. имела своим главным противником, и в ком состояла ее главная массовая сила. Сила эта заключалась в значительной степени в восставшем крестьянстве,[3] которое и воспользовалось, по крайней мере во многих местах, в своих интересах совершившимся переворотом. Земли, приобретенные тогда французским крестьянством, довольно надолго обеспечили ему сравнительное материальное благосостояние, что, в свою очередь, должно было отозваться на его политическом настроении. Благодаря этому, как в 1848 г., так и позднее, французская деревня, хотя уже и разоряемая ипотекой, представляла собой очень благоприятную почву для политических интриг всех реакционных партий. Наше крестьянство несомненно находится в другом положении; в самом важном пункте, т.е. в своем экономическом положении и в формах своего землевладения, оно представляет в известном смысле антитезу французского мелкого собственника первой половины XIX века; оно скорее напоминает в этом отношении французское крестьянство дореволюционной эпохи. Отсюда следует, конечно, заключить, что и его политическая роль будет противоположна той, какую играло в XIX веке французское крестьянство, т.е. что оно не будет подавлять своим политическим индифферентизмом городское рабочее движение.

Но этот вывод ни сколько не уменьшает значения тех соображений, которые непосредственно вытекают из приведенных нами фактических данных относительно сравнительной малочисленности нашего городского рабочего населения; напротив того, этот вывод говорит скорее в их пользу. В самом деле, на основании этих чисто фактических данных о размерах нашего городского пролетариата, а, следовательно, и о возможных размерах нашего городского движения следует прежде всего придти к заключению о необходимости для последнего быть поддержанным крестьянским движением, так же как было поддержано французское городское движение крестьянством в 1789 году. До сих пор теоретическая защита исключительно пролетарской революционной программы обыкновенно опиралось у нас на соображения о неизбежном численном росте нашего городского пролетариата, вместе с неизбежным развитием крупной промышленности. С этой целью было выдвинуто даже особое учение о независимости размеров капиталистической промышленности от рынков. Но в данный момент этот спорный вопрос теряет свое значение, так как дело идет уже о начавшемся массовом движении и о тех размерах пролетариата, в каких застигла его у ж е н а ч а в ш а я с я политическая борьба. И вот все это заставляет нас думать, что в виду именно ограниченных размеров нашего городского пролетариата и обусловленных ими размеров возможного у нас городского рабочего движения, для него было бы в высшей степени важно быть не изолированным от крестьянства, а, напротив того, найти в нем своего союзника. Но если бы наше крестьянство находилось в том же положении, какое заняло французское крестьянство в послереволюционный период, если бы оно представляло собой ту индифферентную и спокойную массу, на которую не могли бы опереться революционные партии, то тогда всякие разговоры о союзе с ним были бы бесполезны, так как достижение этого союза было бы практически неосуществимо. Вот почему мы имели основание сказать, что отсутствие аналогии между французским крестьянином эпохи 1848 г., подавившим городское движение, и нашим, несущим в себе всю тяжесть существующего строя, говорит только в пользу защищаемого нами тезиса о необходимости для нашего городского рабочего движения искать теперь же поддержки и союзника в нашем малоземельном и безземельном крестьянстве.

Что же может быть выставлено против этого тезиса? Соображение о неотложных потребностях данной минуты, о невозможности ставить революционной задачей расширение движения в момент политического кризиса, когда все наличные силы должны быть направлены на нанесение одного решительного удара. С этой точки зрения, т.е. с точки зрения не эволюцион-

---

1) Происхождение современной демократии, т. I, стр. 163.

2) Ibid.

3) "Та муниципальная революция, — говорит Олар, — которую вызвало взятие Бастилии во Франции, в июле и августе 1789 г., сначала в городах, а потом в деревнях, была капитальным фактом среди других фактов, подготовивших торжество демократии и провозглашение республики". (Aulard, Histoire politique de la Revolution francaise).

ного процесса, а революционного момента, рассматриваемый нами вопрос устраняется самим положением вещей. Мы можем обсуждать его только ввиду известной революционной программы, предполагающей более или менее продолжительную революционную деятельность и связанное с ней развитие самой революционной партии, расширение области ее влияния. Только в этом смысле и может идти речь о необходимости для нашего городского движения искать для себя теперь же опоры в оппозиционном настроении крестьянских масс. Признание этой необходимости вовсе не предполагает какой-либо остановки в начавшейся политической борьбе. В деятельности революционной партии всегда имеется две стороны: непосредственные удары, наносимые ею противнику, и агитационные задачи в виду развития ее собственных сил. Вопрос, рассматриваемый нами, касается того, в каком направлении должна происходить теперь эта вторая сторона революционной деятельности: должна ли она быть замкнута в среду городского пролетариата или же выйти из нее и распространиться на крестьянские массы.

Все высказанные нами соображения клонятся к тому, чтобы обосновать второе решение, как более соответствующее, с одной стороны, численным силам нашего городского пролетариата, а с другой — экономическому и политическому положению нашего крестьянства. Если последнему суждено у нас, в силу стихийных социальных условий, играть в борьбе с самодержавием ту роль, какую играло во Франции крестьянство в 1789 г., то это предположение неизбежно должно вести за собой признание необходимости для революционной партии сознательного влияния на крестьянскую среду. В противном случае придется допустить, что крестьянская среда не нуждается, чтобы примкнуть к революционному движению, в том предварительном идейном воздействии, в каком нуждался и нуждается до сих пор городской пролетариат.

Что касается того огромного количества революционных сил, которое потребуется для революционной пропаганды и агитации в деревне, то легко видеть, что количество этих сил обеспечивается самим ростом городского рабочего движения, при сохраняющихся связях наших городских рабочих с деревней и при постоянных высылках рабочих, замешанных в городских беспорядках, на родину.

Надо только, чтобы наши рабочие организации признали революционное воздействие на деревню одной из своих насущных и неотложных задач, как это уже начинает признаваться некоторой частью социал-демократической литературы последнего времени. Так, в одной из статей Плеханова в первом выпуске "Зари" можно прочесть следующие строки: "Но, ведь, кроме промышленных рабочих есть еще и сельскохозяйственные. Такими являются те из крестьян, которые по незначительности своего земельного надела живут продажей своей рабочей силы. Эти крестьяне — те же пролетарии, и горе нам, если мы забудем об этом."[1)]

Итак, какова же должна и может быть роль нашего городского пролетариата в уже начавшейся массовой борьбе с самодержавием? Нам нечего говорить, что всякие определения такого рода имеют лишь относительную цену. Быть может, действительность оправдает более оптимистический взгляд, и наше самодержавие рухнет под напором одного рабочего движения. Тогда революционное воздействие на нашу деревню будет происходить при условиях хоть какой-нибудь конституционной свободы. Но здравая политика требует не уменьшать трудности предстоящей задачи, а скорее рассчитывать на более опасную и тяжелую борьбу, для успеха которой потребуются большие резервные силы, — в данном случае, силы нашего малоземельного и обезземеленного крестьянства. С этой точки зрения, политическая роль нашего городского пролетариата может быть определена скорее как роль революционного авангарда в массовой борьбе с самодержавием и как проводника политической пропаганды и агитации в крестьянскую среду с целью возможного расширения начавшегося массового революционного движения.

Перепечатано из
Вестника Русской Революции,
№1, 1901 г., с. 224 — 243.

1) Еще раз социализм и политическая борьба, стр 27.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Краткая биография Л.Э.Шишко

Леонид Эммануилович Шишко родился 19 мая 1852 года в семье лесничего. Окончил Михайловское артиллерийское училище. С 1872 года — в революционном движении. Член общества "чайковцев", вел пропаганду среди юнкеров и рабочих. Участник первого "хождения в народ", автор популярной прокламации "Чтой-то, братцы, как тяжело живется на свете". 14 августа 1874 года арестован, осужден по "Процессу 193-х" на 9 лет каторги. Отбывал срок на Каре. Вышел на поселение, в 1890 году бежал за границу. Один из основателей Фонда Вольной русской прессы в Лондоне (1893-1901), член Аграрно-социалистической Лиги (1900-1902). В 1902 году вступил в Партию Социалистов-Революционеров, членом которой оставался до своей смерти 10 января 1910 года.

Автор ряда работ по истории, социологии, аграрному вопросу (см. Приложение 3).

2. В.М.Чернов
Речь на похоронах Л.Э.Шишко
Париж. Январь 1910 года

Товарищи!

Бывают времена, когда даты отмечаются только могилами. Глухие, сумеречные времена, тянущиеся от одной смерти к другой...

С торжеством контр-революции такое время началось и для нас. И оно до сих пор еще не пережито. На это время выпала смерть Леонида Эммануиловича Шишко, перед гробом которого ныне все мы тихо склоняемся с обнаженными головами.

Не случайно смерть объединила людей всех направлений, фракций, сект, таких разрозненных в обычное время, в серые деловые будни эмигрантского существования. Братские чувства невольно пробуждаются в сердцах всех над этой свежей могилой, — могилой человека, безупречный образ которого во всех партиях возбуждал одни и те же чувства преклонения перед кристальной чистотой, беззаветной преданностью делу, и обаятельной мягкостью этого вдумчивого, скромного и неустанного работника.

Он мало говорил — он много делал. Он старался быть в тени, но чувствовал себя счастливым, когда оставался незаметным, — тем заметнее для нас его потеря. Тихая застенчивость этого человека также оттеняла его умственную и моральную авторитетность. А личная мягкость характера так оттеняла непреклонную твердость его убеждений... Тихие воды глубоки...

Для нас, членов Партии Социалистов-Революционеров, Л.Э.Шишко был живым олицетворением начала революционно-социалистического движения в России, олицетворением той поры, когда "новая правда" внезапно озарила и согрела юные души, распускавшиеся, подобно весеннему цветку, под живительными лучами восходящего солнца социализма; поры, когда социализм в России был так слаб количеством и силен качеством своих приверженцев, когда к нему гнала не мода, не успех, не стадное увлечение, когда к нему шли только избранные. Тяжелые удары судьбы на горниле тогдашней суровой русской действительности выковали тот высокий нравственный тип, образцом которого для нас был Л.Э.Шишко. В наше время, когда социалистическое движение разлилось вширь, но вместе с тем замутилось по краям всевозможными чуждыми примесями, когда в атмосфере реакции, разочарования и упадка духа эта муть и накипь угрожают самой сердцевине движения, — такие образы, как Шишко, служат маяками. Они — воплощенное напоминание о том, что носители социализма сами, прежде всего, должны быть достойны исповедуемого ими учения, что личными качествами своими они должны быть живою проповедью, живым свидетельством за него. Ибо движение неотделимо от лиц, и не могут высоко держать знамя те, кто способен уронить себя, как нравственную личность, поскользнувшись в болоте окружающей действительности.

Биографию Шишко еще надо написать... Она, быть может, не так богата внешними событиями, как другие биографии, но внутренним содержанием она богата. Выходец из привилегированного сословия, офицер, бесповоротно порвавший со своей средой и карьерой, чтобы нести новое евангелие, евангелие социализма в рабочие кварталы Петербурга, чтобы принять участие в одушевленном крестовом походе на святую землю народной жизни, он через процесс 193-х, тюрьму, каторгу, поселение, побег пришел к новому революционному поколению и встал в его ряды. Олицетворенное воплощение истории русской революции, он развивался вместе с этой историей, посредством нее, из ее опыта. Четверть века работы и борьбы — как много времени и какого времени! — протекло для него прежде, чем он вступил вместе с ними в пору своей второй юности.

В Партию Социалистов-Революционеров Л.Э.Шишко вступил не сразу. Он долго присматривался к ней. Он был не из тех, которые легко приходят в Партию во время ее успехов — и так же легко прощаются с ней в годину неудач и тяжелых испытаний. Его любовь нужно было завоевать — завоевать не внешними победами, а процессом глубокого духовного сближения. Но, раз завоевав его любовь, ее нельзя было потерять.

Л.Э.Шишко всецело развернулся, как умственная и литературная сила, тогда, когда мы, более молодые революционеры, принесли ему из глубин России отрадную весть, что мечта его юности готова сбыться, что пропасти между интеллигенцией и народом нет более, что пробуждается не только рабочий класс городов, но и еще более многочисленный рабочий народ деревень. Несмотря на слабость здоровья, он поражал нас своею работоспособностью. Неустанно, систематично и методично работал он пером. Наша популярная народная литература обязана ему своими лучшими работами. Смерть его грустно поразит не только нас, его близких товарищей по работе. На нее болезненно откликнется сердце не одного рабочего и не одного крестьянина в самых глухих, заброшенных углах России. Такое счастье выпадает на долю немногих.

В разгар революционных событий 1905-1906 годов Л.Э.Шишко, несмотря на зловещие симптомы прогрессирующей болезни, не мог быть вдали от водоворота борьбы. Он явился в нашу среду, в Россию, чтобы собственными глазами видеть и осязать перипетии переживаемого смутного времени и разобраться в сокровенном смысле его. Контр-революционный поворот не смутил его. Его духовный взор не приковался к гнетущим впечатлениям переходящего исторического момента. Он охватывал, на твердом фундаменте личного опыта, гораздо более широкую и длинную историческую полосу. И вот почему в то самое время, когда отчаянье и разочарование бывали нередким гостем среди молодежи, полной еще неистраченных сил, свежести и здоровья, — он сохранял все время ясную, спокойную, тихую уверенность в прочности того дела, у колыбели которого он стоял в своей далекой невозвратной юности. Все события располагались у него в более правильной исторической перспективе. Чуждый чрезмерных надежд разгара революционных событий, он остался чужд и чрезмерных разочарований. Переменное счастье борьбы не могло разбить той нравственной брони, которую закалила жизнь, — жизнь, целиком посвященная служению делу.

Еще недавно, скорбя вместе с ним о состоянии революционного лагеря, подсчитывая число деморализованных и отступившихся, мы слышали от него слова ободрения и веры. Именно в такие тяжелые эпохи, говорил он, растет и закаляется новое революционное поколение, приходящее к социализму и революции не так легко, как в исторические праздники, но зато тем более прочно. Быть может, в этом скрыта глубокая правда. Л.Э.Шишко сам воспитался и выковался, как нравственный тип, в одну из самых мрачных и тяжелых эпох. И если, действительно, годины испытаний сулят нам, после всех тяжелых и гнетущих впечатлений, возрождение этого нравственного типа, лучшим образцом которого был Л.Э.Шишко,— дело революции будет в верных руках, которые никогда не опустятся в унынии или бессилии...

Мы приходили прощаться с дорогим нам покойником. Когда я в последний раз глядел на близкие, знакомые черты его лица, застывшего под ледяною рукою смерти, то оно производило на меня иллюзию тихого, мирного сна. Ясное, спокойное выражение, казалось, напоминало нам всем и завещало нам ту же ясность души и спокойную веру в будущее, которые составляли силу Шишко и которые неразлучны с настоящей, глубокой убежденностью социалиста и революционера.

3. Библиографический указатель к работам Л.Э.Шишко

(В основу положен "список работ Шишко" составленный в 1910 году Степаном Слетовым.)

1872

"Чтой-то, братцы, как тяжело живется на свете" — брошюра, издание кружка чайковцев.

1897

П.Б. К вопросу об исторической необходимости. // Русское Богатство. — IX. с. 21-33.

1898

П.Б. Вопрос о хлебных ценах во Франции. // Русское Богатство. — II. с. 28-44.

П.Б. Несколько замечаний об "Очерках по истории русской культуры" г. Милюкова. // Русское Богатство. — VIII. с. 1-21.

П.Б. Задачи понимания истории. // Русское Богатство. — X. с. 17-35.

1899

П.Б. К вопросу о понимании истории. // Русское Богатство. — II. с. 137-172; III. с. 35-59; VI(IX). с. 191-217; VII(X). с. 189-218.

П.Б. Экскурсия в "малоизвестную и таинственную область". // Русское Богатство. IX (XII). с.123-149.

Чемизов. К вопросу о практических задачах революционной партии. // Летучие Листки. № 45. с. 3-5. — Лондон: издание Фонда Вольной Русской Прессы.

Чемизов. Подпольная Россия. // Летучие Листки. № 46. — Лондон: издание Фонда Вольной Русской Прессы.

1900

П.Батин. Человек и общественная среда. // Русское Богатство. — I. с. 131-156.

П.Батин. Ответ П.Н.Милюкову. // Русское Богатство. — X. с. 30-46.

П.Б-ъ. К вопросу о рынках. // Русское Богатство. — № 8. с. 38-60

П.Б-ъ. Очерки из русской истории. — (Лондон): издание Аграрно-Социалистической Лиги, — ч.1

То же легально под заглавием:

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — Издание общества распространителей полезной книги.

1901

П.Батин. Заметка. /Русское Богатство. — II. с. 198-201

П.Батин. Сельскохозяйственная философия г. Рожкова. // Русское Богатство. — V. с. 105-121.

П.Батин. Беседы о земле. — (Женева): издание Аграрно-Социалистической Лиги.

Шишко Л. По поводу 40-летней годовщины освобождения крестьян. // Вестник Русской Революции. — № 1. июнь. с. 224-243. — Женева.

1902

П.Батин. Русская история в ее новейшей переработке. // Русское Богатство. — VII. с. 1-15.

П.Батин. Голод и самодержавие. — издание Аграрно-Социалистической Лиги.

То же легально под заглавием: П.Батин. Горе русского пахаря.

Рассказы из русской истории. — (Женева): издание Аграрно-Социалистической Лиги и П.С-Р. — ч. 1-2.

Рассказы из русской истории. — (Женева): издание Аграрно-Социалистической Лиги и П.С-Р. — ч. 2.

Шишко Л. К вопросу о роли интеллигенции в революционном движении. // Вестник Русской Революции — № 2. февраль. с. 89-122. — Женева.

По поводу одной годовщины. // Революционная Россия — №14. декабрь. с. 1-4

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — 2-е изд. — Женева: Аграрно-Социалистическая Лига, П.С-Р.

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — 3-е изд. — Женева: П.С-Р.

П.Батин. Беседы о земле. — 2-е изд. — Аграрно-Социалистическая Лига, П.С-Р.

То же в издании "народных листков".

1903

Шишко Л. С.М.Кравчинский и кружок чайковцев. // Вестник русской революции — № 3. с. 39-86. — Женева.

Шишко Л. С.М.Кравчинский и кружок чайковцев. — Женева.

А.Тун. История революционного движения. // Перевод под редакцией и с примечаниями Л.Шишко. — (Женева): П.С-Р.

1904

Шишко Л. Историческая справка. // Революционная Россия. — № 41. 15 февраля с. 8-14.

Шишко Л. Несколько мыслей по поводу проекта партийной программы. // Революционная Россия. — № 53, прил. с. 9-11.

Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на крестьянство и земельный вопрос. // Народное Дело (Сборник П.С-Р.) — № 5. июнь. с. 1-27

1905

Шишко Л. К вопросу об аграрной программе в связи с теорией научного социализма. // Вестник Русской Революции. — № 4. март. с. 315-344.

Рабочее движение и его аграрная программа в Германии. — М.: Молодая Россия.

По программным вопросам. 1) О социализации земли. 2) К вопросу о минимальной программе. — Женева: издание П.С-Р.

К вопросу о ближайших задачах наших социалистических партий. // Революционная Россия — № 77. с. 1-7.

О либералах и социал-демократах. От Центрального Комитета П.С-Р. Листовка 15-ая.

П.Батин. Беседы о земле. — 3-е изд. — П.С-Р.

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — М.: Молодая россия.

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — М.: Библиотека для всех.

Благовещенский. История от начала Руси до Петра I. — Ростов: Донская речь.

Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на крестьянство и земельный вопрос. — П.С-Р.

1906

Шишко Л. Единение. // Народная жизнь — N 2. с. 1-9.

Шишко Л. Прошлое и настоящее. // Народная жизнь — № 4. с. 1-8.

Шишко Л. Не допустили. // Народная жизнь — № 5. с. 1-4.

Шишко Л. Старый марксизм и социал-демократия. // Русское Богатство. — V. с. 189-228.

Шишко Л. К характеристикам движения начала 70-х годов. (Из личных воспоминаний) // Русское Богатство. — X. с. 51-85.

Шишко Л. М.Р.Гоц (Памяти дорогого друга). // Былое. — XI. с. 283-292.

Шишко Л. Рассказы из русской истории. — Спб.: Момент. — ч.3

Шишко Л. Рассказы из русской истории. — Спб.: Росс. — ч.3

Шишко Л. Откуда произошла частная собственность на землю. — Спб.: Свободная земля.

Шишко Л. Теоретические основы аграрной программы. // Народный вестник. — № 3-4. с. 5-17. — Спб.

Шишко Л. (П.Батин) Очерки по вопросам экономики и истории.: Сборник статей из журнала "Русское Богатство" — М.

Шишко Л. С.М.Кравчинский и кружок чайковцев. — Спб.: издательство Вл. Распопова.

П.Батин. Беседы о земле. — Спб : Земля и Воля.

А.Тун История революционного движения. / Перевод под редакцией и с примечаниями Л.Шишко. — Ростов: Донская речь.

А.Тун История революционного движения. / Перевод под редакцией и с примечаниями Л.Шишко. — Спб.: Земля и Воля.

Как смотрят социалисты-революционеры и социал-демократы на крестьянство и земельный вопрос. — Спб.

Шишко Л. К вопросу об аграрной программе в связи с теорией научного социализма. — М.: Молодая Россия.

По программным вопросам. 1) О социализации земли. 2) К вопросу о минимальной программе. — М.: Молодая Россия.

1907

Шишко Л. Что такое социализация земли? // Социализация земли. : сб. статей. вып. 1. — с. 3-43. — М.: Сотрудничество.

1909

*** Царь и рабочий народ. // Народное дело. : Сборник 1. — с. 39-61 — Париж: издание П.С-Р.

Шишко Л. Рабочий вопрос и государственное устройство. // Народное дело.: Сборник 2. — с. 1-45 — Париж: изд П.С-Р.

Шишко Л. "Конь бледный." // Известия Областного Заграничного Комитета С-Р. — № 11. май. Париж.

Шишко Л. Чего хочет добиться правительство законом 9 ноября. — издание П.С-Р.

Шишко Л. По поводу одного решенного вопроса. (О книге Фирсова и Якобия) — М.: Сотрудничество.

Крестьянское движение и народничество. // История России в XIX в. — т. VI. гл. XI. с. 162-200. — Издание Т-ва "Гранат"

1910

Шишко Л. Роль интеллигенции в освободительном движении. // Вехи, как знамение времени.: сб. — с. 261-278.— М.: Звено.

Шишко Л. Из воспоминаний прошлого. // Сборник памяти Л.Э.Шишко. — с. 51-60

Шишко Л. Письмо к Жоресу. // Сборник памяти Л.Э.Шишко. — с. 61-64

Шишко Л. К вопросу об организации. // Сборник памяти Л.Э.Шишко. — с. 65-72.

1917

А.Тун. История революционного движения в России. / Перевод с немецкого А.Н.Черновой. Под редакцией и с примечаниями Л.Шишко. — Пг.: Центральное издательство П.С-Р.

Шишко Л. Очерки по вопросам экономики и истории.: сборник статей из журнала "Русское Богатство". — Пг.: Революционная мысль.

Шишко Л. Рассказы из русской истории. — Пг.: Революционная мысль. — ч. 1-3.

Шишко Л. Откуда пошла частная собственность на землю. — Пг.: Революционная мысль.

Шишко Л. Откуда пошла частная собственность на землю. // Ежемесячный журнал. — № 5-6.

1918

Шишко Л.Э. Собрание сочинений.: Статьи по истории русской общественности. — Пг.: Революционная мысль. — т. IV.

На французском языке.

Chichko L. La question agrarie en Russie. // La Tribune Russe. — 1904. №№ 1-2, 3, 5, 7-8, 9, 12-13, 24-25; 1905 №№ 30, 34.

Chichko L. La question agrarie et ses rapports avec la doctrine du Socialisme scientifique. // Service des renseignements rapides de "La Tribune Russe" — 1906. № 99-118.; La Tribune Russe. — 1907. №№ 1, 5, 7.

Chichko L. Un regime constitutionnel est-il possible en Russie? // La Tribune Russe. — 1909. № 11.

Chichko L. Le regime constitutionnel est-il possible en Russie? // L'Humanite. — 1910, № 2107 (23-1)

Никита Тюков

Аграрный вопрос и Временное Правительство в апреле — июле 1917 года

В советской историографии 1917 года образовался явный перекос в сторону изучения партийно-общественной борьбы. В силу разных причин, историки как бы обходили стороной деятельность правительства или использовали ее лишь в качестве иллюстрации общественных процессов.

Такую ситуацию можно наблюдать при анализе любой проблемы, в том числе и аграрной. Достаточно хорошо изучено крестьянское движение, деятельность земельных комитетов. Есть работы, посвященные подготовке аграрной реформы. Однако политике Временного правительства в аграрном вопросе, механизму выработки этой политики ни одного исследования посвящено не было.

Между тем тема эта, как впрочем и любой другой аспект деятельности Временного правительства, очень важна для понимания происходившего в 1917 году, поскольку именно правительство, обладавшее достаточно долгое время доверием и силой, решало, какой точке зрения становиться законом.

Выбранный Временным правительством курс: "Все вопросы государственнного переустройства решать только через Учредительное собрание", — очерчивает две важные группы проблем: проблема созыва Учредительного собрания и проблема регулировки жизни до созыва Учредительного собрания. Соответственно, и аграрные вопросы можно разделить на стратегические (подготовка земельной реформы) и тактические (подготовка земельного фонда к Учредительному собранию).

Вопрос об аграрной реформе в советской историографии изучен неплохо, а проблема созыва Учредительного собрания может стать темой отдельной работы и здесь рассмотрена не будет. Данная статья целиком посвящена проблемам аграрной тактики Первого и Первого коалиционного правительств.

Этот вопрос затрагивал, в первую очередь, текущие земельные отношения: проблемы землеустройства, купли-продажи, аренды пахотных земель и угодий. После фактической отмены старых узаконений, каждая из проблем могла привести к беспорядкам и существенно осложнить решение проблемы в будущем. От текущей работы правительства зависело очень многое.

Рассмотреть аграрный вопрос через призму текущей законотворческой работы интересно еще и потому, что правительство должно было работать в "авральном режиме". Если в условиях мирного времени проволочка в 2-3 месяца ни на что не влияла, то при революционной нестабильности она могла привести к серьезным осложнениям. В таких условиях на решения кабинета, а значит и на судьбу страны, влияло все: и многотысячные демонстрации, и личная неприязнь, и интересы финансовых и политических группировок.

Но самое важное — кто возглавляет кабинет, кто является его "неформальным" лидером, какие группы ведут борьбу внутри правительства. Словом, чтобы понять, почему правительство проводило именно такой курс, необходимо рассмотреть механизм прохождения проектов, внутриправительственную борьбу, давление на кабинет извне.

Важна для нас и позиция министерства земледелия, которое, помимо подготовки законопроектов, имело право путем издания подзаконных актов изменять существовавшую систему землепользования и пользования угодьями на казенных, удельных землях, а также влиять на землеустройство на всех прочих категориях земель.

Я попытаюсь через призму внутриправительственной борьбы осветить судьбу аграрного вопроса в марте-июле 1917 года.

Первое "правительство свободной России" было создано 2-го марта. В его состав вошли: П.Н.Милюков, А.И.Шингарев, Н.В.Некрасов, А.А.Мануйлов (кадеты), А.И.Гучков и И.В.Годнев (октябристы), А.И.Коновалов (прогрессист), А.Ф.Керенский (трудовик), В.Н.Львов (фракция центра), М.И.Терещенко (беспартийный).

По предложению Милюкова, на пост премьера был приглашен князь Г.Е.Львов, руково-

дитель Союза Городов и Земств. Таким образом, Павел Николаевич "отодвинул" от власти председателя IV Государственной думы М.В.Родзянко. Но, как писал позднее сам Милюков: "Нам нужна была, во что бы то ни стало, сильная власть. Этой власти князь Львов с собой не принес"[1]. Однако, зная характер князя Львова, сложно представить его не только в виде источника сильной власти, но даже и в роли премьера. Идеалист-славянофил, человек искренний и глубоко порядочный, он не нес в себе качеств, необходимых для руководителя страны в столь сложное время. Это отмечали В.М.Чернов, Милюков, Набоков[2]. Как писал о нем его биограф Полнер, во Львове ощущалось "смиренство, миротворчество, доброта, терпеливое несение креста"[3]. Кроме того, хотя Львов и считался хорошим организатором работы ЗемГора, он не имел опыта государственной работы. Несложно догадаться, что, при таком мягком, выжидающем премьере, у правительства должен был появиться теневой лидер. Можно предположить, что, ставя столь слабого премьера, Милюков это место приберег для себя. Но реально все произошло иначе. Борьба за лидерство в правительстве развернулась между Милюковым и, приглашенным по его же инициативе на пост министра юстиции, Керенским. При активной поддержке Совета рабочих и солдатских депутатов борьбу эту выиграл Керенский.

Теперь перейдем к рассмотрению сложившихся в первом правительстве групп.

Сразу же можно выделить сплоченную партийную группу — кадетов — П.Н.Милюков, А.И.Шингарев, А.А.Мануйлов и Н.В.Некрасов. Однако, если отнесение к этой группе трех первых лиц не вызывает сомнений, то Н.В.Некрасов явно стоит особняком. И политическая ориентация (левый кадет и сторонник республики), и просто его взаимоотношения с лидерами партии не позволяют считать его в данном смысле кадетом. Позднейший выход его из партии Народной Свободы (1-го июля) окончательно закрепит этот отрыв.

Степень влияния Керенского в правительстве первого состава, по мнению П.Н.Милюкова, определило голосование о переводе его на пост министра народного просвещения, имевшее место в конце апреля. За это предложение, исходившее от Керенского, проголосовали семь министров, а именно "прежде всего триумвират Керенского, Некрасова и Терещенко. Затем двое правых, совершенно порабощенных авторитетом Керенского, Влад. Львов и Годнев. (...) Остаются А.И.Коновалов, личный и политический друг Керенского ... и ... князь Львов, подчинившийся его влиянию"[4].

Говоря о четырех из семи (Керенском, Некрасове, Терещенко и Коновалове) Милюков подчеркивает, что "их объединяют не только радикальные политические взгляды. Помимо этого они связаны какой-то личной близостью, не только политического, но и политико-морального характера. Их объединяют как бы даже взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника". Тем самым Милюков намекал на принадлежность данных лиц к масонской ложе[5]. С разными вариациями встречаются эти люди в числе масонского руководства и в работах советских исследователей[6].

Министром земледелия в первом правительстве был кадет А.И.Шингарев. Назначение это было довольно неожиданным, т.к. Шингарев в Думе больше был известен как финансист. В планах оппозиции 1916 года ему отводилось место министра финансов. Однако начавшаяся борьба между кадетами и "керенцами", а также важность продовольственного вопроса (Шингарев выступал с 1916 года с альтернативным проектом решения продовольственной проблемы) привели к тому, что пост министра финансов был отдан Терещенко, а министром земледелия стал Шингарев. Дополнительными аргументами в пользу этого назначения стали земская деятельность Андрея Ивановича (он был губернским санитарным врачом) и его выступления против столыпинской реформы во второй и третьей Думах.

Политику первого Временного правительства в аграрном вопросе, ввиду отсутствия конкурентов, целиком определяли кадеты.

Кадетская группа предлагала все внимание уделить подготовке реформы к Учредительному собранию и не заниматься специально урегулированием текущих земельных проблем. В улаживании конфликтов предполагалось опираться на авторитет власти, аппеллируя к скорому созыву Учредительного собрания, или, в крайнем случае, на силу.

В программном заявлении первого Временного правительства[7] о земельном вопросе не было сказано ни слова. Это не означает, что министерство ничем не занималось. Выбирая между продовольствием и землей, министр А.И.Шингарев все силы направил на решение продовольственной проблемы и добился на этом фронте неплохих результатов. Такая позиция вполне соответствовала кадетскому взгляду на аграрную тактику. До середины апреля министерство не выпустило ни одной инструкции и не представило ни одного законопроекта, направленного на урегулирование текущих земельных отношений. Исключение составляет лишь циркуляр 21 марта за № 33 губернским комиссарам и начальникам Управлений Земледелия и Государственных имуществ и Губернским заведующим Государственными имуществами, подписанный Шингаревым. Разъясняя вопрос о назначении государственного земельного фонда, министр подчеркивал, что "казенные земли должны экспуатироваться на основании действующих узаконений, с тем лишь, чтобы во избежании в будущем затруднений в

свободном распоряжении означенным фондом или неправильного его использования 1) была бы совершенно приостановлена продажа земель 2) сдача в аренду свободных или подлежащих переброске оброчных статей производилась на срок не свыше годичного",.. "впредь, до выяснения Учредительным собранием вопроса о назначении государственного земельного фонда"[8].

Помимо этого, в марте-апреле проходила передача министерству земледелия управления над удельными и кабинетскими землями.

Деятельность Шингарева во многом даже дезорганизовала текущую работу на местах, т.к., например, телеграммой "об оказании помощи с/х работам" местному персоналу министерства земледелия предписывалось в первую очередь заниматься заготовкой продовольствия[9].

В это же время перед началом посевной крестьяне начали захватывать пустоши и незасеянные поля, сбивать арендную плату, уводить с помещичьих полей работников и команды военнопленных. Часто, руководствуясь тезисом "Для победы Родине нужен хлеб", этим движением руководили местные комитеты. Во многом, данные захватные движения можно было устранить принятием ряда законов и инструкций, но правительство и министерство продолжали практику уговорув и угроз. Это проявилось в "Воззвании Временного правительства к населению области Войска Донского" от 7 апреля[10], в телеграмме председателю Временного исполнительного комитета Раненбурга Сухареву от 6 апреля (текст телеграмы принимался на заседании Временного правительства)[11], а также в циркулярах местным органам министерства и в многочисленных ответах на прошения и жалобы в министерство.

Однако позиция эта, при первом же столкновении с реальностью, показала свою полную несостоятельность. Аграрные беспорядки вынудили правительство отойти от практики уговоров к принятию законодательных актов. Так, 14 апреля появилось постановление Временного правительства "об охране посевов", согласно которому, помимо объявления посевов государственной собственностью, в ведение продовольственных комитетов передавались пустующие и незасеянные земли для обработки их силами комитетов или сдачи в аренду местному трудовому населению[12].

Кроме того, 19 апреля по Лесному департаменту был издан циркуляр № 16, согласно которому предлагалось "допустить за умеренную плату пасьбу скота во всех тех дачах, в коих это возможно без особого ущерба для лесонасаждений, а где невозможно — к собиранию травы". При этом объяснялось, что "предоставление пасьбы скота в казенных лесных дачах имеет в виду не столько финансовые выгоды казны, сколько обеспечение насущных потребностей сельского населения", поэтому, по согласованию с губернскими комиссарами, пасьба могла производиться даже бесплатно. То же касалось и казенных сенокосов[13].

Следующим шагом, подтверждающим отход правительства и Шингарева от прежней позиции, стало принятие 21 апреля "Воззвания по земельному вопросу" и постановления "О земельных комитетах"[14]. Впервые правительство объявило о том, что собирается создавать земельные комитеты 19 марта[15], однако тогда планировалось создать только Главный Земельный Комитет (ГЗК) и только для сбора материалов и разработки проекта будущей реформы. Под воздействием левых партий ГЗК при Временном провительстве превратился в общероссийскую сеть во главе с Главным Земельным комитетом и иерархией губернских уездных и волостных комитетов, которым, помимо подготовки к разработке земельной реформы, предписывалось "приведение в исполнение постановлений центральной власти по земельным делам", а так же "издание по вопросам сельскохозяйственных и земельных отношений, обязательных постановлений в пределах действующих законоположений и постановлений Временного правительства" и "разрешение вопросов, споров, недоразумений, возникающих в области земельных и сельскохозяйственных отношений, в пределах существующих законоположений и постановлений Временного правительства"[16].

Министр понимал, что созданная им система не способна решить текущие проблемы деревни без широкого привлечения местных сил. Об этом сообщалось в телеграмме председателям губернских продовольственных и земельных комитетов, губернских земских управ от 25 апреля. Говоря об организации посева и вопросах, с этим связанных, он замечал: "Центральное ведомство бессильно само справиться со всеми этими задачами, если ему не помогут местные общественные силы: местные продовольственные и земельные комитеты, земства, кооперативы и т.п. Роль центрального органа — лишь планомерно содействовать работе".

Считая организацию с/х производства одной из самых важных задач, А.И.Шингарев призывал общественные силы и государственные структуры к координации действий путем выработки общегубернских планов[17].

В той же телеграмме министр, отмечая, что в деревне почти отсутствует агроперсонал (либо мобилизованный, либо занятый заготовкой продовольствия) заявлял, что "с реорганизацией продовольственного дела и передачей его в надежные руки местных продовольственнных комитетов настало время, возможность и желательность возвращения этого агрономического персонала к его обычной работе по организавции с/х производства". Предполагалось также

демобилизовать правительственных и общественных агрономов[18].

Об окончательном отказе Шингарева от прежней тактики может свидетельствовать воззвание к волостным комитетам, изданное 1 мая, за № 47.

В нем, помимо призывов не совершать противоправных действий, появляются новые, весьма важные положения. "Для разрешения всяких споров об аренде земли, о рубке лесов, о найме рабочих, о военнопленных, о скоте и т.д. учреждаются повсеместно в уездных городах, а в случае надобности и в волостях, выборные земельные комитеты, в которые все отдельные лица и сельские общества должны обращаться со своими земельными жалобами, просьбами и пожеланиям. Комитеты будут решать все споры до тех пор, пока весь вопрос окончательно не разрешится в Учредительном собрании"[19].

Кроме того, Шингарев внес в данное воззвание следующий пункт: "Всякое изменение существующего порядка землепользования, условий аренды, рубки леса, пасьбы скота и т.п. не должно проходить без разрешения земельных комитетов"[20]. Таким образом он дал добро на деятельность, которая никакими законами и подзаконнными актами не регулировалась.

В результате действий министерства Шингарева сложилась интересная ситуация. Постановлением 21 апреля была создана сеть земельных комитетов, которые в своей деятельности должны были руководствоваться постановлениями Временного правительства. Однако четкого закона и инструкций, объясняющих права и обязанности комитетов, не было, а в возникающих законах и подзаконных актах права эти были описаны столь неясно, что это давало пово к их различному истолкованию и приводило к самодеятельности на местах. Самодеятельность эта правительством объявлялась или превышением полномочий, или нарушением закона. Все это запутывало узел текущих проблем деревни, соединяя его с вопросом земельной реформы, ставя под угрозу ее проведение.

Более четко действовал министр в отношении казенных земель и угодий, но стоит отметить, что в местах наибольшей аграрной напряженности процент казенных земель был крайне невелик.

Политика правительства вызывала активное давление на него извне. Самым главным рычагом здесь был Совет рабочих и солдатских депутатов. Разногласия между ними по вопросам о мире, земле, в рабочем вопросе постоянно давали о себе знать. Ведь именно при его поддержке Керенский свалил Милюкова и заставил кадетов перейти в оппозицию. Но позиция Совета по отношению к правительству была довольно интересна. Ведь до самого образования коалиционного правительста Совет выступал против такой идеи. Это отмечали многие современники. П.Н.Милюков писал: "Наиболее влиятельные руководители Совета, вместе с И.Г.Церетели, вовсе не были склонны нести ответственность за пользование правительственной властью в такую ответственную и трудную минуту"[21]. В.М.Чернов довольно метко подметил "властебоязнь" "сибирских циммервальдовцев", и в первую очередь, Церетели[22]. Правда, и он сам не был решительным стронником коалиции. Как отмечал Керенский, 26 апреля "против вхождения социалистов в правительство решительно выступили не только некоторые либералы, но и некоторые меньшевики и с-р (особенно Чернов и Церетели), которые в равной степени не желали сотрудничать с Временным правительством"[23]. 29 апреля Исполнительный комитет (ИК) Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов (ВСРиСД) отказался послать своих представителей во Временное правительство.

"Однако мысль руководящей группы в правительстве (...) окончательно остановилась на идее коалиции с членами партий, входивших в Совет, как на лучшем выходе из создавшегося положения"[24]. Как вспоминал А.Ф.Керенский, "24 апреля я заявил, что выйду из состава правительства, если Милюков не будет переведен на пост министра просвещения. Одновременно я потребовал немедленно ввести в правительство представителей социалистических партий"[25].

Только выход из правительства Гучкова и выработка принципа ответственности министров-социалистов перед Советом рабочих и солдатских депутатов, а также давление со стороны Советов, иностранных социалистов, Керенского дали возможность коалиции появиться.

В советской историографии традиционно принято деление коалиционных правительств по принципу министры-социалисты, министры-капиталисты. Однако при более внимательном изучении проблемы можно легко выделить из состава правительства ряд групп, претендовавших на роль "лидеров революции" (причем деление это гораздо сложнее, чем традиционное), борьба между которыми определяла политику правительства и в аграрном вопросе.

Так, в первом Коалиционном правительстве можно выделить три группировки: кадетская фракция, группа Керенского, группа Чернова. Наиболее влиятельной и сложной была группа А.Ф.Керенского. Она состояла как бы из трех частей: "триумвирата", социалистов и "болота". Центральное ядро, получившее название "триумвирата", действительно держало в руках все руководство деятельностью "коалиции"[25а]. "Болото"составляли правые министры-керенцы.

Керенский — социалист весьма условный — полагал, "что Временное правительство обладает верховной властью и что Исполнительный комитет не вправе вмешиваться в его деятель-

ность"[26]. Поэтому социалистическая часть коалиции выглядела довольно странно, и, несмотря на присутствие в правительстве 4-х товарищей председателя СРиСД, оказалась довольно слабой и разношерстной.

Церетели — несомненно, один из лидеров Совета — как было отмечено выше, страдал "властебоязнью", которая была присуща многим меньшевикам. Поэтому, оказавшись в правительстве и заняв малозначительный пост министра почт и теллеграфов, он стал "замечательным специалистом по межпартийной тактике"[27] и верным сторонником коалиции. То же можно отнести и к М.И.Скобелеву. Его, как сказал Церетели, "пришлось отдать в правительство"[28]. Четвертым "министром из исполкома" был В.М.Чернов, о котором будет сказано ниже. Вошедшие в правительство А.В.Пешехонов и П.Н.Переверзев относятся к столь правым социалистам, что их сложно присоединять к социалистической группе.

Кадетская группа (Шингарев, Шаховской, Мануйлов) после выхода из правительства П.Н.Милюкова составила небольшую, но весьма боевую оппозицию, которую по ряду вопросов поддерживал и премьер, князь Г.Е.Львов.

В.М.Чернова "группой" можно назвать лишь условно. Выступая по общеполитическим вопросам вместе с министрами-социалистами, он, тем не менее, стоял в правительстве несколько особняком. Причин здесь несколько. Во-первых, как отмечал сам Чернов, пост министра земледелия он должен был занять под давлением Всероссийского совета крестьянских депутатов (ВСКД) и Партии социалистов-революционеров (П.СР.)[29]; его сложно отнести к сторонникам коалиции. Во-вторых, имея вне кабинета поддержку ВСРиСД, ВСКД и многих миллионов крестьян, "селянский министр" имел крайне плохие отношения с ведущими правительственными группировками. Давние идеологические разногласия с кадетами, практически по всем основным вопросам, дополнялись личной враждой с Керенским, который очень болезненно относился к партийному и общественному авторитету Чернова. Ведь при создании правительства, как писал П.Н.Милюков, "В.М.Чернов навязывался по необходимости: он был шефом там, где сам Керенский был только новичком, и его нельзя было оставить за кулисами"[30]. Помимо этого предполагалось использовать авторитет Чернова для влияния на крестьян-солдат. Ему предлагали "авансом" объехать фронт для поднятия боевого духа. Он вспоминал: "Я ответил, что сам бесконечно рад перспективе такого объезда, как и объезда после этого наиболее типичных земледельческих районов с сильными крестьянскими организациями; но срок этого объезда для меня определится моментом, когда я смогу поехать не с пустыми руками, а вооруженный рядом временных мер, ставящих нашу земельную политику на твердые рельсы подготовляющейся и развертывающейся аграрной реформы"[31].

Министром земледелия в первом коалиционном правительстве стал В.М.Чернов. Назначение на этот пост вызвало немало споров. Кадеты не хотели отдавать пост, позволяющий держать и продовольствие, и земледелие. Однако политика Шингарева, совершенно не оправдавшая себя в земельном вопросе (последнее время он де-факто работал под диктовку социалистов), заставила их отдать земледелие. На совещании 3-го мая правительства, Временного комитета Государственной думы и Совета вопрос о назначении на этот пост Чернова вызвал оживленную дискуссию. Помимо П.С-Р, Чернова поддерживал Совет крестьянских депутатов. Против выступали кадеты и народные социалисты[32].

Вопрос этот решился лишь после того, как единогласно было решено создать особое министерство продовольствия[33].

Лидер партии социалистов-революционеров, В.М.Чернов занял пост министра земледелия не случайно. В отличие от Шингарева, этот профессиональный революционер довольно близко был знаком с аграрным вопросом. Он заложил основы аграрной концепции П.С-Р, был крупным аграрным публицистом. Кроме того, Чернов обладал огромным авторитетом среди крестьян. Однако лево-центристские взгляды и нежелание подчиняться правой линии коалиции делали его существование в правительстве нелегким.

Такая расстановка сил обеспечивала преобладающее влияние на политику правительства со стороны группы Керенского. От Совета в правительство вошло одно название. Единственным строптивцем оказывался Чернов, но он был необходим для влияния на крестьян. Однако, явно механическое соединение социалистов и капиталистов под знаменем "коалиции", а так-же позиция Керенского в вопросе взаимоотношений Совета и Временного правительства грозили разрушить этот блок.

Политика коалиционного правительства была определена декларацией от 5 мая. Ее аграрный раздел гласил: "Предоставляя Учредительному собранию решать вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения"[34].

В.М.Чернов, которого поддерживал ВСКД, полагал, что надо устранить саму почву для конфликтов, создав широкую сеть местных органов земельного самоуправления с четко определенными законом правами для решения всех проблем, возникаюших на местах в пери-

од до созыва У.С. При этом он предлагал при решении проблем на местах руководствоваться принципом "Вся земля — всему трудовому народу". Как говорил сам Чернов: "Ни для кого не тайна, что принцип, которым будет пользоваться Учредительное собрание при решении земельного вопроса: "вся земля — всему народу". Неизбежность такого решения признают даже те, кому оно более чем нежелательно. Поэтому мы, мне кажется, не узурпируем воли У.С..."[35]

В деятельности Чернова можно выделить два направления: разработка законов, регулирующих использование земельного фонда до Учредительного собрания, и разработка временных постановлений, инструкций, служащих юридической базой для местных земельных комитетов.

Подготовить земельный фонд к Учредительному собранию планировалось в первую очередь с помощью проекта "Об ограничении земельных сделок".

Первое действие в этом направлении было предпринято 17-го мая. Министр юстиции разослал старшим нотариусам телеграмму о приостановлении утверждения актов на земельные сделки[36]. В то же время Чернов начал более активно воздействовать на занимавшееся законопроектом о земельных сделках совещание по устройству земельных комитетов. Уже 12 мая в совещание поступило три проекта: В.М.Чернова, Н.Н.Кутлера и министерства юстиции[37]. 24 июля министры юстиции и земледелия внесли во временное правительство проект, который в своей концепции фактически повторял проект В. Чернова от 12 мая и гласил: "В целях обеспечения за Учредительным собранием возможно более полной свободы располагать по своему усмотрению наличнь : земельным фондом, Временное правительство постановляет: 1. Совершенные после 1 марта всякого рода акты как по добровольным сделкам, так и по принудительным продажам, кем бы они ни совершались и кого бы они ни касались, об установлении или переходе права собственности, залога или иного вещного права на внегородские земли, занятые с/х и лесными угодьями, не могут служить основанием к установлению для этих земель или для лиц, участвовавших в этих сделках, каких-либо изъятий и преимуществ при разрешении земельного вопроса"[38]. Этот проект должен был стать защитой от распродажи земель иностранцам, фиктивных сделок и других изменений земельного фонда до Учредительного собрания.

Однако проект этот Временным правительством был отклонен. А 23-го июня министр юстиции отменил телеграмму от 17 мая и ситуация вновь зашла в тупик.

Похожее положение складывалось и с проектом "об упорядочении земельных отношений". Комиссия законодательных предположений при Главном земельном комитете подготовила проект к 12-му июня. По этому проекту "В целях сохранения земельного фонда в неприкосновенности и целесообразного использования земли до решения Учредительным собранием все с/х земли объединяются под охраной нарсдно-государственной власти и передаются в ведение земельных комитетов.

2. Эти комитеты должны определять: а) какое количество земли необходимо оставить в общественное пользование общин, товариществ и частных владельцев; б) какие хозяйства культурного типа и в каком размере должны быть сохранены в неприкосновенности; в) все остальные земли образуют арендный фонд, который распределяется земельными комитетами между с/х населением во временное пользование.

3. Из общего арендного фонда местные земельные комитеты в первую очередь удовлетворяют нужды местного трудового населения путем сдачи земель для общественной и товарищеской обработки.

4. Все договоры по долгосрочной аренде могут быть пересматриваемы, расторгаемы и изменяемы в интересах трудящегося населения.

5. Все виды посреднической аренды прекращаются земельными комитетами"[39].

Сами создатели преследовали две цели: "Во-первых, сохранить земельный фонд неприкосновенным до Учредительного собрания от распыления, от самовольных захватов отдельными группами населения, имевшими уже место, во-вторых, предоставить земельным комитетам право контроля и надзора за сельскохозяйственными землями, дабы в настоящее переходное время при крутом перевороте в социально-экономических отношениях не пострадали интересы народного хозяйства вообще и с/х в частности"[40].

29-го июня проект, с сильными изменениями, утвержден советом ГЗК. В нем уже отсутствовало положение о передаче всей земли в ведение земельных комитетов. Были сокращены границы арендного фонда, в него поступали земли, сданные владельцами в аренду, фактически поступившие в пользование местного населения и те, которые владельцы не могут обработать. Несмотря на сокращения, проект мог бы стать серьезным шагом вперед по сравнению с постановлением Временного правительства от 14-го апреля.

Данный проект занимал промежуточное положение в ряду мер по упорядочению земельных отношений, т.к. затрагивал и вопрос о сохранении земельного фонда, и вопрос о создании юридической базы для действий местных земельных комитетов. Однако жизнь требовала более тонкой системы регулирования, через временные постановления и инструкции.

В этот период проходила волна создания местных земельных комитетов. Так, за период

с 30-го мая по 30-ое июня количество областных и губернских комитетов в Европейской России увеличилось в 6 раз (с 6 до 34) и составило 73 % от числа вообще созданных. С 15-го по 30-ое июня количество уездных комитетов выросло с 84 до 214, охватив 50% уездов. В то же время было создано около 50% волостных комитетов от числа вообще созданных в России[41]. Ставя одной из задач расширение прав земельных комитетов, министерство и комиссия законодательных предположений фактически в каждый проект заложили конкретное направление деятельности земельных комитетов, подводя под него юридическую базу. Таким образом пытались упредить стихийное завоевывание прав комитетами, создать механизм для их нормальной деятельности.

Кроме разделов в вышеперечисленных постановлениях, было разработанно немало "текущих" проектов. Так 26-го июня в докладе исполкому Всероссийского Совета крестьянских депутатов депутат Стадников, сообщая о разработанных в ГЗК проектах, акцентировал внимание на проекте об организации сенокосов и распределении сена, по которому земельные комитеты должны были получить право определять количество сена, необходимого для данного хозяйства, и распределять оставшуюся площадь сенокосов среди нуждающегося населения, и проекте временных правил об охране лесов и их рубке, по которым временное, до преобразования лесоохранительных комиссий, право заведывать лесами предоставлялось также земельным комитетам[42]. Если учесть, что с 20-го мая по 1-ое июля (между 1-й и 2-й сессиями Главного Земельного Комитета) были разработанны также проекты "о возложении на земельные комитеты дел по рыболовству", "о контроле над скотом", где немалая часть обязанностей и прав передавалась земельным комитетам[43], то несложно понять, что новым, снабженным правилами деятельности земельным комитетам отводилась наиважнейшая роль в развитии и регулировании земельных отношений на местах, особенно в упреждении стихийных захватов.

Из всего блока проектов Чернова Временное правительство 16-го июня приняло постановление о "сохранении племенного скота, а также молочного скота, снабжающего молоком города и промышленные центры"[44], а 28-го июня — проект "о приостановлении производства дел по законам от 14 июня 1910г. и 29 мая 1914г. и об устранении землеустроительных комиссий"[45]. По этому постановлению было приостановлено производство дел по выходу из общин, упразднялись губернские и уездные землеустроительные комиссии, а дела и штаты данных комиссий передавались соответствующим земельныи комитетам.

В деле управления казенными землями министр вынес на совещание товарищей министров предложение разрешить министру земледелия своею властью "сдачу в аренду без торгов участков казенных оброчных статей общественным учреждениям, организациям и частным лицам для культурных, опытно-научных, показательно-хозяйственных и промышленных целей". 31-го мая совещание вынесло положительное заключение и передало дело на утверждение правительства[46]. Но там это постановление "зависло". Проще было с вопросами, которые мог решать своей властью министр. 8-го июня губернским и уездным комиссарам Временного правительства была разослана циркулярная теллеграмма за N 55, согласно которой, "принимая во внимание, что в тесной... связи с вопросом о заведывании казенными землями стоят вопросы об установлении порядка сдачи в аренду казенных земель, выбор самих арендаторов и предоставление арендующим казенные земли лицам тех или иных льгот по аренде (см. ст.75 —101 Наказа 19 мая 1912 года об использовании казенных земель)", все эти вопросы находились подлежащими компетенции земельных комитетов. Права, предоставленные ранее в этих вопросах Комитету по землеустроительным делам и губернским землеустроительным комиссиям передавались в губернские земельные комитеты, а права уездных землеустроительных комиссий — в уездные земельные комитеты. Для решения данных вопросов в земельные комитеты с правом совещательного голоса входили местные заведующие государственными имуществами[47].

Положение, сложившееся в с/х к концу июня, хорошо характеризует записка комиссии законодательных предположений совету Главного земельного комитета. В ней, в частности, указывалось, что разруха в с/х "неизбежна вследствии медленности осуществления Временным правительством по независящим от него обстоятельствам мероприятий в области урегулирования земельных отношений". Далее указывалось, что воззвание 23-го апреля к населению с призывом спокойно ждать нового земельного устройства некоторое время действовало, но далее аграрное движение все растет и крепнет и проявляется в еще более грозных формах. "Правительство, находящееся в тяжелом положении наследника обанкротившегося режима, стоя перед жесточайшим финансовым и хозяйственным кризисом, напрягая все силы для государственного строительства, не могло с одинаковой полнотой обслуживать все стороны жизни огромной страны, требовавшие регулировки, и земельные отношения были представлены лишь воздействию воззваний и призывов к ожиданию". Далее комиссией высказывалась озабоченность, что правительство, не принимая разрабатываемые проекты, "систематически отстает от революционного правотворчества на местах, что это положение, в силу которого центр остается в хвосте, невозможно

и недопустимо. Это соображение, как и нарастающее движение на местах, приводят комиссию законодательных предположений к полному убеждению в совершенной необходимости перейти на путь решительных мер". Такими решительными мерами, по мнению комиссии, должны были стать не штыки, а скорейшее проведение в жизнь закона о передаче до Учредительного собрания всех земель в ведение земельных комитетов[48].

Записка глубоко анализирует возможное развитие событий: или Правительство принимает проекты Чернова и пытается успокоить деревню мирными средствами, или оно будет вынуждено перейти на путь силового давления, учитывая, что МВД в записке Правительству от 3-го июня предлагало перейти к таким мерам.

К началу июля в Министерстве земледелия и Главном земельном комитете был разработан ряд проектов, охватывающий почти все стороны с/х жизни. Но, как замечал в докладе ИК ВСКД 29 июня Н.Я.Быховский, "вопрос только в том, что эти законопроекты не превращаются немедленно в закон"[49].

Превращению проектов в закон мешала расстановка сил в правительстве. Как уже говорилось выше, Чернов со своими проектами находился почти в полной изоляции. Кадеты были явно против, а, по словам Чернова, "не-социалистические министры, в принципе, как будто согласны на многое, а как доходит до дела, то вырастают разные затруднения, то формальные, то технические"[50]. Кроме того, у Чернова сильно испортились отношения с Керенским после того, как на третьем съезде П.С-Р последнего "прокатили" на выборах ЦК.

Из всех предложенных проектов были приняты лишь те, по которым не возникало противоречий с кадетами (ликвидация последствии столыпинской реформы, снабжение городов молоком и сохранение скота.)

Однако дальнейшее развитие событий дало Чернову шанс попытаться провести проекты в жизнь.

Правительство, скроенное рукой Керенского, трещало по швам. Началось это еще в мае, когда, после постановки вопроса о введении 8-часового рабочего дня, подавал в отставку Коновалов. Обострились отношения Керенского с Советами. После проведения всероссийских съездов Советов (Рабочих и солдатских, и крестьянских депутатов) перед Керенским, как министром, ответственным перед Советом, появилась альтернатива: либо выполнять решения, а, значит, — неизбежно крушение коалиции, либо рвать с социалистами.

В начале июля во Временном правительстве произошел ряд серьезных изменений. 1-го июля, ввиду разногласий в украинском вопросе, в отставку подали министры-кадеты. Вслед за этим 3-4-го июля в Петрограде произошли так называемые "июльские беспорядки", основным лозунгом которых был тезис о передаче власти Советам.

7-го июля с открытым письмом выступил глава правительства князь Львов. Он заявил о своей отставке. Главной причиной, побудившей его сделать этот шаг, явилось недовольство политикой министров-социалистов "в виду явного уклонения от внепартийного характера ... в сторону осуществления чисто партийных социалистических идей...", вторжение их в права Учредительного собрания.

Одним из важнейших пунктов разногласий Львова и социалистов стали земельные проекты В.М.Чернова. Князь писал: "Земельные законы, вынесенные Министром земледелия на утверждение Временным правительством, неприемлемы для меня не только по содержанию, но и по существу всей заключающейся в них политики. Декларацией преобразованного в мае Временного правительства было установлено землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения, но, по-моему, министр земледелия, отступая от ее смысла, проводит законы, подрывающие народное правосознание. Они не только не борются с захватными стремлениями, не только не нормируют и не вводят в русло земельных отношений, но как бы оправдывают гибельные, происходящие по всей России самочинные захваты, закрепляют совершившиеся уже захваты и, в сущности, стремятся поставить Учредительное собрание перед фактом уже разрешенного вопроса"[51]. Князь видел в программме министерства программу прежде всего партийную, гибельную, по его мнению, для России.

Для воплощения в жизнь аграрной программы не оставалось препятствий. На декларативном уровне все также складывалось удачно. В опубликованной 8-го июля декларации "Правительства спасения революции" о текущих мероприятиях в земельном вопросе говорилось следующее: "1) Полная ликидация разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики, 2) Меры, обеспечивающие полную свободу Учредительному собранию в деле распоряжения земельным фондом страны, 3) Упорядочение земельных отношений в интересах государственной обороны и продовольствия страны путем расширения сети организуемых государством земельных комитетов с точно определенными законом полномочиями в области решения текущих вопросов с/х политики, не предрешающих основного вопроса о праве собственности на землю, как входящего лишь в компетенцию Учредительного собрания, 4) Устранение путем закономерного регулирования поземельных отношений той серьезной опасности, которую представляют для государства и будущей аграрной реформы земельные захваты и т.п. самочинные способы разрешения земельных нужд, проти-

воречащие принципу общегосударственного плана будущей земельной реформы"[52].

Как видно из текста, данный раздел декларации отражает майско-июньские направления деятельности Министерства земледелия.

Вставал вопрос об их практической реализации, т.е. о принятии Временным правительством проектов, разработанных в мае и июне. Образование 10-го июля "паритетного" правительства — 5 социалистов, 5 — капиталистов (Керенский, Чернов, Церетели, Скобелев, Пешехонов и Некрасов, Терещенко, В.Львов, Годнев, Ефремов)[53], дававшее абсолютное большинство группе Керенского, поставило судьбу проектов в прямую зависимость от его решений.

12-го июля правительство приняло проект об ограничении земельных сделок. Данное постановление было изданно "в целях предотвращения земельной спекуляции, предотвращения фиктивных сделок на земли, отягощения их закладными, продажи их иностранцам и т.п. сделок, могущих затруднить распоряжение наличным земельным фондом Учредительного собрания"[54].

Согласно этому постановлению, совершение крепостных актов по сделкам об установлении или переходе вещного права на с/х земли должно был разрешаться губернским земельным комитетом и утверждаться министром земледелия. Данное постановление отвечало п.2 декларации 8 июля. Днем раньше было утверждено постановление совещания товарищей министров от 31 мая.

Однако 12-го июля начинает изменяться курс группы Керенского. В этот период проходили многочисленные совещания, выдвигалось множество проектов состава кабинета. Керенский, который 8-го июля отвергал блоки, предлагая по два портфеля Чернову и Некрасову[55], 12-го начинает переговоры с кадетами Набоковым, Астровым и Кишкиным, правда, как с частными лицами[56].

Объяснить такой поворот в позиции Керенского можно тем, что СРиСД настаивал на подчинении министров-социалистов Совету, на что Керенский при возросшем влиянии был не согласен. Однако выступать он мог только как представитель Совета, лидер революционной демократии. В то же время, кадеты были согласны поддержать его в борьбе с Советом, но при соответствующих уступках. В переговорах кадетов и социалистов Керенский выступал в роли "уравновешивателя".

Главным пунктом разногласий стал вопрос земельный. Кадеты настаивали на отмене мероприятий Чернова и отставке его самого. Это требование было выставлено 14-го июля и стало камнем преткновения в вопросе создания коалиционного правительства[57].

Позиция кадетов вызвала "резкую оппозицию со стороны министров-социалистов"[58]. Керенский также выступил за то, чтобы все министры-социалисты сохранили свои посты. К 17-18-му июля кадеты согласились пойти на уступки в земельном вопросе, в частности примириться с постановлением об ограничении земельных сделок, но продолжали требовать отставки Чернова[59].

В качестве нового министра земледелия называли Н.Д.Авксентьева, однако он в интервью газете "Вечернее время" не только поддержал линию Чернова в аграрном вопросе, но и открыто обвинил кадетов в несправедливых нападках на позицию, поддержанную Временным правительством[60].

Сложившаяся ситуация была патовой не только для кабинета, но и для воплощения в жизнь аграрной политики.

Чувствуя неразрешимость ситуации, Чернов 16-го июля издает ведомственную инструкцию, в которую были включены основные положения проектов по текущим вопросам. В ней регулировались взаимоотношения не только между крестьянами и помещиками, но и между продовольственными и земельными комитетами по вопросам аренды, использования сенокосов и лесов, работ команд военнопленных, использования инвентаря[61].

Такой ход сам по себе не мог вызвать восторга у оппонентов Чернова. Проведенное же им через правительство 19-го июля постановление "о реорганизации учреждений Министерства земледелия, ведающих делами земельного устройства"[62], согласно которому на месте упраздненных Департамента Государственных земельных имуществ и Комитета по землеустроительным делам создавались Управление делами Главного земельного комитета и Управление Государственным земельным фондом с единой должностью управляющего, прямо подводило правительство к принятию проекта об упорядочении земельных отношений. Ведь, если государственные земли находились под контролем земельных комитетов, задачи и чины упраздненных землеустроительных комиссий тоже, надельная земля де-факто тоже, дело оставалось лишь за частновледельческими землями. Такое положение не устраивало ни кадетов (по их мнению, это было вторжением в права Учредительлного собрания), ни Керенского, который не смог бы создать коалицию. Для решения проблемы необходимо было убрать Чернова, и в дело пошли интриги.

Как писала 21-го июля газета "Новое время", по городу вчера ночью распространились чудовищные слухи об участии В.М.Чернова до его приезда в Россию в газете "Мысль", издававшейся в Швейцарии для русских военнопленных в Германии[63].

"Мысль" — пацифистская газета, издававшаяся в Швейцарии в 1915 году Черновым и Натансоном — стала "затравкой" в кампании, направленной на дискредитацию Чернова в ка-

честве немецкого агента и провокатора. Чернов был вынужден направить Керенскому 20 июля следующее письмо. "Подвергаясь в течение слишком долгого времени ожесточенной травле со стороны политических противников, за последнее время не брезгующих распространением против меня невозможных клеветнических слухов и использованием самых грязных и не менее клеветнических полицейско-жандармских источников, я считаю для себя необходимым обладать в данный момент полной свободой действий, в качестве защищающего свою политическую честь и преследующего клеветников частного лица, и поэтому прошу принять мою отставку"[64].

Временное правительство признало желание Чернова вполне законным и удовлетворило отставку. Во главе министерства до выяснения обстоятельств дела, встал товарищ министра-управляющий министерством П.А.Вихляев[65].

Было бы странно, если бы отставку Чернова не удовлетворили. Ведь все эти обвинения выдвигались лишь для того, чтобы расчистить дорогу коалиции. Операция эта, по заявлению Некрасова, была проведена, и, надо думать, спланирована "керенцами". Недаром на вопрос комитета журналистов, верны ли слухи, что на отставке Чернова настаивали Терещенко и Некрасов, последний ответил: "Слухи о В.М.Чернове все время не были для нас тайной, но два дня назад, когда эти слухи стали особенно интенсивными, действительно, я и М.И.Терещнко ребром поставили вопрос о невозможности оставления В.М.Чернова в правительстве впредь до разъяснения всех обстоятельств"[66].

На пути коалиции Керенский — кадеты оставался лишь ЦИК СРиСД и его лидеры — меньшевики, продолжавшие требовать подотчетности правительства Совету. ВСКД и эсеры были в это время больше заняты "войной за Чернова". Керенский для давления на Совет прибег к испытанному средству — отставке. 21-го июля в отставку подали сначала Керенский, а потом Терещенко, Некрасов, В.Львов, Годнев, Ефремов. В правительстве остались Церетели, Скобелев, Пешехонов и Переверзев. Если учесть, что двое последних склонялись к коалиции с кадетами, то можно понять, в каком положении оказались меньшевики.

Судьбу правительства решали в ночь с 20-го на 21-ое июля в Зимнем дворце. Вожди Совета были, по выражению Милюкова, "обойдены с тыла". Винавер предложил им взять власть в свои руки, на что Чхеидзе и Церетели, взвесив все шансы образования однородного социалистического правительства, не решились ответить утвердительно[67]. Блок "Керенский-кадеты" стал реальностью.

В свете этого интересна дальнейшая судьба В.Чернова и его проектов.

Работа министерства была сильно дезорганизована. Судебная кампания могла затянуться на неопределенный срок, хотя мало кто сомневался в ее клеветническом характере.

22-го июля Министр-Председатель передал в Министерство Юстиции все имеющиеся у него материалы, касающиеся обвинений против В.М.Чернова[68]. Министр Юстиции предложил прокурорскому надзору затребовать материалы от В.Л.Бурцева по делу В.М.Чернова[69].

Чернов получил сильную поддержку со стороны Советов. Уже 21-го июля в ночном заседании исполкомов по предложению Н.С.Чхеидзе была принята следующая резолюция: "Заслушав сообщение тов. Чернова и Церетели о выходе тов. Чернова из состава правительства для полного разоблачения ведущейся против него клеветнической кампании, объединенное собрание ЦИК СР и ИК ВСКД выражает тов. Чернову свое полное доверие и желает скорейшего его возвращения на пост, где он отстаивал и будет отстаивать интересы трудового крестьянства и всей демократии во имя спасения и укрепления революционной России"[70].

Как видно из этой резолюции, Советы целиком поддержали и В.М.Чернова, и курс его министерства. Аналогичные резолюции приняли множество Советов по всей России.

22 июля в совместном заседании ИК ВСКД с представителями губернских Советов крестьянских депутатов была принята следующая резолюция.

"Обсудив вопрос о выходе из состава Временного правительства товарища нашего, члена ИК ВСКД В.М.Чернова в связи с клеветнической компанией, поднятой против него врагами русского трудового крестьянства, ИК ВСКД и представители губернских Советов крестьянских депутатов выражают свое глубокое негодование против этих гнусных попыток очернить нашего истинного борца за Землю и Волю, отдавшего жизнь свою за великое дело крестьянское и посланного нами во Временное правительство для осуществления вековых чаяний трудового народа, и усматривают в этих попытках бесчестный прием борьбы против земельной политики В.М.Чернова, направленной на скорейшее проведение в жизнь неотложных мер в области земельного вопроса в соответствии с постановлением Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов.

ИК ВСКД и представители губернских советов крестьянских депутатов, выражая свое горячее сочувствие В.М.Чернову во имя спокойствия крестьянства России, которое уже охвачено волнениями под влиянием входа народного министра во имя блага нашей Родины, столь нуждающейся в спокойной работе деревни в нынешний столь грозный час настаивает, чтобы обвинения, предъявляемые В.М.Чернову, были разобраны в 3-дневный срок, дабы после опровержения возводимых на него обвинений Вик-

тор Михайлович мог снова войти в состав Временного правительства и закончить начатое им народное дело"[71].

О разборе дела Чернова в 3-х дневный срок просил также и ЦК ПСР. В случае неподтверждения обвинений Чернов должен был вернуться в состав Правительства[72].

Временное правительство на своем заседании 24 июля, выслушав доклад Министра Юстиции И.Н.Ефремова и заключение Министра-Председателя А.Ф.Керенского, "с удовлетворением убедилось в злостности тех слухов, которые распространяются последнее время в печати и в обществе по поводу деятельности В.М.Чернова в бытность его за границей, поэтому признало прошение об отставке Министра земледелия В.М.Чернова поданным в общем с другими министрами порядке"[73].

Для увеличения своей номинальной власти Керенский пожертвовал курсом реформ, в том числе и земельных, хотя избавляться от Чернова не стал. Поэтому 25 июля Н.В.Некрасов сообщил: "Что касается вопроса о вступлении в состав правительства В.М.Чернова, то таковой никаких трений не вызвал. За те дни переговоров расследование документов по делу Чернова производилось настолько интенсивно, что в весьма короткий срок выяснилась необоснованность выдвигаемых против него обвинений"[74].

После создания Второго коалиционного правительства и блока Керенский — кадеты включение или невключение Чернова в правительство уже ничего не решало... На пути его проектов вставала "группа критики": Кокошкин, Юренев, Карташев, Ольденбург, и "группа поддержки": Керенский, Некрасов, Терещенко, Ефремов, Никитин. Через эту стену проекты Чернова уже не прошли.

Отсутствие реальных результатов от работы привело к фактическому отходу от дел В.М.Чернова и его отставке 25-го августа 1917 года.

Земельные проекты В.Чернова и вопрос о его пребывании на посту министра земледелия красной нитью проходят через весь июльский правительственный кризис. Попытки Чернова провести через Временное правительство проекты, регулирующие текущие земельные отношения, встретили сначала активное противодействие кадетов, а потом и пожертвовавшего реформами ради коалиции Керенского и его группы. В жертву политическим амбициям и шаткому блоку была принесена возможность успокоить деревню, решить многие проблемы, пренебрежение которыми привело в конце концов к падению Временного правительства.

Литература и источники

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. М. 1990, т.2 с. 280

[2] Милюков П.Н. указ. соч. с. 280; Чернов В.М. Перед бурей. Нью-йорк 1953, с. 327; Набоков В.Д. Временное правительство. М. 1923 (цит. по: Страна гибнет сегодня. М. 1991, с. 395)

[3] Милюков П.Н. указ. соч. с. 280

[4] Милюков П.Н. указ. соч. с. 283

[5] Милюков П.Н. указ. соч. с. 285-286

[6] Аврех А.Я. Масоны и революция. М. 1990, с. 174, 193

[7] Вестник Временного правительства. Пг. 1917 №1

[8] ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 36, л. 7

[9] Вестник Временного правительства. Пг. 1917, №25, 7 апреля

[10] то же №26, 8 апреля

[11] то же №25, 7 апреля

[12] Вестник Временного правительства. Пг 1917, №31, 14 апреля

[13] ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 16, л.л. 26-26 об

[14] то же №38, 21 апреля

[15] то же №14, 21 марта

[16] то же №38, 21 апреля

[17] ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 11, л. 2

[18] там же, л. 31

[19] ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 36, л.л. 21,21 об.

[20] там же, л. 21 об.

[21] Октябрьский переворот // Революция 1917 года глазами ее руководителей. М. 1991, с. 198 (Милюков П.Н. История русской революции. София. 1921, т. 1)

[22] Чернов В.М. указ. соч. с. 334

[23] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990, №12, с. 152

[24] Октябрьский переворот... с. 193

[25] Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопросы истории. 1990, №12, с. 152

[25a] М‥люков П.Н. Воспоминания... с. 322

[26] Набоков В.Д. Временое правительство. Воспоминания. М. 1923. цит. по Страна гибнет сегодня. М. 1991, с. 393

[27] Милюков П.Н. Воспоминания... с. 322

[28] Страна гибнет сегодня... с. 255. // Станкевич В.Б.

Воспоминания 1914-1919. Л. 1926

[29] Чернов В.М. указ. соч. с. 328

[30] Милюков П.Н. указ. соч. с. 322

[31] Чернов В.М. указ. соч. с. 328

[32] Станкевич В.Б. указ. соч. с. 258

[33] Воля народа. Пг. 1917, № 6, 5 мая

[34] Вестник Временного правительства... №49, 6 мая

[35] Воля народа. Пг. 1917, №8, 7 мая

[36] Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М. 1975, с.118

[37] Вечерний курьер. М. 1917, №949, 12 мая

[38] Воля народа. Пг. 1917, №50, 27 июня

[39] то же, №51, 28 июня

[40] там же

[41] Кострикин В.И. указ.соч. стр. 124,129

[42] Воля народа... №50, 27 июня

43 то же, №43, 18 июня

44 Вестник Временного правительства... №91, 28 июня

45 Воля народа... №53, 30 июня

46 ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 27, л. 45

47 ЦГАОР ф. 1797, оп. 1, д. 12, л.л. 41-41 об

48 Воля Народа... №51, 28 июня

49 то же, №54, 1 июля

50 Чернов В.М. указ. соч. с 329

51 Речь. М. 1917, №159, 9 июля

52 Вестник Временного правительства... №100, 8 июля

53 Вечернее время. Пг. 1917, №1868, 11 июля

54 Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917, №189, ст. 1128 ; Вестник Временного Правительства... 14 июля

55 Новое время. Пг. 1917, №14820, 8 июля

56 Думова Н.Г. Кадетская партия в годы первой мировой войны и февральской революции. М. 1988, с. 178

57 Вечернее время... №1872, 15 июля

58 Вечернее время... №1872, 15 июля

59 Вечернее время... №1873, 17 июля

60 Вечернее время... №1874, 18 июля

61 Известия Министерства земледелия. Пг. 1917, №24, 30 июля

62 Вестник Временного правительства.... №157, 20 сентября

63 Новое время... №14832, 21 июля

64 Воля народа... №71, 21 июля

65 Воля народа... №71, 21 июля

66 Воля народа... №72, 22 июля

67 Думова Н.Г. указ. соч. с. 181

68 Воля народа... №72, 22 июля

69 Воля народа... №73, 23 июля

70 Воля народа... №71, 21 июля

71 Воля народа... №74, 25 июля

72 Воля народа... №73, 23 июля

73 Воля народа... №74, 25 июля

74 Воля народа... №74, 25 июля

Михаил Боярский

Письма еврейского путешественника

От редакции. Знакомством с людьми, уехавшими в Израиль, сейчас никого не удивишь. Не так давно эмигрировал и один наш знакомый — Михаил Боярский (отнюдь не известный певец — просто полный тезка). А потом он прислал ряд писем — они адресованы разным людям — где рассказал о своих впечатлениях о "земле обетованной". Они показались нам весьма интересными, и мы, с любезного позволения автора и адресатов, предлагаем ознакомиться с ними и вам.

Первое и второе письма были опубликованы в газете "Амфитеатр" (№ 3 за 1992 год). В публикации в большинстве случаев сохранена пунктуация и стилистика оригинала.

Письмо первое

Я надеюсь, что Вы получите это письмо. По-моему, вероятность этого больше 50 процентов, хотя местная служба безопасности обладает тем же скверным качеством, что и КГБ. Ну, бог с ними.

Пожалуй, самым ярким моим впечатлением о переезде является "переход" границы. Это ни с чем не сравнимое, непередаваемое ощущение! Наверное, это очень субъективно, но что-то похожее испытывают все советские эмигранты. Так бывает, когда человек, избавившись от боли, мучившей его долгое время, вдруг чувствует какую-то странную легкость и покой. Но, здесь к этому примешивается еще что-то, что невозможно передать.

Выгрузившись на будапештском вокзале, мы сразу же попали под бдительную опеку венгерского спецназа. Это нужно было видеть — сбившиеся в кучу испуганные эмигранты за цепочкой автоматчиков. А затем нас перевезли на опорную базу Сохнута[1] под не менее бдительную охрану Шин-Бет (Ширут Битахон — служба безопасности Израиля).

Впрочем, насколько я могу понять, охраняли нас главным образом от нас же самих. Это мне стало ясно, когда я захотел выйти с территории базы, в чем мне было отказано. "Но ведь у меня есть венгерская транзитная виза, дающая мне такое право", — сказал я представительнице Сохнута. "Никаких прав у вас здесь нет", — ответила она. Коротко и ясно. Дело в том, что советские эмигранты могли бы попытаться "дернуть" из Венгрии куда-нибудь, а вовсе не в Израиль. А это израильтян не устраивало. Кстати, эта база располагалась на территории бывшей советской воинской части и была украшена живописными витками колючей проволоки и надписями на чистейшем русском языке: "Вход строжайше запрещен".

А потом, уже в Израиле, было две волны ощущений. Первая — "не может быть, чтобы это было реальностью, не может быть, что я за границей". (Это также чувствуют все эмигранты из СССР). И вторая — "это же та самая земля, по которой ходили царь Соломон и Иешуа га-Ноцри. Та самая луна. Те самые холмы. Та самая Палестина".

Вообще — "библейскости" здесь мало. Во всяком случае, в тех местах, где был я. Когда едешь вдоль побережья из Тель-Авива в Хайфу — слева изумрудное море поразительной чистоты, справа холмы, зеленые "пушистые" холмы с гроздьями городов. Удивительно красиво, но... это не то и не так.

И только в Иерусалиме, только там, все становится на свои места. Иерусалим — фантастический город. Но здесь мне просто нечего сказать. Иерусалим нельзя описать. В Иерусалиме все по-другому.

В смысле социальности. Что есть та ось, вокруг которой вращается жизнь? В Союзе — для кого как. Расплывчато и непонятно. Здесь — все четко и конкретно. Деньги. Хотя, здесь есть некоторые тонкости, это все-таки не Запад, но становится понятно, почему классики марксизма придавали этой теме большое значение. Деньги определяют статус человека в этом обществе, не только в смысле отношения к нему со стороны других людей, но и в правовом смысле. (Возможно, одно связано с другим.) Например, здесь полиция, если она имеет к вам претензии, может раздеть вас до трусов прямо на работе, в присутствии сослуживцев. Но это, если вы — нищий эмигрант. Если же — коренной израильтянин среднего достатка — то это менее вероятно, а если состоятельный человек, — невозможно.

Кстати, этот случай с раздеванием, произошедший с одним моим знакомым, связан с другой, не менее актуальной здесь проблемой. Дело в то, что знакомый этот работал на предприятии государственно-профсоюзного концерна

---

1) Сохнут (га-сохнут га-иегудит ле-Эрец-Исраэль) — Еврейское Агентство — международная организация, осуществляющая связь между евреями Израиля и диаспоры в деле репатриации (возвращения на историческую родину). — *прим. ред.*

"Кур". (Там работает около 10 процентов экономически активного населения Израиля). "Кур" этот, давно уже ставший притчей во языцех, гнойник социализма, существующий благодаря многомиллиардным дотациям, славится милыми и непринужденными отношениями между работниками, выражающимися в постоянных интригах, сварах и доносах в компетентные органы. И на моего знакомого поступил донос, что он курит гашиш. Это было связано с тем, что он курил (обычные сигареты) не там, где курят все. Т.е. не прямо на рабочем месте, а в туалете. Тут он и навлек на себя гнев и подозрение сослуживцев, а заодно и полиции.

Сам по себе этот случай дает представление об израильской ментальности и о всем остальном тоже, хотя на частном предприятии — такое было бы невозможно.

Во-первых — люди там работают, а не занимаются онанизмом. Во вторых — полиция не осмелилась бы вторгнуться на частную территорию.

Вообще, все, что связано с государством, будь то медицина или снабжение газом и электричеством — сплошное унижение и абсурд. Ты, ведь, общаешься с людьми, которые получают деньги от государства и тебе решительно ничем не обязаны. Более того, они ведут себя нагло и уверенно, ты ведь не можешь подать на них в суд, если они тебя обдурят. Это не частная компания, а с государством ты судиться не можешь.

Надо отметить, что израильтяне обманывают друг друга очень часто, даже частники. Но, по-моему, виноват в этом не Запад, а Восток. Более половины местного населения — выходцы из стран Азии или их потомки. (Здесь, кстати, кланы играют очень большую роль.) Другие — выходцы из Восточной Европы и СССР. Собственно, в Израиле очень мало людей с американскими или западноевропейскими корнями. И кроме всего прочего, и те, и другие — евреи. Это отдельная большая тема.

Многие советские эмигранты становятся здесь антисемитами. Это называется "синдром Вейнингера". (Был такой еврей — певец юдофобии). Большое количество евреев в одном месте — это действительно ужасно. А ужасно потому, что неестественно. Евреи жили несколько тысячелетий в условиях диаспоры и за это время менялись много раз. Они приспособились к тому обществу, в котором жили, заняли в нем определенную нишу. Наверное, когда на 100 неевреев приходится один еврей — человек, считающий себя самым умным, проявляющий большую активность и неспособный к коллективным действиям — это вполне нормально. Но вырванные национализмом из своей привычной среды и собранные вместе евреи — это фрагмент набора, это элемент организма, сам по себе лишенный смысла.

Израильское общество в значительной степени тоталитарно. Хотя, это не СССР, здесь нет беспредела в отношениях между людьми, есть разница между понятием "мое", "твое", здесь есть частная жизнь. В то же время есть и прессинг на личность, в некотором смысле даже более мощный, чем в СССР. Израильтяне — суперпатриоты, мечтающие превратить в таких же суперпатриотов всех остальных евреев мира. Государство Израиль (правильный перевод — государство Израиля, то есть — государство евреев) — это их пунктик. Отсюда и циничное отношение большинства к арабам (как на территориях[1], так и к местным, израильским). Здесь почти нет космополитов, даже левые группы типа РАЦ, выступающие за деоккупацию — еврейские националисты, обосновывающие свою позицию не столько соображениями гуманизма, сколько безопасности государства Израиль.

На этом заканчиваю.

С приветом.

М.Б.

Письмо второе

...Говоря о политической системе Израиля, я, разумеется, не стану перечислять все политические партии и их программы.

В реальности борьба идет между двумя откровенно (!) тоталитарными группировками: Ликудом ("правые") и Маарахом ("левые"). Маарах (партия Шимона Переса) опирается на бюрократию огромных государственных концернов и банков, а также на профсоюзное объединение "Гистадрут", единственное (!) в стране, и на систему кооперативов. Большинство этих образований существует благодаря дотациям, поступающим, в основном, из США. Поэтому Перес занимает открыто проамериканскую позицию по вопросам "территорий". Небезынтересен и проект абсорбции (включения в социум) миллиона эмигрантов из СССР, предложенный его партией. Этот проект предусматривает резкое увеличение налогов и создание государством 500 тысяч рабочих мест. Перес, также, предлагает 3-летний план для израильской экономики, включающий замораживание цен на частные (!) квартиры и т.д. Здесь комментарии излишни.

Вообще, основа для израильского государственного благоденствия — азиатская психология населения. Протекционизм кланов (выходцы из разных стран мира и религиозные группировки) достигает невиданных размеров, и было бы удивительно, если бы кланы не исполь-

---

1) Речь идет об оккупированных Израилем арабских территориях на Западном берегу реки Иордан, в секторе Газа и др. — *прим. ред.*

зовали в своих целях государственный аппарат.

Ликуд — это партия военного истеблишмента и ВПК. (Хотя и Маарах связан с этой системой, но, вероятно, в меньшей степени, или тут играют роль иные соображения). Менее связанная с американскими дотациями и более с самой израильской экономикой, эта структура держится более независимо по отношению к США.

ВПК и генералитет прилагают неимоверные усилия для того, чтобы поддерживать у израильтян психологию осажденной крепости. Чудовищной мощности сирены полицейских и медицинских автомобилей, завывающие по ночам, постоянные маневры армии с грохотом взрывов, облеты боевыми вертолетами городов и побережья, огромное количество вооруженных людей на улицах (как в форме — военнослужащих, так и без — сотрудников Шин-Бет), частые проверки металлоискателями в центральных магазинах, программа начальной военной подготовки в школах. Армия здесь рассматривается как один из главных воспитательных институтов общества и является поэтому обязательной для молодежи. Кстати, и для девушек тоже. Во-первых, их тоже нужно воспитывать в "духе". А вот во-вторых... Это сложный вопрос и черезвычайно интересный. С одной стороны, половые связи в армии запрещены и караются, а солдатам подмешивают в пищу препараты, снижающие половую активность. С другой стороны — девушки выполняют роль "подстилок". Т.е., солдатам нужна разрядка и, в то же время, происходит их комплексация. (Речь ведь идет о молодых ребятах, по 18-20 лет).

Разумеется, элитарные части израильской армии находятся на высоте (т.к. комплектуются тщательно отобранными призывниками, либо вольнонаемными), но общий уровень армии чрезвычайно низок. Израиль — маленькая страна, а в армии служили многие — ничего не утаишь.

Судя по всему, военный конфликт между Израилем и арабами напоминает конфликт между двумя идиотами. Причем арабы в этом конфликте — глупее и бездарнее.

Так вот, Ликуд, формирующий сегодня правительство, прилагает титанические усилия для того, чтобы не допустить мирного урегулирования конфликта. С этой целью строятся дополнительные еврейские поселения на аннексированных территориях.

Нужно сказать, что в условиях равновесия между блоком "левых" и правых, усиливается влияние религиозных партий. Согласно еврейской религиозной доктрине, один еврей может и должен принуждать другого к определенному поведению "в рамках". И вот уже поговаривают о запрете авиарейсов по субботам и о многом другом.

Вообще, религия здесь играет большую роль, и неспроста. Основа государства — идея о единой еврейской нации. Но что такой нация? Что общего у еврея из Франции и еврея из Йемена? Если спросить у израильтянина, то он ответит — обрезание, соблюдение субботы, мезуза, висящая дома и т.д. Хотя, в то же время, скажет, что он неверующий. Таким образом, религия есть база для вышеозначенной концепции единой нации, а значит, и для идей национализма и соборности — фундамента государства.

Арабский террор имеет место быть, хотя его масштабы несоразмеримы с "мерами безопасности". (Когда арабская девочка бросает в солдата пустую бутылку из-под сока — об этом сообщают все газеты). Но если все же террор сойдет на нет, то огромный аппарат местного КГБ останется без работы, а допустить это было бы абсурдом. (Между прочим, интерес этот обоюдный. Рассказывают, что Ясир Арафат однажды заметил: "Люблю я евреев. Если бы не они — не было бы ООП, не было бы ООП — не был бы я председателем ее исполкома.")

Если хочешь лучше понять эту механику, см. "Законы Паркинсона".

Ну, пока заканчиваю.

С приветом.

М.Б.

Письмо третье

Дорогой Кирилл! Последние 3 недели я мучаюсь страшным бездельем. Все время, что я здесь, учил иврит и английский (занимался по 7-8 часов в день). Но в августе началась страшная жара, заниматься невозможно. Помнишь, в "Мастере": Пилат выходит к народу на Лысой горе и солнце взрывается у него в голове.

Так вот, ощущение от августовского солнца действительно такое. Лучи проникают прямо в череп и ты ощущаешь, как плавятся твои мозги. Только в 5 часов жара спадает и можно выйти на улицу.

На Лысой горе я не был, но, кажется, ее здесь и нет, это булгаковские штучки. А вот в Храме Гроба Господня был. И у Стены Плача — это главная иудейская святыня. И в мусульманском квартале (правда, не был возле мусульманских святынь Омара и Аль-Акса — мечети рядом со Стеной Плача. Не рискнул.) И в храме мормонов, (помнишь "Этюд в багровых тонах" Конан-Дойла?).

Храм Гроба Господня — значительных размеров здание с серым куполом. Внутри — центральный зал и множество маленьких залов, каждый принадлежит к одной из многочисленных конфессий. У входа в Храм — камень, то ли Христос к нему прислонился, то ли тащил его вместе с крестом, что-то в этом роде. Камень этот считается священным и каждый, кто при-

ходит в Храм, норовит его потрогать или поцеловать. А рядом торгуют иконками из картона (вроде той, что приколол к пижаме Иван Бездомный, когда гонялся за Воландом) и картонными крестиками — 50 центов штука. Грустное впечатление от всего этого. Тот бродяга из Назарета, наверное, хотел, чтобы люди друг друга любили или, по крайней мере, не обижали, а они целуют камни, к которым он прикасался и торгуют картонками с его изображением. И говорить тут больше не о чем.

В Иерусалиме я был уже раз 5, первый раз с экскурсией от ульпана — разумеется, только в еврейский квартал. Впечатления: от Иерусалима — фантастическое, от экскурсии — ужасное. Один мой приятель мне написал, что у Израиля преимущество перед Америкой — здесь множество выходцев из СССР — не скучно. Не знаю. Нет у меня ничего общего с этими людьми. Говорить с ними не о чем. Будто и не в Иерусалиме побывал, а в Бердичеве. "Мы, — говорит экскурсовод, — (обрати внимание — уже "мы") — когда захватили эту часть города, то даже не взорвали эту мечеть" Слушатели разражаются аплодисментами при виде такого гуманизма и любви к истории.

После этой экскурсии я дал себе слово никогда больше с советскими людьми и израильскими экскурсоводами не ездить.

Однажды приехал в Иерусалим, прошел через арабский рынок и заплатил шекель арабу, который провел меня по узким, в стиле "Бриллиантовой руки" улочкам до христианского квартала. Там я присоединился к экскурсии каких-то голландцев.

Яд-Вашем — музей Катастрофы европейского еврейства. Официальное название: "Катастрофы и героизма". Впечатление передать невозможно, нужно это видеть. Просто авторам удалось передать цифру "6 миллионов", как нечто конкретное, а не просто как арифметику.

И все же, не все здесь, по-моему, корректно. Например, почему "героизма"? Погибшие не были героями, они были обычными людьми. Катастрофа — трагедия маленького человека, обычного человека, попавшего в топку тоталитаризма. И, наверное, Кафка, не видевший Катастрофу, гораздо реалистичнее ее описал, чем авторы мемориала.

К сожалению, израильтяне присвоили себе право говорить от имени жертв Катастрофы, даже объявили "о внесении 6 миллионов имен погибших в число израильских граждан". Меньше всего еврейство Праги и Берлина, Вены и Варшавы мечтало о таком выборе. Но никто не возражает. Тех, о ком идет речь, уже нет, а мир равнодушно взирает на эти манипуляции, да и что такое для него 6 миллионов — всего лишь эпизод в новейшей истории, арифметика..."

30.08.91. Михаил Б.

Письмо четвертое

Меня неприятно поразила информация, что вы получили от меня только одно письмо. Дело в том, что за 4 месяца я отправил на этот адрес 4 письма. Первое письмо эмигранта проверяется службой безопасности Израиля, на предмет выяснения и выявления. Наверное, они и выявили, я-то об этом не знал тогда.

В 3-ем письме было 6 страниц. Очень жаль, что не дошло. Вкратце, по памяти, восстанавливаю.

1. Об израильской социо-экономической структуре.

30% работающих заняты в государственном секторе, 70% — в частном (в основном — мелкие предприятия с допотопной техникой. Тем не менее они-то и создают национальное богатство.) Сила рынка поразительна. Несмотря на его замкнутость, огромные налоги, многочисленные бюрократические рогатки, мафиозные структуры и картельные соглашения, он абсорбировал в 50-е — 60-е годы около 1 млн. имигрантов, при населении 700 тысяч человек до начала массовой алии. Он уже предоставил работу 100 тыс. эмигрантам из СССР и обеспечил бы работой всех, если бы не государственное вмешательство в экономику. Правда, инженеры работают слесарями и пекарями, но они, за редким исключением, этого заслуживают.

Разумеется, приватизация и прекращение дотаций в госаппарат необходимы и это ясно демонстрирует Израиль, где, несмотря на развитой частный сектор, налицо господство чиновников или господство статуса над договором, что, видимо, и является базой израильского тоталитаризма.

Тут все завязано на чиновниках. Без их одобрения и содействия частное предприятие не сможет обойти многочисленные рогатки и налоги. Ссора с чиновником — и на предприятие натравят инспекцию. Кроме того, огромную роль играют госзаказы. Частный сектор во многом от них зависит. В собственности государства земля, сельское хозяйство, многочисленные предприятия. Таким образом, и закон, в либеральном смысле; отсутствует. Во всяком случае, его существование тут проблематично. Воля конкретного чиновника в конкретной ситуации значит гораздо больше. А это — уже тоталитарный принцип.

2. Об уничтожении в 50-е — 60-е годы культуры европейских евреев. (Ее базой является язык "идиш").

Идиш был тогда фактически запрещен. Прибывшие в Израиль афро-азиатские евреи громили (!) киоски и редакции газет на идиш. Это стало результатом кампании, начатой правительством (кстати, состоявшим из польских евреев). Далее последовала компания исправления имен (!), также начатая правительством (Голда Меир (Меирсон), Ицхак Шамир (Исаак

Изертинский и т.д.)). Цель: вытеснение культуры идиш синтетической культурой иврит. Иврит — это своего рода новояз, до предела заполненный идеологическими клише и удивительно бедный.

Кампания эта была проведена с успехом. Впрочем, нельзя сказать, что традиции европейских и азиатских евреев были полностью разрушены. Наверное, элементы национальной культуры, обусловившие наступление тоталитаризма, сохраняются. Исчезает только то, что тоталитаризму чуждо. Так, психология еврейского местечка (обычай следить друг за другом и лезть в чужие дела) сохранилась прекрасно.

На этом пока заканчиваю.

Михаил Б.

Письмо пятое

...К сожалению, мне пришлось на практике столкнуться с тем о чем предупреждал в одной из своих статей Оруэлл. Внутренняя свобода без внешней — невозможна. Если исключить общение, то мыслительный аппарат деградирует. Ты живешь в окружении людей с совершенно чуждой тебе ментальностью и мировоззрением, и сам того не замечаешь, как их заботы и тревоги становятся твоими.

Положение таково, что если удастся сохранить и развить свою индивидуальность в процессе общения (ибо вне этого процесса она обречена на исчезновение), то это уже победа. Тусовка (или, по-научному "коммунитарность") это великое дело. Мне кажется — эта традиция всегда имела место быть на Западе. Интеллигенция собиралась в салонах, простые люди в пивных, не суть важно. Может быть единственная страна, лишенная этой традиции — Америка. И, именно поэтому, жизнь там мне представляется совершенно невозможной. Разумеется, невозможной для меня, о других не скажу.

Мне удалось найти в Хайфе своего старого институтского товарища. Сейчас он в "тирануте" — 50 дней в армии. Его начальник, который тоже учился с нами в институте прикомандирован к отборным частям "цахала" (Цаха хагана ле-Исроэль — Армия обороны Израиля) и придерживается фашистских взглядов. (Солидарен с движением "Моледет" ("Родина") — выступающего за трансфер арабов с "территорий"). Интересно, что у него (это вообще характерно для израильских крайне правых) отсутствует двоемыслие. К демократам крайне правые относятся презрительно, открыто настаивая на еврейском — и следовательно не демократическом характере государства. К счастью или к сожалению, их немного.

Для большинства израильтян характерно двоемыслие: "Мы стана равных прав для всех, т.е. — демократия", "Мы государство евреев и для евреев". Никакого противоречия они здесь не видят. Такова идеология двух главных партийных блоков. Это не фашизм — это совковщина. Налицо аналогия с нашими неформалами-националами (Саюдис, Рух и т.д.).

Об израильских крайне левых. (Здесь разделение на левых и правых во многом зависит от отношения к палестинскому вопросу). Это РАЦ во главе с Иоси Саридом и примыкающие к нему движение "Шолом Ахшав" ("Мир сейчас"). Это группы социал-демократической ориентации, выступающие за переговоры с ООП и палестинское государство. Тем не менее, они разделяют вышеупомянутое двоемыслие и называют себя левыми сионистами. Я еще забыл упомянуть о группе "Шинуй" ("Перемены"), выступающей за отказ от оккупации, но также относящей себя к левым сионистам.

Только две группы можно назвать внесистемными[1]: "Иеш гвал" ("Есть предел") и "Неторей карто" ("Стражи града"). "Иеш гвал" — включает патриотические элементы, но в целом придерживается либеральных взглядов. Ее идейный лидер — профессор Иешагу Лейбович. Группа эта не многочисленна и мне о ней мало известно. "Неторей карто" — религиозные ортодоксы, заявляющие о враждебности сионизма еврейским традициям. Они говорят на идиш, не платят налоги, не служат в армии и даже поддерживают связи с ООП, выступая за создание палестинского государства. Их в Израиле около 40 тысяч, главным образом в Иерусалиме. В целом их позиция не типична для "религиозников", в основном поддерживающих позицию истеблишмента.

Из израильских диссидентов интересен Симон Ловиш — автор книги "Момент молчания", где высказывается мнение об иврите как о новоязе. Ныне он проживает в Лондоне.

---

1) т.е. выходящими за рамки государственной системы — *прим. ред.*

Герберт Маркузе

Экология и общественная критика

(перевод Вадима Дамье)

От редакции. Герберт Маркузе (1898 — 1977) — немецкий философ, социолог, основатель и глава Франкфуртской школы в философии (с 1933 года жил в эмиграции в США).

Творческий синтез Маркса, экзистенциализма и фрейдизма — основа идей Маркузе. В центре внимания философа — человек и его положение в современном обществе: социальный и экологический кризис, возможность свободы и гуманизма, продуктивность и деструктивность науки и техники. И в советском, и в западном обществе Маркузе видит прежде всего индустриальные "репрессивные" системы, в которых во главу угла поставлен "принцип производительности", а человеческое, личное, творческое начало подавляется. Индивид в этих псевдоантогонистических системах превращается в жертву манипуляций, в "одномерного человека". В качестве выхода из тупика, мыслитель предлагал "Великий Отказ" — как от капитализма, так и от советского социализма, осуществляемый прежде всего отдельными личностями — прежде всего "аутсайдерами" систем: критически мыслящей гуманитарной студенческой молодежью, безработными, национальными и сексуальными меньшинствами, национально-освободительными движениями.

Герберт Маркузе умер 29 июля 1977 г. Его творчество оказало сильное влияние на движение "новых левых" в Европе и Америке 60-х годов XX века.

Основные сочинения: "Разум и Революция. Гегель и становление социальной теории" (1941); "Эрос и цивилизация" (1955); "Одномерный человек" (1964).

Данная статья — предсмертная работа Герберта Маркузе, — опровергает распространенную в науке версию о том, что в конце своей жизни (особенно в работе 1972 года "Контрреволюция и бунт") мыслитель отошел от радикальных идей в сторону конформизма. Напротив, как видно, в последние месяцы своей жизни Маркузе, не отказываясь от высказанных им ранее мыслей, обогатил их рядом новых наблюдений, в частности, по вопросу о месте экологического движения в общем движении протеста.

Настоящая статья — сокращенный вариант рукописи речи Г.Маркузе 1977 г. Текст был опубликован в журнале "Линкс" в сентябре 1989 г. Перевод сделан по тексту публикации в газете "Фольксцайтунг", 13 октября 1989, №42, с.28.

Современное удовлетворение в так называемом потребительском обществе представляется тем более опосредованным и репрессивным, если противопоставить его реальной возможности освобождения здесь и сейчас. Оно представляется репрессивным по контрасту с тем, что Эрнст Блох называл когда-то конкретной утопией. Идея конкретной утопии у Блоха основана на представлении об обществе, в котором людям больше не нужно жить в условиях отчуждения от их жизни, служащего средством поддержания этой жизни. Конкретная утопия: "утопия", поскольку такого общества до сих пор еще нигде не существовало, "конкретная", поскольку подобное общество представляет собой реальную историческую возможность.

В демократическом государстве эффективность и масштабы положительного усвоения можно измерять тем, насколько сильна поддержка существующего общества. Эта поддержка выражается, среди прочего, в результатах выборов, отсутствии радикальной оппозиции, в опросах общестевственного мнения, в принятии агрессии и коррупции как нормальных элементов деловой и управленческой жизни. Если осознание пустило корни в индивиде под давлением компенсаторного удовлетворения, то человеку может быть даже предоставлено ощутимое свободное пространство в виде соучастия в принятии решений.

Из хороших побуждений люди поддерживают своих вождей, или, по крайней мере, терпят их, даже вплоть до момента, когда грозит саморазрушение. В условиях индустриального общества удовлетворение всегда связано с разрушением. Господство над природой идет рука об руку с изнасилованием природы, поиск новых источников энергии связан с отравлением окружающей среды, безопасность связана с рабством, национальные интересы соединены с мировой экспансией, технический прогресс соединяется с прогрессирующей манипуляцией и контролем над людьми.

Тем не менее, существуют потенциальные силы для социального перобразования. Эти силы предоставляют возможность возникновения структуры, в которой освободительные мотивы получат перевес над компенсаторными. Сегодня эта тенденция проявляется, в первую очередь, в виде бунта духа и тела, сознания и бессознательного. Она выступает, как бунт против деструктивной производительности существующего общества и против усилившейся репрессии и фрустрации, которые сопровождают эту производительность. Этот феномен может весьма сильно указывать на подрыв структуры мотивации современной цивилизации.

Прежде чем я перейду к краткой, исторически новой характеристике этого бунта, хотел бы пояснить деструктивную концепцию, лежащую

в основе этого общества. Эта концепция затемняется и скрывается фактом внутренней взаимосвязи самой деструкции с производительностью и производством. Хотя производительность истощает и разрушает природные ресурсы, она способствует росту материального и культурного удовлетворения для большинства людей. Деструктивность сегодня редко выступает в своей чистой форме, без свойственных ей рационализации и компенсации. Насилие находит лучшим образом подготовленные и манипулируемые вентили в популярной культуре, в употреблении машин и злоупотреблении ими, в подобном раку росте военной промышленности, причем последнее делается съедобным благодаря ссылке на "национальные интересы". Понятие "национальных интересов" стало настолько гибким, что оно может быть применимо ко всему миру.

В этой ситуации трудно развить нонконформистское сознание и радикальную структуру характера. Неудивительно, что организованную оппозицию трудно поддерживать. Неудивительно, что такой оппозиции постоянно мешают отчаяние, иллюзии, эскапизм и т.д. По этим причинам современный бунт проявляется лишь в форме маленьких групп, которые состоят из выходцев из различных классов, например, студенческое движение, женское движение, гражданские инициативы, экологическое движение, движение самоуправляющихся коллективов и коммун и т.д.

Помимо этого, этот бунт, особенно в Европе, принимает сознательно подчеркиваемый, методично личный характер. Речь идет при этом о работе с собственной психологией, собственными мотивами, с самоанализом, со смакованием собственных проблем, со знаменитым путешествием человека в его собственное внутреннее "я". Этот возврат к себе неустойчив и связан с политической жизнью. Личные трудности, проблемы и сомнения не отрицаются, а увязываются с понятиями социальных взаимосвязей, объясняются ими, и наоборот. Такое политическое является личностным. Появляется "политика в первом лице".

Социальная и политическая увязка этой, в первую очередь личностной, радикализации сознания в высшей степени противоречива. С одной стороны, она указывает на деполитизацию, отход и бегство, но, с другой стороны, это возвращение к собственному "я" включает в себя открытие или возвращение новой сферы социальных преобразований. Это сфера субъективности и сознания индивида. А ведь субъектами исторических преобразований остаются, в конечном счете, именно индивиды (в массе или как индивидуумы).

Сегодняшний бунт в маленьких группах характеризует часто безуспешная попытка утвердиться, вопреки пренебрежению индивидом, в традиционной радикальной практике. Кроме того, эта "политика в первом лице" противостоит обществу, основанному на эффективной интеграции. На поверхности современному обществу удается унифицировать индивиды процессом положительного осознания, усвоения. Их усвоенные потребности и надежды универсализуются, они становятся всеобщими, нормальными во всем обществе. Изменение же предполагает дезинтеграцию универсальности (...).

То, что другое качество жизни возможно, доказано. Конкретная утопия Блоха может быть достигнута, однако большинство населения по-прежнему отвергает идею радикальных изменений. Это объясняется частично превосходящей мощью компенсаторной силой существующего общества. Другая причина лежит в усвоении очевидных преимуществ этого общества. Еще одна обнаруживается в основной структуре мотивации самих индивидов. Здесь мы приходим, наконец, к короткой дискуссии о корнях в самих индивидах, препятствующих исторически возможным преобразованиям.

Как я уже упоминал (...), Фрейд выдвинул арумент, что человеческий организм обнаруживает коренное влечение, которое стремится к состоянию возможности жить без мучительного напряжения, к состоянию свободы от боли. Фрейд помещает это состояние наполнения и свободы в начало жизни, в жизнь во чреве матери. Следовательно, он рассматривает влечение к состоянию без страданий как желание вернуться в раннюю фазу жизни, которая лежит еще перед сознательной органической жизнью. Этому желанию он приписывает влечение к смерти и разрушению, которое стремится к тому, чтобы достичь отрицания жизни посредством экстернализации. Это означает, что данное влечение уводит от индивида, от себя самого. Оно направлено на жизнь вне индивида, поскольку, если бы это было не так, мы бы находились в положении самоубийцы. Поэтому влечение экстернализируется; оно направляется на разрушение других живых вещей, существ и природы. Фрейд называл это влечение "длинной обходной дорогой к смерти".

Но разве не можем мы, в противоположность Фрейду, приписать стремление к состоянию свободы от страданий эросу, то есть влечению к жизни, а не к смерти? Если это так, то цель желания наполнения лежит не в начале жизни, а в ее расцвете и зрелости. Тогда это не желание возвращения, а желание прогресса, оно служит защите и улучшению самой жизни. Влечение к свободе от страданий, к удовлетворению существования обнаружится тогда в оберегающей заботе о живом. Оно выразится тогда в усвоении и восстановлении нашей живой окружающей среды, в реставрации природы, как внешней, так и внутренней природы человека. Именно так я рассматриваю сегод-

няшнее движение в защиту окружающей среды, или экологическое движение.

В связи с этим анализом, экологическое движение предстает как политическое и психологическое движение за свободу. Оно является политическим, поскольку противостоит концентрированной мощи крупного капитала, чьим жизненным интересам оно угрожает. Оно является психологическим, поскольку (и это самое важное) удовлетворение внешней природы, защита нашей жизненной окружающей среды приведет и к удовлетворению природы мужчин и женщин. Успешное экологическое движение подчинит деструктивную энергию индивида его эротической энергии.

Сегодня мощь трасцендирующей силы эроса, толкающей к наполнению, в угрожающих размерах урезана общественной организацией энергии разрушения. Из этого следует, что влечение к жизни недостаточно сильно, чтобы вызвать восстание против господствующего принципа реальности. Но силы эроса еще недостаточны для того, чтобы побудить нонконформистские группы вместе с другими группами немолчащих граждан к протесту, который существенно отличается от традиционных форм радикального протеста. То, что в этой форме протеста проявляются новый язык, новый способ поведения и новые цели, свидетельствует о его психологических корнях. То, что мы видим, это политизация эротической энергии.

Это, как я полагаю, характерная отличительная черта большинства современных радикальных движений. Эти движения никоим образом не представляют классовую борьбу в традиционном смысле. Они не рождают борьбу, посредством которой имеющиеся структуры власти должны быть заменены другими, эти радикальные движения представляют собой скорее экзистенциальный бунт против устаревшего принципа реальности. Это бунт, носителем которого становятся как дух, так и тело соответствующих индивидов, интеллектуальный и одновременно инстинктивный, бунт, при котором весь организм — подлинная душа человека — становится политическим, бунт влечения к жизни против организованной общественной деструкции.

Должен еще раз указать на противоречивость этого многообещающего бунта. Индивидуализация и соматизация радикального протеста, его концентрация на ощущениях и чувствах индивидов вступают в конфликт с организацией и самодисциплиной, необходимыми для эффективной политической практики. Борьба за изменение объективных, экономических и политических условий, составляющих основу психосоматической, субъективной трансформации, кажется все более выдохшейся. Тела и души людей были всегда необходимы, готовы для принесения в жертву (или для того, чтобы пожертвовать себя) в интересах более эффективного, гипостазированного целого, будь то государство, церковь или революция. Чувственность и воображение — не противники для реалистов, определяющих нашу жизнь. Иными словами, известное бессилие кажется неотъемлимой характеристикой любой радикальной оппозиции, которая хочет остаться вне массовых организаций, политических партий, профсоюзов и т.д.

В сравнении с эффективностью массовых организаций, современный радикальный протест может быть осужден, как имеющий маргинальное значение. Но подобное бессилие всегда характерно вначале для тех групп и людей, которые защищали права человека и гуманные цели против так называемых реалистических целей. Слабость этих движений должна быть, по-видимому, признаком их подлинности, их изолированность — признаком отчаянных усилий, необходимых для того, чтобы вырваться из всеохватывающей системы господства, разорвать преемственность реальной, прибыльной деструкции.

Возвращение, которое совершили современные радикальные движения, их возвращение в психосоматические сферы влечения к жизни, их возвращение к картине конкретной утопии, может помочь нам заново определить человеческую цель радикальных преобразований. Я хочу рискнуть определить эту цель коротким предложением. Цель радикальных преобразований сегодня — ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ НИ ФИЗИЧЕСКИ, НИ ДУХОВНО НЕ БУДЕТ В СОСТОЯНИИ ИЗОБРЕСТИ НОВЫЙ ОСВЕНЦИМ.

Возражения, которые иногда выдвигаются против этой высокой цели, особенно возражение, что эта цель несовместима с природой человека, уже одно говорит о том, как сильно оно склоняется перед конформистской идеологией. Вопреки этой идеологии, я настаиваю на том, что нет чего-либо, вроде неизменной человеческой природы. Стоя на более высокой ступени, чем животные, люди пластичны — пластичны и тело и дух, вплоть до их глубочайшей внутренней структуры влечения. Мужчины и женщины могут быть компьютеризованы до состояния роботов, но они же могут и отказаться сделать это.

Александр Зиновьев

Почему мы рабы

От редакции. Александр Александрович Зиновьев (родился 29 октября 1922 года) — русский философ, логик, публицист, социолог и писатель. Он занимался проблемами теории познания и философии науки, исследованиями в области символической логики. В 70-ые годы он обращается к запретной для вольной мысли области — социальной проблематике, результатом чего была его высылка из СССР. С тех пор он живет в эмиграции, в Мюнхене. Он — автор многочисленных произведений, находящихся по жанру на стыке публицистики, философии и художественной литературы. Из них наиболее известны "Зияющие высоты", "Гомо советикус", "Пара беллум". Центральное место в этих сочинениях занимает советский человек — "гомо советикус", проблема его отношений с другими людьми и с "родной" Властью, проблема внутреннего рабства личности.

Создатель оригинальной социально-философской концепции советского общества, Александр Зиновьев и в годы "застоя", и в годы "перестройки" оставался в положении аутсайдера. Он не был "своим" ни для советского официоза, ни для западной интеллектуальной элиты, ни среди русской эмиграции.

Мы публикуем небольшую статью А.А.Зиновьева "Почему мы рабы?" (май 1980 г.), перепечатанную из философского альманаха "Квинтэссенция" за 1991 год, и "Манифест социальной оппозиции" (январь 1989 г.), перепечатанный из журнала "Континент".

Страна рабов — говорил о России Лермонтов. Рабы, сверху донизу все рабы — говорил о русском народе Чернышевский. Изменилось ли что-нибудь в России с тех пор? Да, изменилось: новая форма рабства пришла на смену старой. Мы по-прежнему остаемся рабами. В чем заключается наше рабское положение и рабская психология? И почему мы остаемся рабами, несмотря ни на что? Ответ на первый вопрос очевиден: мы ограничены во всех существенных проявлениях нашей жизни и потребностях, мы подвергаемся наказанию за малейшие попытки обрести свободу и независимость не только в поведении, но даже в мыслях. Ответить на второй вопрос честно и правдиво — дело гораздо более трудное: этому мешают те самые психологические причины, в силу которых мы остаемся рабами.

Известны два ответа на второй вопрос. Первый из них — апологетический, второй — критический. Первый заключается в следующем. Безусловно, люди и в коммунистическом обществе как-то ограничены в своих мыслях и в своем поведении. Но эти ограничения разумны, обусловлены интересами коллективов, в которые входят люди, и интересами общества в целом. Без этих ограничений в обществе наступил бы хаос, произвол, деградация и распад. Второй ответ (критический) заключается в следующем: некоторая часть граждан общества захватила власть над остальными и осуществляет свое насилие над ними. Оба ответа верны. Но каждый из них отражает лишь одну сторону дела. И оба они вместе не дают целую истину. В тени остается еще одна часть истины, может быть самая главная: мы принимаем систему рабства добровольно.

Потому проблема "Почему мы рабы?" есть в глубине своей проблема "Почему мы предпочитаем быть рабами?". В каждую эпоху эта проблема имеет свое решение. Решение ее для нашего современного, коммунистического рабства в общих чертах банально: потому что коммунизм есть не столько неизбежность, насилие и обман, сколько соблазн и искушение. Коммунизм не только в учениях теоретиков, в пропаганде и в лозунгах есть соблазн и искушение, но и в реальном его воплощении. Теперь — главным образом в реальном воплощении. Вот в чем корень зла! Когда апологеты коммунизма утверждают, что коммунизм есть движение и стремление миллионов людей и в интересах миллионов людей, они говорят правду. Но не всю правду: они умалчивают о том, что основой и стимулом движения и стремления является именно соблазн и искушение. Коммунизм в основе своей и прежде всего несет облегчение и освобождение. И лишь на этой основе и затем он несет утяжеление жизни и закрепощение. Но он несет с собою одного рода освобождение и для одних людей и другого рода рода закрепощение для других. И несет их так, что люди сразу видят освобождение, и оно им кажется абсолютным, но лишь потом ощущают закрепощение, и оно уже кажется им естественным и само собой разумеющимся.

Общество, в котором мы живем, не есть нечто изначально данное. Оно есть продукт исторического процесса, в котором боролись и продолжают бороться две тенденции, — цивилизаторская и коммунистическая (или коммунальная). Первая тенденция есть карабканье какой-то небольшой части человечества вверх, движение против потока человеческой стихии, преодоление сопротивления природной и общественной среды. Вторая тенденция есть паде-

ние подавляющей массы человечества вниз, движение ее по течению человеческой стихии, движение по линии наименьшего сопротивления. Первая есть сопротивление второй, ограничение стихийных сил второй, стремление повысить уровень социальной организации людей. Основу ее образует труд, личный риск, личная инициатива и личная ответственность за действия, самоограничение, привносимое морально-правовым самосознанием, и прочие ценности цивилизации. Социальный строй, выросший из этой тенденции и вместе с тем сохранявший ее, породил современные блага цивилизации и одновременно неразрывно связанные с ним язвы ее. Люди, однако, связали в своем воображении с этим строем не только его собственные недостатки, но и все то зло, какое несла и несет с собою коммунистическая тенденция и против которого в первую очередь была направлена социальная система, выросшая из цивилизаторской тенденции. Умами и сердцами людей овладело убеждение, будто причиной всех зол в мире является именно тот самый социальный строй, в рамках которого были достигнуты блага цивилизации, будто с уничтожением этого строя исчезнут все отрицательные явления современной общественной жизни. **Именно в этой разрушительной, а не в созидательной деятельности люди увидели путь в счастливое будущее.**

И вот коммунистическая тенденция восторжествовала в значительной части планеты. Рухнули иллюзии насчет всеобщего рая на Земле. Обнаружились язвы коммунистического образа жизни, не уступающие язвам прошлого, а кое в чем и превосходящие их. И что же? Уменьшилась ли тяга в мире к коммунизму? Наоборот, она многократно возросла. Почему? Да потому, что реальный коммунизм хотя и не принес с собою всеобщего благополучия и не устранил всех язв бытия, он все же в некоторой мере удовлетворил великий исторический соблазн людей жить стадно, без тяжкого труда, без постоянных самоограничений, без риска и личной ответственности за делаемое, беззаботно, упрощенно, с гарантированным удовлетворением необходимых жизненных потребностей. Коммунизм удовлетворил этот соблазн лишь в очень малой степени. Но этой степени оказалось достаточно, чтобы инициативу и власть в обществе захватили люди, предпочитающие именно такой образ жизни, чтобы люди поразительно быстро приспособились к новому строю жизни, примирились с его недостатками и осознали его достоинства. Люди капитулировали перед своими собственными стихийными силами, сбросили с себя напряжение, к которому их вынуждала прежняя система жизни, и вздохнули с облегчением. Отказ от борьбы, отказ от карабканья вверх и от движения против течения приносит людям прежде всего облегчние — падение какое-то время ощущается как полет. Люди при этом не думают о том, что будет потом, а именно — что вслед за облегчением приходят все необходимые атрибуты рабства-хозяева, надсмотрщики, палачи. Когда люди это замечают, бывает уже поздно. Они уже оказываются во власти самих себя, ибо они эти атрибуты рабства несут уже в себе самих. Наше рабство есть наша добровольная плата за ничтожное и лишь временное облегчение от тягот цивилизаторской тенденции.

Современное рабство интересно еще тем, что оно в огромной степени сравнительно с прошлым обществом расширяет численно круг членов общества, наделенных официальной властью над другими, и дает почти каждому рядовому члену общества крупицу фактической власти над ближними. Это общество до невиданных доселе размеров увеличивает массу власти, наделяя ею и миллионы своих рядовых членов. Наделяет по тем же законам, по каким вообще распределяются блага в этом обществе, — каждому соответственно по социальному положению. Но все же наделяет. Это такое рабство, в котором рабское положение компенсируется возможностью для каждого видеть в окружающих подвластные ему существа, — **здесь вместо свободы предлагается возможность лишать свободы других, т.е. соучастие в закрепощении. Не стремление быть свободным, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе — вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем борьба за то, чтобы не быть рабами. Результаты борьбы за реальную свободу осознаются лишь через много поколений, да и то немногими.**

Одним словом, нам удобно быть рабами. Быть рабами много легче и проще, чем не быть ими. Мы сами осуществляем насилие друг над другом. Мы сами общими усилиями делаем нас самих своими собственными рабами и благодаря этому становимся рабами других. Именно в этом главным образом коренятся причины нашего рабства, а не во внешнем насилии и не в законах организации общества. Мы капитулируем перед объективными законами и внешним насилием потому, что сами предпочитаем образ жизни, делающий нас рабами. Вот в чем ужас нашего положения. Можно бороться против внешних насильников. Можно ограничивать действие объективных сил природы и общества. Но бороться против самих себя и добиваться успеха — задача непостижимо трудная даже для богов. А мы — всего лишь люди.

И это было бы еще полбеды: мы привыкли быть рабами. Беда в том, что мы несем свое рабство другим. Несем под знаменем свободы. И добиваемся успеха. И отрезаем себе всякую надежду на освобождение. Когда все рабы, понятие рабства теряет смысл.

Александр Зиновьев

Манифест социальной оппозиции

Предисловие

Я неоднократно обращал внимание на неоднородность оппозиционного движения в России в прошедшие годы и выделял в нем тенденцию, которую я назвал социальной оппозицией (см. например, статьи в №№ 44, 51 и 53 журнала "Континент"). В этой статье я хочу несколько подробнее разъяснить, как я представляю себе эту форму оппозиции и ее перспективы. При этом я буду вместо слова "я" употреблять слово "Мы", но не потому, что имеется много участников социальной оппозиции, разделяющих мои взгляды (этим я как раз не могу похвастаться), а исключительно по той причине по какой поступают многие авторы научных и публицистических сочинений: слово "я" вызывает у читателей впечатление раздражающей нескромности, тогда как слово "Мы" придает тексту вид успокаивающей безличности. И назвал я свою статью манифестом не из претензии указывать новые пути человечеству, а с целью оттенить литературную форму текста, а именно — его безапелляционно-декларативный стиль.

Название оппозиции

Мы называем себя оппозицией социальной, а не какой-либо иной, руководствуясь следующими соображениями. Прежде всего, мы тем самым хотим отличить себя от исчерпывающего себя диссидентства, от коньюктурного антисталинизма и антибрежневизма от либерального и культурного фрондерства, от национализма, от религиозного сектанства, от псевдооппозиционных неформальных групп, использующих перестроечную демагогию советского руководства и временные послабления режима, от притворной игры властей и их холуев в критиков советского общества. Мы находимся в оппозиции не к отдельным негативным фактам советского образа жизни, а к самому социальному строю, к системе власти и к идеологии страны, причем не временно, а на все времена, пока существует коммунизм. Для нас состояние оппозиции есть не коньюктурное средство в каких-то корыстных расчетах, а сознательно избранное жизненное призвание.

Называя себя оппозицией социальной, а не политической мы тем самым хотим подчеркнуть, что не имеем ближайшей целью разрушение социального строя в нашей стране и даже реформирование его. Это не означает, что мы принимаем его. Это означает, что мы хотим действовать по правилам серьезной истории. Мы реалисты. Если бы нам было известно лучшее социальное устройство и если бы мы были уверены в возможности его реализации, мы стали бы бороться за него без колебаний. Но увы, мы пока не видим такой перспективы. Мы ставим перед собой более фундаментальную цель, а именно: борьбу за создание в нашей стране условий, в которых достаточно большое число граждан смогло бы начать обдумывание путей прогресса в интересах широких слоев населения, а не в интересах привилегированных слоев и правящей верхушки. В современных условиях никакая оппозиция не способна организовать жизнь общества лучше, чем это делает существующее руководство. Тем более, в ближайшие десятилетия вообще не предвидится никакая возможность для оппозиции принимать участие в системе власти и управления страной. Поэтому мы считаем бессмысленными всякие политические цели в качестве реалистических целей оппозиции.

Мы считаем, что в современных условиях никакие преобразования коммунистического общества, сохраняющие его социальный строй, систему власти и идеологию, не способны радикально изменить образ жизни населения страны. Незначительные же преобразования может осуществить само руководство обществом. Мы не хотим в этом становиться его добровольным помощником. А чтобы созрели здравые идеи радикальной, (а не фиктивной и пропагандистской, какой является горбачевская) перестройка общества и реальные условия для нее, нужен длительный исторический процесс. Мы отвергаем всякий реформаторский авантюризм. Мы не намерены дурачить массы соотечественников лозунгами, которые либо в принципе нереализуемы, либо в реальном исполнении ведут к еще худшим последст-

виям, чем те явления, против которых они направлены. Мы не хотим участвовать в бессмысленных попытках изнасиловать исторический процесс в угоду абстрактным идеям и не считаясь с объективными социальными закономерностями. Мы не хотим участвовать в словоблудии, которое неизбежно возникает в ситуации, когда в оппозиционное движение вовлекается масса случайных людей, начиная с коньюктурщиков и кончая партийными чиновниками. Мы намерены быть оппозицией на основе интеллектуальной добросовестности, здравого смысла и моральных принципов.

Наш подход к коммунизму

Наш статус социальной оппозиции определяется прежде всего тем, как мы подходим к пониманию нашего общества. Мы считаем, что наше общество является коммунистическим, реальным коммунизмом. Мы отвергаем марксистское учение о коммунизме как научное. Мы настаиваем на научно объективном понимании коммунизма. При этом мы имеем целью разрушение всяких иллюзий насчет коммунизма как общества всеобщего благополучия, равенства и справедливости.

Мы называем коммунизмом такое общество, в котором имеет место следующее. Ликвидированы классы частных собственников. Национализированы или социализированы все средства производства и вообще все сферы человеческой деятельности, имеющие общественное значение. Все взрослое трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы. Основная масса граждан отдает свои силы и способности обществу и получает средства существования через свои деловые коллективы. Все они суть служащие государства. Создана единая централизованная система власти и управления, пронизывающая все общество во всех измерениях. Создана единая государственная идеология и мощный аппарат идеологической обработки населения. Созданы мощные карательные органы и органы общественного порядка. Централизована и унифицирована система воспитания и образования молодежи. Сложился устойчивый образ жизни, в результате которого естественным образом воспроизводится коммунистический тип человека и коммунистические общественные отношения.

В нашей стране такое общество уже построено, построен самый полный коммунизм. Мы, таким образом, отвергаем марксистское различие двух стадий коммунизма : низшей (социализма) и высшей (коммунизма).Определение и различие типов общественного устройства на принципе распределения жизненных благ и тем более по степени изобилия есть свидетельство социологической безграмотности такого подхода. Если принципы марксистского полного коммунизма "каждому — по потребностям" понимать не обывательски, не в смысле удовлетворения любых желаний людей, а социологически, т.е. в смысле удовлетворения общественно признанных потребностей, то он реализован в нашей стране давно. Он реализуется вообще во всяком стабильном обществе, в более или менее нормальных условиях. Реализация его вполне сочетается с низким жизненным уровнем. А высокий жизненный уровень не есть специфика коммунизма. С этой точки зрения, западные страны неизмеримо ближе к состоянию изобилия, чем коммунистические страны. Общество изобилия на основе коммунизма вообще невозможно в силу наших внутренних закономерностей коммунизма. Коммунизм в принципе есть общество дефицита, а не изобилия. Коммунизм не устраняет социальное и материальное неравенство людей, не устраняет несправедливость, насилие и прочие язвы, которые марксизм приписывал классовым обществам прошлого, а лишь меняет их исторические формы и добавляет к ним свои новые.

Мы отвергаем широко распространенное мнение, будто реальный коммунизм есть воплощение в жизнь марксистских идеалов, будто он навязан кучкой идеологов массам населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация масс населения, а не просто политический режим, который можно изменить распоряжением начальства. Он сложился в нашей стране не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей. Лю,,и, строившие его, либо вообще не имели никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали его на свой лад. Кроме того, коммунизм в нашей стране сложился не на пустом месте. Он имел предпосылки в предреволюционном русском обществе. Это — централизованный государственный аппарат, привычка масс населения к подчинению властям, универсальные отношения людей в больших объединениях. Ликвидировав классы частных собственников, Октябрьская революция расширила почву для социальных отношений, ставших базисом для нового общественного устройства. То, что получалось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский проект.

Коммунизм обладает целым рядом качеств, являющихся соблазном для миллионов людей в нашей стране и во всем мире. Среди них можно назвать такие, как гарантированная работа, гарантированное удовлетворение минимальных низменных потребностей, сравнительно легкие условия труда, формальная простота жизни, вовлеченность в жизнь коллектива, осво-

бождение от забот, связанных с собственностью, и многое другое.

Коммунизм в нашей стране держится уже как привычный и пока еще приемлимый для большинства граждан образ жизни. Если бы советское руководство вдруг задумало "отменить" его, оно встретило бы сопротивление широких масс населения. Но за достоинства коммунизма приходится расчитываться сравнительно низким жизненным уровнем, прикреплением к местам работы и жительства, тотальным контролем коллективов за индивидами и власти за всем обществом, отсутствием демократических свобод и прочими дефектами коммунистического образа жизни, которые стали объектом оппозиционной критики в прошлые годы и официально признаны теперь. Кроме того, эти блага коммунизма, как выяснилось теперь, не являются незыблемыми, сыграв свою роль в укреплении коммунизма, они оказались под угрозой ограничения и даже частичной ликвидации. Гражданам коммунистического общества еще предстоит сражаться за них во всю последующую историю коммунизма. Сами завоевания коммунизма станут объектом специфики коммунистической формы социальной борьбы.

Мы видим свою задачу в том, чтобы разъяснить людям неразрывную связь достоинств и недостатков коммунизма, причем такую связь, в которой недостатки суть закономерные следствия достоинств. Мы, далее, видим свою задачу в том, чтобы разъяснить, что достоинства коммунизма не даются автоматически самой социальной организацией, что за них нужно сражаться постоянно, что их уровень зависит от социальной активности населения.

Мы утверждаем, что из самой сущности коммунизма с необходимостью вырастает отсутствие у людей заинтересованности в повышении производительности труда, тенденция к застою в экономике, коррупция, бюрократизм, халтура, очковтирательство, карьеризм, бесхозяйственность и прочие общественные язвы советского образа жизни. Мы считаем их не результатом ошибок руководства и некоторых плохих свойств отдельных людей, а закономерным продуктом самого коммунистического социального строя. Коммунизм обречен вечно жить с ними и вечно бороться против них в интересах самосохранения. Мы не одобряем эти явления, но и не призываем граждан бороться против них. Это — не наше дело. Мы суть оппозиция не внутри власти, а вне ее и к ней. Наша особая функция — вскрывать причины таких явлений и разъяснять населению доступными нам средствами. На вопрос, а что дальше, какова цель такой работы, мы отвечаем так: Сама по себе эта задача требует для своего решения не одного поколения энтузиастов, а как распорядятся люди полученными с нашей помощью знаниями, это дело далекого будущего. А пока формирование научно объективного понимания происходящего есть самая что ни на есть практическая задача оппозиции.

Наше отношение к власти

Коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношений начальствования и подчинения. Здесь власть есть орудие внутренней организации масс людей, а не нечто внешнее им и стоящее над ними, — есть форма и средство самоорганизации. Система власти (государственный механизм или, коротко говоря, государство) вырастает здесь из потребности обеспечить существование страны как единого организма, вырастает как грандиозная система учреждений, функцией которой является сохранение целостности общества и управления им как единым целым. Так что марксистская теория возникновения государства оказалась ложной в отношении государства коммунистического. И она тем более оказалась ложной, "предсказав" отмирание государства при коммунизме. Коммунистическое общество без государства в такой же мере возможно, в какой возможен сложный и развитый биологический организм без центральной нервной системы. Государство при коммунизме не исчезает, а, наоборот, превосходит все прошлые формы государственной машины как по размерам, так и по роли, играемой в жизни общества. Оно тут превращается в нечто большее, чем его предшественники, — в сверхгосударство.

Вырастая из недр общества, коммунистическое государство превращается в своего рода сверхобщество, живущее за счет общества, в которое оно погружено. Здесь уже не государство служит обществу, а наоборот, общество становится ареной и материалом деятельности сверхгосударства, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Сверхгосударство становится монопольным субъектом истории. Его жизнь со всеми его официальными спектаклями навязывается всему обществу в качестве всеобщего жизненного спектакля, в котором членам обычного общества (общества первого уровня) отводится роль исполнителей воли власти, статистов, почитателей и восторженных зрителей.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства в принципе входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства, если что-то и выпадает из под контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа государства от этого

принципа. Последний здесь обладает такой практической силой, что сверхгосударство подчиняет жизнь всего общества интересам управляемости. Интересам управляемости служит и система планирования, и прикрепления граждан к местам работы и жительства, и транспортные ограничения, и дефицит предметов потребления и жилья, и карательные органы, и система образования и трудоустройства, и организация деятельности предприятий и учреждений.

Коммунистическое сверхгосударство имеет сложное строение. Основу и стержень его образует то, что в Советском Союзе обозначают словами "коммунистическая партия". Партия в коммунистической стране не есть некая единая организация в смысле западных партий, включая коммунистические. Она распадается на множество автономных партийных организаций в первичных коллективах и на партийный аппарат, образующий основу, стержень. Скелет, мозг и волю всей системы власти и управления. В стране может формально существовать несколько "партий". Но это не меняет сути дела. Все равно какая-то совокупность учреждений станет играть ту же роль в обществе, как играет партийный аппарат в Советском Союзе. Коммунистическое общество есть в принципе общество беспартийное в западном смысле, лишь принимающее обманчивую форму "однопартийного", а возможно, — и "многопартийного".

Есть два способа и два аспекта воспроизводства системы власти и управления: 1. Отбор кандидатов и назначение на посты сверху; 2. Выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерен первый способ. Второй играет роль подчиненную, санкционируя предрешенные результаты первого и маскируя его. При отборе кандидатов на посты в соответствующих инстанциях аппарата власти, контролирующих эти посты, рассматривается не один человек, а многие. Но если даже выборы будут формально и проводиться из двух или более кандидатов, последние будут заранее отобраны так, что их различия не будут оказывать существенного влияния на то, как они будут выполнять свои функции на избранном посту. Существенно здесь не то, что выборы будут производиться из нескольких кандидатов, а то, кто при этом будет выбран и как он будет вести себя на избранном посту.

Исходя из нашего понимания коммунистического государства, мы отвергаем лозунги многопартийности, выборы чиновников из многих кандидатов и прочие требования "демократизации" системы власти, считая их вздорными. Все требования такого рода могут быть осуществлены самими властями, а сущность системы власти от этого нисколько не изменится. Она лишь получит дополнительные средства маскировки и обмана населения. Мы не восторгаемся никакими заявлениями и обещаниями властей, не ищем в них некие прогрессивные силы и тенденции, не участвуем в их псевдореформаторской суете. Коммунистическая власть в принципе не заслуживает доверия и поддержки нашей оппозиции.

Лишь один пункт о марксистском государстве сохраняет силу в отношении коммунистического государства: последнее срастается с привилегированным слоем общества, становится защитником их интересов в первую очередь. В этом смысле оно является орудием высших слоев населения держать в узде прочее население и эксплуатировать их в своих интересах. Более того, здесь государство само становится ядром и основой эксплуататорских "классов" общества

Структура населения

Наша оппозиция существует не для самой себя и не изолированно от нашего народа. Поэтому вопрос о социальной структуре населения имеет для нас первостепенную важность. Мы констатируем как факт социальную неоднородность советского общества, разделение его на слои с различными условиями жизни и интересами. Мы считаем официально признаваемое разделение людей на классы рабочих и крестьян и интеллигентскую прослойку идеологической пустышкой, отвлекающей внимание от более важного для коммунизма разделения граждан на иные социальные категории. Рабочий класс в марксистском смысле слова в коммунистическом обществе исчезает вместе с классом капиталистов. Остаются рабочие как особая категория людей, занятых непосредственно физическим трудом. Эти люди принадлежат к низшим слоям населения. Идеология до сих пор утверждает сказку о рабочих как о главном классе общества. Но в нее никто не верит. Если человек имеет шансы перейти из рабочих в более высокую категорию, он это обычно делает. Рабочими обычно становятся те, кто не имеет возможности лучше устроиться в жизни, и те, у кого нет более высоких жизненных претензий. Сами рабочие не являются однородной массой. Среди них имеют место различия, исключающие общие интересы как постоянный фактор их образа жизни. Рабочие являются членами коллективов, состоящих из людей различных категорий. И решающая роль в этих коллективах принадлежит не рабочим, а всякого рода начальникам. Рабочие различных коллективов не объединяются в более обширные группы независимо от органов власти и управления. Профсоюзные организации объединяют всех членов коллектива, начиная с уборщиц и кончая директором, и не являются специфически рабочими организациями. Тем более это касается

партийных организаций. Деятельность их ограничена рамками первичных коллективов. В стране возникло огромное число учреждений и предприятий, в которых рабочих ничтожно мало и роль последних незначительна.

Потеряло смысл и понятие крестьянства. Социальная структура сельского населения стала приближаться к городской в смысле разделения людей на характерные для коммунизма категории. Колхозы доживают свой век, никакие меры властей, поощряющие частную инициативу в деревне, неспособны остановить процесс коммунистического структурирования деревенского населения.

Аналогично обстоит дело и с понятием интеллигенции. К какой категории, например, отнести сотни тысяч людей с высшим образованием, работающих в милиции, КГБ, в военных институтах и штабах, в учреждениях власти? Десятки тысяч писателей, журналистов, художников, артистов, ученых суть функционеры аппарата власти и управления, работники идеологической и пропагандистской машины, огромное число чиновников системы власти и управления суть образованные люди, занятые умственным трудом. Все признаки по которым ранее отличали интеллигенцию от прочих граждан, утратили роль специфических открытий.

Определяющим для коммунизма является различение людей не по отношениям собственности, а по сферам занятости, не по профессиям, а по социальному положению в коллективах и в обществе в целом. В основе социального структурирования населения коммунистической страны лежат отношения начальствования и подчинения, обусловленные самим фактом объединения людей в группы и последних в более сложные коллективы и в единый социальный организм. Но было бы крайне абстрактным остановиться на этом. Подавляющее большинство начальников само находится в подчинении других, более высоких начальников, имеются многочисленные факторы, делающие границы между людьми различных категорий неопределенными и изменчивыми. И все же в реальной жизни происходит расслоение массы населения в зависимости от их социального статуса. Последний характеризуется следующими параметрами: положение на иерархической лестнице социальных позиций, престижный уровень профессии, размер заработной платы, наличие или отсутствие привилегий, характер привилегий, возможность использования служебного положения, образование и культурный уровень, бытовые условия, доступ к жизненным благам, сфера общения, перспективы улучшения положения и устройства детей. Лишь совокупность этих параметров определяет социальный статус человека, а не каждый в отдельности.

По социальному статусу население коммунистической страны разделяется на три группы слоев — на высшие, средние и низшие слои. Грани между ними не абсолютны. Многие люди переходят из одних слоев в другие или занимают промежуточное положение. Внутри каждой группы имеют место свои подразделения и иерархия уровней. Тем не менее это разделение ощущается достаточно отчетливо. К высшим слоям на каждом административном уровне (район, город, область, край, республика и страна в целом) принадлежат лица аппарата власти и управления, а также некоторые привилегированные лица, допущенные в эти слои с ведома первых (например, привилегированные деятели культуры, прославившиеся и ставшие элементами пропаганды "герои"). Попадают в эти слои также лица, имеющие особые связи с указанными выше носителями высшей власти данного уровня. Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт. В их распоряжении все блага, достижимые в данной стране. Причем они имеют все почти без денег или за условную плату. Их богатством являются не деньги, а социальное положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами. Они образуют правящие кланы, принимающие мафиозный характер и зачастую перерождающиеся в уголовные. Мощный аппарат власти и идеологии охраняет их привилегированное положение. Коммунизм есть в первую очередь их общество. Они здесь хозяева. Они суть коллективный эксплуататор общества в своих интересах. Они заботятся о прочих соотечественниках лишь в той мере, в какой рабовладельцы заботились о рабах, помещики о крестьянах, капиталисты о рабочих. Кроме того, их забота о других слоях является вынужденной тем, что последние сами так или иначе добиваются некоторых благ явочным порядком и благодаря самим объективным условиям коммунизма.

К низовым слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. К этим слоям относятся также начальники самых низших категорий. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всех поддаются манипуляциям властей, их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение зависит в основном от общих условий в стране и от политики руководства.

Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычных предприятий и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники, короче говоря — основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая интеллектуальная часть населения. К этим слоям относятся также многочисленные деятели спорта и других непроизводственных профессий.

Эти слои самые разнообразные по составу. Их положение является двойственным. В одних отношениях они тяготеют к высшим слоям. Многие их представители обслуживают высшие слои, имеют с ними контакты и переходят в них. Для некоторой их части это вообще есть лишь этап на пути в высшие сферы. В других отношениях и в других частях они близки к низшим слоям, разделяют их судьбу, зависят от произвола властей. Они поставляют наиболее активных апологетов режима. В них входят работники идеологии и пропаганды, сотрудники партийного аппарата, карательных органов. Вместе с тем эти слои являются основой новых веяний в стране, прогрессивных и даже порою оппозиционных настроений. Они имеют самый высокий образовательный и культурный уровень. В них входит самая деловая и творческая часть населения. В них гораздо больше возможностей для неофициальных объединений, чем в низших слоях. И одновременно они в гораздо большей степени подвержены контролю властей, поскольку в них входит самая активная и бдительная часть власти. Представители средних слоев являются проводниками политики высшей власти. Вместе с тем, именно средние слои являются основной базой всякой более или менее серьезной оппозиции. Они суть самая живая часть общества.

Гражданское общество

Анализ социальной структуры населения показывает, что лишь высшие слои образуют некое подобие социального класса в традиционном смысле, т.е. сравнительно однородное объединение людей, связанных единством интересов, образом жизнедеятельности и привилегированным положением. Основная же масса населения представляет собою раздробленное скопление индивидов различных категорий, но самими условиями жизни не склонных к образованию больших и устойчивых неофициальных объединений. Господствующие же слои принимают меры к тому, чтобы не допустить возникновение неподконтрольных объединений в низших и средних слоях. Принцип "разделяй и властвуй" здесь имеет чрезвычайно благоприятные условия в самих основах жизни людей. Нужна целая историческая эпоха социальной борьбы, чтобы созрели идеи и условия объединения широких масс населения для защиты своих интересов.

Исходя из такого рода соображений, мы отказываемся от идеи создания организации типа политической партии, претендующей на то, чтобы представлять интересы какого-то класса общества. Никакого такого класса просто нет и быть не может в самой природе коммунизма. Коммунизм есть действительно общество бесклассовое в марксистском смысле слова. И это делает социальную борьбу при коммунизме затруднительной. Мы видим выход из такого положения в деятельности по созданию в нашей стране неклассового гражданского общества, т.е. независимой от властей и устойчивой среды из представителей различных слоев населения, своего рода неофициального подобщества со своим образом жизни, со своими вкусами и взглядами, со своими критериями оценки явлений культуры и событий жизни, со своим отношением к официальной идеологии, к власти и вообще ко всем явлениям, входящим в круг их интересов, со своими внутренними связями и отношениями. Мы уверены в том, что лишь при условии возникновения такого гражданского подобщества в нашей стране может сложиться массовая устойчивая, преемственная и прогрессирующая оппозиция, способная защитить себя от репрессий со стороны властей и оказывать заметное влияние на весь образ жизни советского общества. Выдвигая идею гражданского общества в качестве условия и формы социальной борьбы, мы не просто высказываем благое пожелание. Тенденция к образованию такой среды обнаружилась заметным образом уже в послесталинские годы, когда представители различных слоев проявили солидарность в деле десталинизации страны, причем солидарность независимую от органов власти. В брежневские годы диссидентское движение поддерживалось в довольно широких кругах населения. Без этой поддержки оно не достигло бы такого размаха.

Гражданское общество в описанном выше смысле не есть всего лишь продукт энтузиазма одиночек и стечения обстоятельств. Оно имеет основания в самых базисных условиях коммунизма. Мы усматриваем эти основания в следующем. В нашей стране уже сложилось и систематически воспроизводится довольно большое число образованных и профессионально подготовленных людей, которые являются постоянными служащими государства, имеют гарантированную работу. Условия их труда сравнительно легкие. У них остается много сил и времени на свободную интеллектуальную жизнь. Для многих из них профессиональная деятельность есть жизненное призвание. Она вынуждает их на размышление и на поведение, выходящие за рамки официально дозволенных и поощряе-

мых. Им гарантирована по крайней мере минимальная заработная плата. Они независимы друг от друга материально. Поскольку они довольствуются достигнутым положением на иерархической лестнице социальных позиций, они и в социальном отношении оказываются взаимонезависимыми. Благодаря этому складывается сравнительно свободная и некарьеристическая общность людей, имеющих высокий образовательный уровень, свободное время и склонность размышлять на социальные темы. Более того, в этой среде развивается озабоченность положением в стране и желание стать активными участниками исторического процесса.

Многие из этих людей не могут в полную меру развить и использовать свои способности и навыки, а за свою деятельность получают вознаграждение, которое ими воспринимается как несправедливое. Они суть

наиболее творческие и деловые члены общества. Их социальный статус не соответствует их самосознанию и жизненным претензиям. Это, естественно, порождает у них недовольство своим положением. В силу их роли в обществе это недовольство принимает форму критического отношения к самому социальному строю и к системе управления общества.

К этой категории граждан относятся также большое число молодых людей, начинающих свою трудовую и творческую деятельность. Они отдают обществу свои свежие силы и способности, получая за это самое мизерное вознаграждение. Они в начале жизненного пути находятся на самом низу, социальной иерархии, получая вознаграждение соответственно их положению, а не соответственно их потенциальным способностям и реальной отдаче сил обществу.

Эта категория членов коммунистического общества является относительно немногочисленной с точки зрения их числа в социальных группах, в которых они работают. Но в масштабах страны в абсолютном выражении она представляет весьма значительное явление. Она увеличивается численно с каждым годом. Роль ее в практической жизни страны становится все более серьезной.

Эти люди не превращаются автоматически в оппозиционеров. Они суть лишь потенциальная база для оппозиции. Нужно время и сложный исторический процесс, чтобы какая-то часть из них осознала свое фактическое положение и его несправедливость, почувствовала в себе силы бороться против нее, начала вырабатывать формы сознания и поведения, адекватные своему состоянию и ведущие к конфликту с правящими слоями общества. Мы видим задачу энтузиастов социальной оппозиции в том, чтобы ускорить этот естественный и неизбежный процесс и придать ему определенную направленность, а именно: направленность на образование гражданского общества в рассматриваемом выше смысле.

Гражданское общество не должно стать организацией. Это есть особого рода ткань из представителей различных слоев и профессий, по самому способу жизни имеющих возможность и вынуждающихся на такой шаг. Будучи аморфным и неорганизованным, гражданское общество является неуязвимым для ударов со стороны властей. Представители его могут вести нормальный образ жизни, быть хорошими работниками и членами коллективов. Их принадлежность к гражданскому обществу не должна вредить их положению, а со временем должна стать средством защиты и успеха.

Наивно расчитывать на то, что гражданское общество будет складываться повсеместно. В деревнях, мелких поселках, провинциальных городах для него просто нет места. Оно есть прежде всего феномен столичный и в местах, находящихся в сфере влияния столицы. В России естественно ожидать его возникновения в Москве и в сфере ее влияния. Возникнув и упрочившись в Москве, оно может оказать влияние на всю страну, послужит примером для других мест, окажет поддержку аналогичным тенденциям в провинции. Гражданское общество должно стать базой и питательной средой для социальной оппозиции, необходимым условием превращения ее из дела немногочисленных энтузиастов в более или менее массовое движение со всеми его атрибутами — организационными формами, программой, тактикой, лишь через гражданское общество социальная оппозиция будет в состоянии оказывать заметное влияние на образ жизни в нашей стране и на развитие социальной борьбы. Мы убеждены в том, что не социальная гармония различных слоев населения и не социальный мир есть главный путь прогресса в нашей стране, а социальная борьба. Мы намерены делать все зависящее от нас, чтобы пробуждать и стимулировать эту борьбу.

Наше дело

Прежде чем гражданское общество сыграет ту роль о которой говорилось выше, оно должно сформироваться в духе определенных идей, а не любых. Мы, энтузиасты социальной оппозиции, считаем главной формой нашей деятельности разработку этих идей и пропаганду их в России. Ядром ее должна стать всесторонняя критика нашего общества, опирающаяся на его научное понимание, то есть научная критика коммунизма. Мы намерены все явления советского образа жизни подвергать рассмотрению с той точки зрения, с какой они суть следствия коммунизма. Мы намерены сконцентрировать внимание не на преходящих недостатках жизни страны, которые в принципе могут быть уст-

ранены усилиями властей, а на таких свойствах общества, которые суть проявления его объективных закономерностей как общества коммунистического, от которых не способна избавить никакая власть и никакие реформы сверху. Мы видим задачу научной критики в том, чтобы вскрыть причины непреходящих зол реальной жизни людей в нашей стране в самом социальном строе, а не в ошибках вождей, не в политике властей, не в неблагоприятных исторических условиях, не в плохих качествах людей, поэтому мы не рассчитываем на такое милостивое отношение со стороны властей, какое сейчас можно наблюдать в отношении некоторых диссидентов, ставших лакеями Горбачева, и фрондирующих деятелей искусства, оппозиционность которых всегда была и будет ложной и эгоистичной. Нам предстоит проделать эту работу вопреки запретам властей, на свой страх и риск, главным образом нелегально. Мы даже не намерены требовать легализации нашей деятельности, помня лживость и ненадежность всяких обещаний и решений властей насчет свободы слова. Разработка научного понимания коммунизма и превращение этого понимания в оружие критики есть тяжелая работа, требующая многолетних усилий, способности, самоотверженности, терпения. Для этого мало знать факты жизни общества и иметь какой-то опыт жизни в нем. Для этого нужно специальное образование, овладение особой техникой исследования, доступ к достоверным сведениям в широких масштабах. Задачу эту не решить усилиями дилетантов и людей, по тем или иным причинам вставших на путь оппозиции. Одного критического отношения к реальности коммунизма еще далеко недостаточно для понимания того, почему реальность такова. Не решить эту задачу и за счет того, что сделано и делается в этом направлении на Западе, хотя число людей, занятых Советским Союзом, здесь исчисляется многими десятками тысяч.

Менталитет западных людей формируется под влиянием привычного образа жизни, существенно отличающегося от образа жизни советских людей, системы образования, средств массовой культуры и средств массовой информации. Все это порождает весьма негибкий (недиалектический) фрагментарный и хаотичный способ мышления, склонный к сенсациям и к успокоительным примитивным псевдообъяснениям. Представления о советском обществе привносятся в западное общество прежде всего журналистами, дипломатами и туристами, которые видят в советской жизни лишь поверхностные явления, да и то, в той мере, в какой это разрешено и в какой это требуется данными условиями в средствах массовой информации на Западе и политической ситуацией. Специалисты-советологи немногим превосходят дилетантизм журналистов и дипломатов, а чаще уступают им. Они судят даже об очевидных явлениях советской жизни в той системе понятий и представлений, какую они имеют в качестве людей западных, заинтересованных не столько в истине, сколько в самоутверждении за счет советской темы. На пути научного подхода к советскому обществу стоит такое препятствие, как масса людей на Западе, уже вовлеченных так или иначе в советскую проблематику, эта армия специалистов занимает все ключевые позиции, от которых зависит сама возможность объективно-научного понимания советского общества и оценка всего происходящего там. Она влияет на общественное мнение Запада, на политиков, на средства массовой информации. У этих людей уже сложилось свое понимание социальных явлений и исторического процесса. На иное понимание они просто уже не способны. Наоборот они прилагали и будут прилагать усилия к тому, чтобы помешать исследованиям советского общества, видя в нем (исследовании) угрозу своему положению, и они имеют для этого колоссальные возможности. Фактически они выполняли, выполняют и будут выполнять роль, аналогичную той, какую в Советском Союзе выполняет идеологический надзор.

Учитывая сказанное выше, мы считаем, что задача научной критики коммунизма должна быть решена в России собственными силами. В России имеется достаточно много профессионально образованных и способных людей, которые могут посвятить свою жизнь творческой деятельности в этой сфере науки. Мы видим нашу задачу в том, чтобы стимулировать эту их деятельность. Для этого мы намерены приложить усилия к организации пропаганды результатов их исследований таким образом, чтобы эти результаты стали широко известны независимо от государственных средств печати. Социальной оппозиции предстоит покончить с дилетантизмом в сфере социального мышления, поднять дело оппозиционной пропаганды на профессиональный уровень, соответствующий интеллектуальному уровню потенциального и в будущем актуального гражданского общества. На этом пути нам надо быть готовыми к тому, что нам будут чинить препятствия масса людей и учреждений, до сих пор державших в своих руках средства оппозиционной пропаганды. Они уже превратились в вольных или невольных помощников советской власти в деле препятствования появлению в России устойчивой и преемственной оппозиции такого рода, какой может стать оппозиция социальная. Мы не намерены ограничиваться научной критикой коммунизма, мы считаем ее лишь идейной основой нашей пропагандистской работы. Мы намерены отбирать и пропагандировать произведения художественной литературы и публицистики, а также исторические и иные следования, так или иначе связанные с проблемами социальными. Но не любые, а лишь такие, которые соот-

ветствуют характеру наших идей. Такого рода произведения появились в прошлые годы и наверняка будут появляться в будущем. Мы в этом отношении намерены продолжать лучшие традиции "самиздата" и "тамиздата". Современные средства коммуникации и распространения идей позволяют продвинуться в этом значительно дальше наших предшественников. Эта форма оппозиционной деятельности уже доказала свою эффективность.

Что касается позитивных идей преобразования общества, мы отвергаем всякие утопические и непродуманные проекты на этот счет. Мы помним о величайшем уроке истории, когда стремление к самым светлым идеалам привело к самым мрачным последствиям в стране. Проекты преобразований, хорошо выглядящие на словах, далеко не всегда хороши в реальности. Мы не имеем в своем распоряжении никаких образцов, достойных подражания. Лозунги демократических свобод, прав человека, свободных профсоюзов, рабочего самоуправления, частной инициативы, децентрализации, многопартийности, выборов из нескольких кандидатов и т.п. выдвигавшиеся в последнее десятилетие с целью неких коренных преобразований в коммунистических странах были удобны для шумихи в западных средствах массовой информации, но оказались лишенными самого элементарного здравого смысла. Горбачевское руководство, включив их в свою демагогию и допустив на деле кое-что из таких требований, с полной очевидностью обнаружило их бессмысленность в качестве требований оппозиции. Эти лозунги были заимствованы на Западе или навязаны Западом коньюктурно настроенным диссидентам. Они не имели серьезных оснований в советских условиях и превратились в чисто политические пустышки. Эти лозунги требовали каких-то преобразований общества, причем незамедлительных. При этом полностью игнорировались возможности для преобразования, их неконтролируемые последствия и время, необходимое для них. Эволюционные процессы, требующие исторического времени, мыслились как вневременные акции, как по волшебству молниеносно приносящие желаемый результат.

Мы не отвергаем идеи прав человека и демократических свобод. Но мы к этой проблеме подходим иначе, чем участники правозащитного движения. Мы считаем, что права не даруются сверху властями, а завоевываются в длительной исторической борьбе, причем не просто в виде некоего распоряжения начальства, а в виде создания в самих условиях жизни феноменов, которые лишь закрепляются законодательно. Коммунистическое общество есть общество неправовое в строгом смысле слова. Здесь монополистом в истолковании и исполнении юридических норм является всесильное государство. Здесь на бумаге могут быть декларированы самые прекрасные права человека и демократические свободы. Но на деле они игнорируются или истолковываются так, что в реальности от них ничего не останется. Поэтому мы считаем своим долгом не апелляции к властям с требованием принять законы относительно прав человека и демократических свобод, не требование соблюдать эти законы, а разоблачение неправовой сущности коммунизма. Мы поддерживаем такие действия людей, на которые они не спрашивают разрешения властей, благодаря которым в практику жизни явочным порядком входят феномены, отвечающие интересам масс населения. Строительство правового общества надо начинать с фундамента, а не с крыши. Права человека и демократические свободы не суть нечто такое, что с рождения положено людям от природы. Это формы организации общественной жизни, добытые в результате длительной эволюции общества определенного типа, а не любого. Бездумный перенос их в чужую им среду коммунизма порождает лишь самообман и разочарования. В нашей стране нужно еще завоевать более фундаментальные условия человеческого существования, на основе которых со временем, возможно, встанет вопрос о их законодательном признании и закреплении.

Мы считаем, что в современных условиях нашей страны разработка научного понимания коммунизма, критика явлений советской жизни с позиций этого понимания и пропаганда наших идей есть дело неизмеримо более важное, чем выдумывание практически невыполнимых программ и попытки создания коньюктурных организаций, имитирующих прошлые образцы или подражающие прошлым образцам. Социологическое образование и просвещение широких слоев советского населения есть необходимое условие прогресса нашей страны в социальном отношении. Эта задача является неизмеримо более сложной и трудной, чем любые другие формы оппозиционной борьбы, хотя в словесном выражении это и выглядит вроде бы проще всего. На этом пути мы будем иметь против себя сверхмощный аппарат образования, воспитания, идеологической обработки населения, сверхмощные государственные средства массовой информации, всю сферу культуры и косность многомиллионных масс населения.

Мы не предлагаем никакой альтернативы коммунизму, считая любую альтернативу такого рода в наше время утопией или просто безответственной болтовней. Мы не считаем западные страны образцом общественного устройства, какое мы могли бы рекомендовать советским людям. Блага западных стран далеко не абсолютны. И далеко не все граждане имеют возможность воспользоваться ими практически. Одними демократическими свободами сыт не будешь. Чтобы насладиться материальным

изобилием нужны деньги. А чтобы заработать деньги человек должен спуститься в преисподню западного рая, которая ничуть не лучше советской. За блага западной демократии тоже приходится платить немалую цену. Да и существовали они не вечно. В борьбе за них были принесены огромные жертвы. Мы намерены ориентировать сознание наших соотечественников именно на неизбежность исторической борьбы за лучшие условия жизни, а не на ожидание их в качестве дара свыше и тем более со стороны Запада. Советскому народу предстоит не просто позаимствовать какие-то социальные образцы на Западе и перенести их в готовом виде на свою почву, но начать новую эпоху исторического творчества. Это будет эпоха проб и ошибок, иллюзий и разочарований, успехов и поражений. Жизненные блага, подобные западным (подобные, но не те же самые), будут завоеваны как результат истории, причем на основе тех достижений, которые уже стали привычными. А ведь гарантия удовлетворения минимальных потребностей (работа, образование, медицинское обслуживание) стоят того, чтобы за них сражаться. Ирония истории состоит в том, что сами советские власти стали насаждать в стране западнообразные второстепенные явления, дабы как-то оправдать покушение на достижения семидесятилетней советской истории. Наша страна все еще находится в начале нового исторического этапа. Ей еще только предстоит выстрадать идеалы будущего. Мы видим одну из наших задач в том, чтобы разрушить возникшие в последнее десятилетие иллюзии, будто Запад есть тот рай, к которому следует стремиться. Эти иллюзии деморализуют советских людей, отвлекают их внимание от борьбы за реальные жизненные ценности и от объекти ного познания своего собственного общества.

В обстановке смуты, идейного хаоса и растерянности, наступившей в нашей стране в последние годы, всякого рода конъюнктурщики и ловкачи навязывают массам населения новую ложь относительно сущности нашего общества, его прошлого и путей к новой жизни. Мы намерены противостоять этому мутному словоблудию и бессовестному бесовству позицией объективности и реалистичности. На спекуляциях за счет кратковременной политической конъюнктуры серьезную оппозиционную традицию создать невозможно.

В отношении организационных форм мы точно также предлагаем начинать с естественного начала, уже апробированного в прошедшие десятилетия, а именно: с создания небольших неофициальных групп из лично знакомых людей, связанных общими интересами и интересующихся проблемами мировоззрения, теории общества, социальной истории, коммунизма, советского общества и его истории. Деятельность таких групп должна определяться стремлением к образованию, независимым от официальной идеологии и подконтрольной ей науке, к самостоятельному исследованию в этих сферах, к обсуждению узнанного и познанного и распространению полученных сведений и результатов в своем окружении. Иначе говоря, эти группы должны сделать предметом своей деятельности все то, что входит в сферу государственной идеологии и общественных наук, но независимо от них, с иной ориентацией, с иным способом понимания, результатом этого должно явиться создание оппозиционного мировоззрения, которое послужит основой идейного объединения стихийно возникающих оппозиционных групп. Именно идейное единство должно стать исходным пунктом будущей массовой социальной оппозиции.

Мы, таким образом, настаиваем не на случайном скоплении людей по тем или иным причинам ставших на путь протеста против явлений советской жизни, а на идейном объединении обычных граждан, причем на высоком уровне образованности, понимания и убежденности. Мы настаиваем не на бесформенном и негативном инакомыслии, а на вполне определенном и вполне позитивном единомыслии во взглядах на мир, на познание, на общество, на коммунизм, на ситуацию в нашей стране и ее перспективы. Социальная оппозиция должна породить единое идейное движение по своему интеллектуальному и творческому уровню соответствующее образованной части человечества конца XX века. Это движение должно привлечь внимание гражданского общества, а через него широких кругов населения страны. Надо начинать с овладения умами людей и на этой основе — их думами и чувствами. Как они потом будут вести себя в качестве граждан, зараженных оппозиционной идес логией, покажет время.

Отношение к Западу

Мы принципиально иначе, чем диссиденты, подходим к оценке роли Запада в советском оппозиционном движении. Было бы несправедливо игнорировать то, что Запад сыграл огромную роль в создании оппозиционной вспышки в Советском Союзе в хрущевские и брежневские годы. И в будущем "тлетворное" влияние Запада здесь будет ощущаться. Но было бы преступно закрывать глаза на негативные стороны влияния Запада на советскую оппозицию. Поощряя, например, советскую эмиграцию Запад действовал в удивительном согласии с советскими властями. Он добился того, что многие диссиденты покинули страну и это стало одной из причин деградации движения. Угождая умонастроениям на Западе, многие бывшие диссиденты встали на путь сотрудничества с советскими властями. Последние даже стали смотреть на советских эмигрантов как на

свои форпосты в пока еще мирном вторжении в западные страны.

Запад руководствовался и будет руководствоваться впредь своими представлениями о советском обществе, своими критериями оценки общественных явлений и своими интересами. Запад поощрял в советской оппозиции лишь то, что отвечало его понятиям, вкусам, целям, а отнюдь не то, что отвечало потребностям и возможностям внутренней социальной эволюции самого советского общества. Запад навязал многим тысячам советских людей такое понимание советского социального строя, истории страны и целей социальной борьбы, какое совершенно неадекватно условиям жизни и интересам советских людей. Это привело к дезориентации сознания оппозиции и сочувствующих ей кругов населения, к измельчанию социальной борьбы вообще и замутнению идейной ситуации. Вот почему освобождение от всего того, что Запад стремится навязать советской оппозиции, не считаясь с внутренними закономерностями коммунистического общества и потребностями его граждан является одной из важных установок социальной оппозиции. В нынешних условиях, когда западные средства массовой информации стали почти единодушными проводниками горбачевской политики, а влиятельные силы Запада, ранее поддерживающие оппозиционную критику советского режима, практически предали это дело, освобождение от западной опеки становится абсолютно необходимым условием создания нормальной отечественной, а не импортной оппозиции.

Социальная оппозиция должна существовать не для того, чтобы давать материал для западных средств массовой информации и каких-то людей и организаций на Западе, эксплуатирующих советскую тематику в своих корыстных целях. Она должна сначала выработать свои собственные качества, соответствующие ее положению в ее собственном обществе, утвердиться в этих качествах как постоянно действующий фактор советской жизни. И лишь на этой основе она должна использовать возможности, какие ей может предоставить Запад. Не социальная оппозиция для Запада, а Запад для социальной оппозиции. Социальная оппозиция, очевидно, не может при такой установке расчитывать на сенсации и поддержку на Западе, какие выпали на долю диссидентов. В этом, конечно, есть свои минусы. Но есть плюсы. В социальную оппозицию будут вовлекаться люди не из соображений личной выгоды за счет оппозиции, а в силу глубоких убеждений, бескорыстно и с готовностью пойти на жертвы. Моральная чистота оппозиции является препятствием в достижении скорых и показных успехов, удостаиваемых внимания прессы, но зато она окупится сторицей в исторической перспективе.

Послесловие

Этот манифест касается только самых общих и фундаментальных принципов социальной оппозиции. Я не касался в нем многих других проблем, таких, например, как отношение к другим формам оппозиционного движения, средства и методы пропаганды, связь с оппозиционными движениями в других странах. Я думаю, что сейчас представляется возможность обсудить все эти вопросы на приличном теоретическом уровне, без особой спешки и без вовлечения в дискуссию лиц, не заинтересованных во внесении в оппозиционное движение беспощадной ясности и определенности.

Мюнхен, январь 1989

Петр Рябов

Неформальное движение как высшая и последняя стадия...

I. Накипь на волне перестройки

Бургомистр. ...Что в городе?
Тюремщик. Тихо. Однако пишут.
Бургомистр. Что?
Тюремщик. Буквы "Л" на стенах. Это значит — Ланселот.
Бургомистр. Ерунда. Буква "Л" обозначает — любим президента.

Е.Шварц. Дракон

"То, чего не было" — так назвал Борис Савинков одно из своих сочинений. И мои заметки о том, чего нет — о советской оппозиции, советских демократах и революционерах, анархистах и эсдеках, либералах и фашистах. Но если бы всего этого просто не было и все, как нет пальм в Антарктиде, — то не стоило бы браться за ручку. К несчастью, хотя оппозиции в Совке и нет, она вроде бы как и есть. Об этом феномене и пойдет здесь речь.

Году в 88-ом один из крупных партаппаратчиков Месяц назвал неформалов "накипью на волне перестройки". С этим определением сложно не согласиться. Но, поскольку перестройка, начавшись в 1987 году, к 90-му году завершилась, то неформальное движение, ею порожденное на свет божий, в целом прекратило свое существование (ностальгические группки и ничтожные остатки дэсовцев, касовцев и др. еще встречающиеся кое-где, — не в счет). Таким образом, хронологические рамки неформального движения можно ограничить 1987-90 годами: от образования, впервые после разгрома в 1982 году диссидентских групп, принципиально отличающихся от них клубов, кружков и федераций, и до их врастания (пусть чисто декоративного) в обновленное перестройкой здание Власти. Если 1987-88 годы характеризовались появлением, как грибов после дождя, массы Народных фронтов, клубов, союзов и ассоциаций, бумом общественного внимания к неформалам, подогреваемым официальными масс медиа, и определенными надеждами, связываемыми с ними, если в этот период начался массовый приток в неформалы тысяч активных людей, то 1989-90 годы, напротив, были ознаменованы разочарованием населения в неформальных играх, переименованием клубов и кружков — в партии и образованием специфической среды неформальных активистов, почти не пополняющейся извне.

Ниже я вкратце остановлюсь на таких существенных характеристиках этого типично советского феномена, как его идеологические ярлычки, внутренняя атмосфера, взаимоотношения с Властью и населением, происхождение и место в перестроечном процессе.

II. Продолжатели славных традиций?

Я вообще не помню учения, которое мы бы не пытались осуществить. Мы случайно узнаем о какой-нибудь стране и поднимаем у себя шумиху. Потом услышим, что в другой стране произошли реформы — снова не обходится без шумихи. В результате другие страны действительно проводят реформы, развивают свои особенности, а мы развиваем свою. Особенность же наша в том, что, чем больше мы шумим, тем хуже у нас становится... Ведь наука непрестанно движется вперед, ищет истину, а когда эта наука попадала к нам, она седела и плесневела. Мы как будто отрезали кусок чужого мяса, налепляли его на себя и ничуть не заботились о том, чтобы оно приросло. Зазубрив кучу сведений, мы не умели самостоятельно мыслить.

Лао Шэ. Записки о Кошачьем Городе

В "Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта" Карл Маркс писал: "Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых". О наших неформалах можно сказать, что живые, как кошмар, тяготеют над традициями всех мертвых поколений.

Весь ужас не в том, что Жириновского и Васильева обвиняют в фашизме, а, как раз наоборот, в том что они никакие не фашисты. Весь ужас не в том, что Анпилова и Зюганова упре-

кают в большевизме, а в том, что они совсем не большевики!

Почему, если самогонщик назовет свою дьявольскую смесь "армянским коньяком", его засудят за обман да еще набьют морду, если дилетант-живописец попытается выдать свои творения за картины Рафаэля — его засмеют, а вот когда всякие проходимцы называются "конституционными демократами" или "либералами", а, тем паче, какими-нибудь "революционными союзами" — все проглатывают это, как должное?!

Сходите на любую встречу с неформалами, и вы увидите, что все всегда идет по одному сценарию. Сначала слегка воздается должное заслугам "предшественников" — оратор-мародер выкладывает слушателям все, что он вообще знает о Милюкове и Чернове, Пуришкевиче и Плеханове, Аденауэре и Махно (нужное подчеркнуть), а потом: "Продолжая их славные традиции, мы (кадеты, эсеры, демохристиане и т.д.) вновь..." — и в том же духе. Так и хочется непарламентски спросить этого паразита-эпигона: "Эй ты, кадет доморощенный, — ты-то хоть одно Выборгское воззвание подписал? Ты, эсеришка совковый, — хоть одного сатрапа на тот свет отправил? Ты, новоявленный демократический христианин, можешь хотя бы четырех евангелистов по имени назвать? Ты, черносотенец убогий, хоть в одном еврейском погроме участвовал? И вообще, занимаетесь ли вы хоть чем-нибудь, кроме раздачи интервью центральным газетам, выборов КС и СП, пускания друг другу пыли в глаза и приема зарубежных гостей?!"

Риторические вопросы! Остается лишь удивляться скромности неформалов. Почему бы уж сразу не назваться пришельцами с Альфа-Центавры или мессиями? Это было бы более обоснованно и убедительно.

Сборище призраков и привидений со всех стран мира и эпох заполонило нашу многострадальную державу: из России начала века — Учредительное собрание, кадеты, эсеры, анархисты, дворяне, казаки, Религиозное Возрождение; из послевоенной Европы — христианская демократия; из славянских древностей — емельяновские "язычники", поклоняющиеся Перуну, а также дипломированные колдуны; из Великого Новгорода — Всероссийское Вече; из Древнего Рима — префектуры; из США — Президент и День Независимости, и, бог знает, из какого нафталина — толпа импортных троцкистов... Словом, как в Греции, у нас есть все и вся.

Уланы с конскими хвостами,
драгуны с пестрыми значками, —
Все промелькнули перед нами,
все побывали тут!

Этакая многочисленная толпа детей лейтенанта Шмидта.

И — приезжие учителя из "аналогичных" партий Европы, въезжающие в ситуацию в Союзе не более, чем в китайскую грамматику, которые, как добрые Санта-Клаусы, везут неформалам "гуманитарную помощь": компьютеры и ксероксы, приглашения за рубеж и горы литературы, значки и флажки...

Но, разумеется весь этот маскарад устроен не столько ради "зарубежных друзей", сколько с целью обмана собственного населения, и, как это не парадоксально, самих актеров, вжившихся в роль, самих себя, самих участников движения (был простой советский инженер или инструктор райкома, а теперь — якобы председатель якобы "...-демократической" партии и крутой борец с тоталитаризмом). Но об этом чуть ниже.

III. Хождение во Власть

Это такое рабство, в котором рабское положение компенсируется возможностью для каждого видеть в окружающих подвластные ему существа, — здесь вместо свободы предлагается возможность лишить свободы других, то есть соучастие в закрепощении. Не стремление быть свободным, но стремление лишить других людей такого стремления к свободе — вот какой эрзац свободы предлагается здесь гражданам. А это много легче, чем бороться за то, чтобы не быть рабами.

А. Зиновьев. Почему мы рабы

Но начальник хорошим не может быть,
Потому что — не может быть!

А. Галич

Когда я еду в подмосковной электричке, вагоны наполнены благостными, умиротворенными старичками-пенсио нерами. Один читает газету, другой везет корзину клубники, третий нянчит внука... Но мне в каждом мирном пенсионере чудится следователь, который сам выбивал людям зубы.

А. Марченко. Мои показания

Строго говоря, того, что случилось следовало ожидать. Ведь в нашей замечательной стране уже не раз так было: "диктатура пролетариата" вела к его порабощению, "культурная революция" — ко всеобщему оболваниванию, "борьба за мир" велась путем бешеной гонки вооружений... Поэтому ничего удивительного нет в том, что и "оппозиция" и "многопартийность" и "демократия" приняли у нас весьма специфический оттенок.

Но это сейчас, когда позволили, мы стали все из себя многоцветные и плюралистические, и разгуливаем в "общем информационном пространстве" Совка, как многопартийные призраки на спиритическом сеансе. А где мы все раньше были, откуда, извините за вульгарность, из какого такого интересного места появились на божий свет? А вышли мы все не только из гоголевской шинели, но также и из клубов содействия перестройке (вот что, значит, было нашей школой демократии!). Это в других странах Власть боролась с оппозицией — у нас она "оппозицию" заботливо выращивала. По своему образу и подобию, разумеется.

Лозунг польской революции 1980-го года — слова Куроня: "Рабочим надо не сжигать партийные комитеты, а создавать свои собственные". Наша Власть, видимо, взяла его на вооружение в такой интерпритации: "Надо не громить оппозицию, а создавать, взращивать и направлять собственную оппозицию", а потом и уйти в нее самой, чтобы уже непонятно было, где Власть, а где оппозиция ей. Только так Система может сохраниться, и, имитируя полисубъектность политического процесса, оставаться глубоко моносубъектной. Этим наша Система лишний раз продемонстрировала живучесть и всемогущество. Подумаешь, списали в расход сначала брежневское Политбюро, а потом ГКЧП, — но ведь, на том основании, что Сталин списал в расход ленинское ЦК, ЧК и партию заодно, отказался от идей мировой революции, и от интернационализма перешел к державному национализму, а от воинствующего атеизма — к взращиванию своей, государственной церкви, не будем же мы говорить, что он демократ. Мы так и не поняли, что, если летят головы начальства, — это еще не свобода, а приход к власти "демократической" партии вовсе не тождественен демократии, подобно тому как господство в стране компартии еще не означает коммунизма.

Но вернемся к увлекательному процессу перестройки, побочным, хотя и немаловажным продуктом которой, "пеной" на волнах которой и было неформальное движение: "Партия сказала: надо! — неформалы ответили: есть!". Нам сверху сказали в 1987-88 году: "В стране перестройка" — и мы приняли это за безусловную и неоспоримую данность и бросились в ней участвовать: спорить о том, какой ей быть, а не о том, что это такое и нужна ли она вообще (и кому). Своей игры мы не имели, изначально принимая все условия игры, предложенные Властью и лишь подыскивая себе подходящую роль в этой постановке, режиссером и сценаристом которой была Система. Но сам сценарий предполагал импровизацию и активность со стороны актеров. Тяп! Ляп! — и готова "оппозиция", и сработана "многопартийность", и родилось "гражданское общество". Жалко, что ли!?

Кстати, с "оппозицией" в 60-80-ые годы был повторен тот же трюк, что и с церковью в 20-40-ые годы. Церковь: аресты, репрессии, террор, разгром храмов, красные попы "обновленцы" во главе с Введенским — с одной стороны (изнутри), Емельян Ярославский и Союз Воинствующих Безбожников — с другой (извне). Потом — когда всех, кого нужно, перебили, посадили, изгнали, запугали и перевербовали, а патриарх заявил Власти, что "ваши радости — наши радости" — неожиданная Улыбка Большого Брата, ликвидация Союза Воинствующих Безбожников и на смену ему — союз государства с церковью (конечно, как союз всадника с лошадью). Диссиденты и неформалы 60-80-ых: сначала террор, шантаж, высылки из страны, ссылки, внедрение агентуры, подрыв изнутри при помощи роев медведевых и чивилихинских "памятей", запугивание и разгром диссидентства к 1982 году Андроповым. Потом, на новом этапе селекции, — надзиратели ушли в тень, начинают действовать гены, воспитание; Власть сознательно выращивает под крылышком комсомола, партклубов, экологических дружин, официальных КСП, КИДов и ленинградского гебистского рок-клуба свое оппозиционное движение. Из КИДов возникает интердвижение, из экологических дружин — зеленые группы, из партклубов — сперва клубы поддержки перестройки, а потом народные фронты и партии. Налицо не просто организационная преемственность Власти и оппозиции, но преемственность тотальная, всеобщая (на уровне ценностей, психологии, внутреннего климата, конкретных деятелей и т.д.), за исключением идеологической мишуры — на смену коммунистическим фразам пришли фразы демократические.

Но с Властью все понятно. Она талантливо и умело делала свое дело. Но как же "соль земли русской", "совесть нации" — интеллигенция? Почему в едином порыве ринулась в объятия Горбачева и компании? Почему не послала начальников далеко и надолго, почему не дистанцировалась от перестроечных игр? Увы! Все последние годы имел место прямо противоположный процесс, который можно назвать также, как видный "демократ" А. Собчак назвал свою автобиографическую книгу — "Хождение во Власть". Хождение интеллигенции во Власть приняло куда больший размах, чем хождение в народ 120 лет назад. Это — увлекательное и грандиозное зрелище, когда каждый интеллигент в меру своей подлости, наглости, хитрости и таланта группами и поодиночке пытается пробраться в господские апартаменты (а передвижка руководящих кадров, начатая перестройкой, открывает здесь головокружительные перспективы). Одни, как тараканы, через щели просачиваются во дворец и занимают места на господских кроватях, как будто так и было — по В. Маяковскому:

Дворец не думал о вертлявом постреле,
не гадал, что в кровати, царицам
вверенной,
раскинется какой-то присяжный
поверенный.

Другие униженно просят в лакейской — пустить их хоть на порог — по Н. Некрасову:

А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица...

Наконец, третьи, самые циничные, ночью выбрасывают из окон старых хозяев — по А. Пушкину:

Мосальский

Народ! Мария Годунова и сын ее Федор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы. (...) Что же вы молчите? кричите: да здравствует царь Димитрий Иванович!

Итак, хождение во Власть — вот чем занята сейчас "совесть и ум народа".

А что народ? Народ голодает и нищенствует.

Однако это все лирика. Но, "если оппозиция создается, значит, это кому-нибудь нужно". Кому?

IY. Мирное сосуществование власти и "оппозиции" как новая форма классовой борьбы

Гамлет

Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?

Полоний

Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.

Гамлет

По-моему, оно похоже на ласточку.

Полоний

У него спина, как у ласточки.

Гамлет

Или как у кита?

Полоний

Совсем, как у кита.

В. Шекспир. Гамлет

Репетилов

...Из шумного я заседанья.
Пожало-ста, молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество, и тайные собранья,
По четвергам. Секретнейший союз...
(...) Частенько слушаю, не разжимая губ,
Мне не под силу, брат, и чувствую,
что глуп.
(...) Э! Брось! Кто нынче спит?
Ну полно, без прелюдий
Решись, а мы... У нас...
решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим — подумаешь, что сотни
голосов..."

А. Грибоедов. Горе от ума

Будьте солеными, а не сладкими!

Один из лозунгов Красного Мая 68-го

Итак, советская оппозиция не является ни порождением осознавших себя общественных сил, противостоящих Системе, ни даже выражением протеста героев-одиночек. Все же остаются невыясненными два вопроса: для чего нужна игра в "оппозицию" людям, согласившимся ее составить ("субъективная" сторона дела) и Власти, поощряющей ее рост и плавно переходящей, перетекающей в эту "оппозицию" самой себе ("объективная" сторона дела).

Сначала о "субъективной" стороне дела. Всех участников неформального движения можно легко разделить на три основные категории. Во-первых, откровенные чеканашки (выразительное слово "чеканашки", по-видимому, изобретено еще в мрачные годы застоя Л.Петрановской) — люди, страдающие всевозможными психическими заболеваниями, маниями и фобиями. Во-вторых, беспринципные прохвосты и карьеристы, явно делающие карьеру в мутном перестроечном болоте неформалитета. И, наконец, в-третьих, — не столь многочисленные, но придающие движению хоть какой-то вес и элемент "подлинности", формирующие его лицо, те, некогда активные люди с какими-то принципами и благими намерениями, которых я назвал бы "жертвами перестройки" (ибо участие в неформальном движении почти ни для кого не проходит даром — ведет к опустошению, моральной и интеллектуальной деградации, потере себя, самообману и депрессиям).

Если с первыми двумя категориями все ясно, то стоит поговорить о третьих. Их, в свою очередь, условно можно разделить на две неравные группы: подавляющее большинство — "оппортунисты" и меньшинство — "радикалы". К числу первых можно отнести участников клубов поддержки перестройки, народных фронтов (в России, конечно, а не в нацрегионах), демплатформы КПСС и пр., тех, кто по призванию любил Горбачева и Ельцина и ругал Лигачева, и сначала с ними ратовал за гласность и демократизацию, потом пытался вместе с ними строить гуманный и демократический социализм, и, наконец, выступил за "нормальное" рыночное общество против красно-коричневой чумы. Типичные и наиболее многочисленные представители второй группы — члены Демократического Союза, регулярно выходящие на несанкционированные митинги с лозунгами: "Горбачев — фашист!" и столь же регулярно отсиживающие свои 15 суток, многократно поминающие по поводу и без повода Ганди, гражданское неповиновение и демократическую революцию и слывущие среди своих "собратьев"-неформалов экстремистами и белыми воронами. При всей кажущейся пропасти между этими двумя группами, я смею утверждать, что по сути своей они тождественны. Представьте себе картину: большой слон Системы шествует своим неведомым путем, и его сопровождают две ничтожные собачки, причем одна лаем пытается корректировать его движения, давая ценные советы — куда следовать: направо или налево, а другая моська имитирует нападение на слона и исходит истошным тявканьем, причем на движении слона ни то, ни другое никоим образом не отражается, но создается атмосфера широкого плюрализма в мире зверей. Собачонки переполняются чувством собственной значительности: первая — своей мудрости, вторая — своей героичности.

Что же касается внутренней атмосферы в неформалитете как первой, так и второй группы, то она, несмотря на идеологические различия, и там и там не просто типично совковая, но концентрированно совковая: мелкие "коммунальные" склоки за крохи власти и огромные амбиции; чисто вещное, объектное отношение неформалов друг к другу при полном отсутствии цивилизованной дискуссии и представления о правах человека; такое же полное отсутствие какой-либо теоретической работы, осмысления окружающих реалий, умноженное на чудовищное невежество подавляющего большинства активистов, вне зависимости от партий; нулевая связь с реальной жизнью "простых" людей и шизофреническая замкнутость движения на самого себя, на свои кухонные разборки, магические заклинания и мифологемы, почерпнутые из прошлых веков; пошлость и безликость движения, творческая импотенция и почти абсолютный ваккуум личностей и идей... Этот список можно продолжать, и вряд ли требуются примеры, иллюстрирующие его — всякий, хотя бы поверхностно знакомый с неформальным движением, согласится с этим его контурным портретом.

Встречались и здесь, конечно, милые, интересные и даже пытающиеся думать, но, однако, вполне советские люди, примерно также соотносящиеся с Герценом и Чернышевским, как Шмонов соотносится с Дмитрием Каракозовым, а Гдлян — с Владимиром Буковским.

Наконец, уже упомянутым специфическим признаком советской оппозиции, является чудовищный конформизм перед лицом Системы, готовность играть по правилам ее игры, в ее формах и символах (о чем говорить, если любая несанкционированная Властью акция того же Демократического Союза воспринималась неформалами как "экстремизм"!) "Поднажмите, ребята, надо радикализировать перестройку" — говорили неформалам, и те "поднажимали", не задумываясь, — а в том ли направлении они жмут и нужна ли вообще перестройка, или они в гробу ее видели. И даже тогда, когда речь вроде бы заходила о "борьбе", пусть эпизодической и нерешительной, — но лишь о борьбе против Власти. Но ведь, когда в стране нет гражданского общества, борющегося с деспотизмом государства, противостоящего ему, и весь народ покорно его поддерживает, то борьба с Системой — это борьба не только и не столько против конкретной Власти, сколько, как это ни парадоксально, — против общества, против народа, против самого себя. Что же поделать, если рабский дух пронизывает и нас, и всех людей вокруг, растлевает всю атмосферу общества?! Чтобы спасти себя, надо бороться с собой, чтобы помочь народу, надо стать "врагом народа". Тут мало разума, тут нужно отчаяние и ненависть (живая, целомудренная, берегущая себя, а не истерически-крикливая ненависть). Тут мало отчаяния — нужен разум. Расхожий штамп советского неформалитета — святая убежденность в том, что "гражданская война — это наихудшее зло"! Но неужели это так? Нет — гражданский мир, мир рабов с деспотами, мир палачей с жертвами — хуже всего!

Для тех, кто сомневается в сказанном выше о лживости и гнилости нашего неформального движения, могу привести один важный индика-

тор его "подлинности". Существенный, многое обусловивший общий момент неформальной ментальности — синдром нашкодившего мальчишки, ожидающего, что вот-вот всех нас накроют на месте преступления[1], какой-то дядя наверху скажет, что он пошутил, перестройка отменяется. У всех: и у "умеренных", и у "радикалов", этот момент неподлинности перестройки, демократии, осознание фантомности собственной значимости — имел место, был веским аргументом в спорах и, что важнее, — в подсознании. Общее ощущение: "мы совки, совками были, совками и остались, ничего не можем, ничего от нас не зависит" — трансформировалось в это ожидание часа "икс" (как у премудрого пескаря — ожидание гибели). "Умеренные" ждали с ужасом: надо помогать Горбачеву, а не то хуже будет, придут "фашисты", и потому сейчас любая подлость и сделка с совестью оправдана. "Радикалы" ждали диктатуру с внутренним нетерпением и предчувствием облегчения — диктатура все расставит по местам, признает нашу "подлинность", внесет ясность в ситуацию (но если мы сейчас, в благоприятных условиях "свободы", ничего не можем, то что сможем тогда — разве это не признание своей никчемности и бессилия?! — П.Р.). Так что же это такое — всеобщее неформальное ожидание диктатуры, потребность в ней (одним — для оправдания свой трусости, другим — для сокрытия своей никчемности, и тем и другим — для придания себе хоть тени правдоподобия), как не признание собственной неподлинности и постоянного наличия за сценой удава — для бандерлогов и кроликов. И неважно, что это за удав: генерал КГБ, наши гены и воспитание или что-либо другое — важно, что он всегда ощущается, всегда незримо парит среди нас. И тут мы прямо находим ответ на первый вопрос — о субъективной стороне советской "оппозиции". "Оппозиционность" у нас на уровне личности играет чисто компенсаторную роль[2] — роль самоутверждения: "я не совок, я политик, я что-то могу, я боролся, я страдал". В глубине души человек сознает, что борьба призрачная, а танки и баррикады в августе 91-го — декоративные, что риск минимален, и он, человек, как был рабом, ничего не могущим, таким и остался — но все это неформалу можно (и нужно!) подавить, придать игре максимально масштабный и правдоподобный характер.

И тут субъективная заинтересованность "оппозиционеров" плавно и гармонично сочетается с "объективной" заинтересованностью Власти в "оппозиции". О том, что Власть не просто заинтересована в росте и развитии э т о й, с о в е т с к о й "оппозиции" (ведь кто-то давал неформалам трибуны, залы, делал рекламу в газетах, раздувал из неформальной мухи политического слона, создал моду на неформалов), но прямо генетически породила из своих недр "оппозицию", достаточно сказано уже в предыдущей главе. На мой взгляд, при этом Власть преследует триединую цель. Во-первых, "оппозиция" помогает Власти осуществить перестройку, то есть все изменить, ничего не меняя, служит вывеской для Запада и для своего народа, имитирует политическую борьбу, партии и прочие атрибуты "цивилизованного общества", реально никому не мешая, не имея ничего за душой, ни на что не влияя, но давая Власти проводить ее маневры, используя холуйский конформизм, полную самозамкнутость, манипулируемость и просто трусость "оппозиции", наконец создавать новые мифы якобы не сверху, но снизу, из недр самого общества. Во-вторых, важной задачей перестройки, решаемой Системой при помощи "оппозиции", является кардинальное обновление элиты, идеологии, вливание новой крови и идей путем естественного отбора: на смену старым маразматикам — из неформалов выдвигаются наверх наиболее жизнеспособные: подлые, циничные, сильные, беспринципные и хитрые дельцы от политики, — дело Власти здесь было лишь "пустить процесс", а там все идет само собой. В-третьих, наконец, Власть могла ожидать, пусть не сейчас, но в отдаленном будущем, возрождения в этой стране гражданского общества, подлинной оппозиции и т.д., и потому решила, не дожидась такого развития событий, пойти на их форсирование и опережение — сделать вместо полноценного ребенка оппозиционный "выкидыш" из общества, самой взрастить "оппозицию", девальвировать до предела принципы и понятия протеста и свободы, мародерствуя на освободительной традиции, канализировать, направить движение в безопасное русло и, таким образом, убить в корне саму возможность возникновения внесистемной оппозиции, чтобы, в случае стихийного и неизбежного недовольства населения, ограбленного в ходе очередных "реформ", люди были полностью дезориентированы и сбиты с толку, чтобы у них четко отождествлялись понятия "либерализм" и "либерализация", "свобода" и "свободные цены", "гласность" и "нищета", "демократия" и "грабеж", чтобы на само понятие "оппозиция" у

---

1) народная ненеформальная мудрость:

Товарищ, верь: пройдет она
Эпоха безграничной гласности,
И в комитете безопасности
Припомнят наши имена

— может быть Символом Веры всего движения.

2) проблема неформальности как компенсаторной функции рассматривается в превосходной статье Александра Элиовича "Психоанализ и перестройка", помещенной в изданиях ДС: "Вполголоса" и "Свободное слово".

людей была устойчивая аллергия, как на насилие и обман. Я должен признать, что все эти три задачи Система блестяще решила.

Завершая этот краткий анализ иддиллических и уникальных взаимоотношений советской Власти и советской же "оппозиции", хочу высказаться по вопросу о понятиях: "внесистемность" и "системность" (в применении к политической оппозиции!). Над этим разделением часто смеются, говоря что оно мистическое и надуманное. А между тем оно вполне реально, материально и ощутимо. Можно просить Власть "реабилитировать невинных политзаключенных и поставить им Мемориал", а можно сказать, как говорил в 1979 году Лех Валенса: "М ы с а м и придем сюда через год, принесем по камню и поставим памятник нашим товарищам". Можно подавать заявку на митинг и говорить на суде, что ты невиновен и не хотел ничего плохого, а можно выходить на площадь, игнорируя эту Власть и на суде назвать себя врагом этой Системы, этого общества и этой Власти. Можно "в целях пользы дела" совсем по-советски избрать себе партийного начальника и переложить на него всю ответственность за принятие решений, а можно каждому отвечать за себя самому, преодолев врожденную инфантильность, выражаясь словами Ильича, "детскую болезнь" совковой безответственности. Можно участвовать в перестройке (как и в других кампаниях, провозглашенных сверху), корректировать ее и писать письма на партконференцию с собственным верноподданническим мнением о том, какой должна быть эта перестройка, и как Власть должна нас перестраивать (а потом, оказавшись у разбитого корыта, удивляться, как тебя надули), а можно не играть в эти игры начальства и, руководствуясь аксиомой А. Галича: "но начальник хорошим не может быть, потому что — не может быть!" — сразу задуматься на тем, почему и зачем Власть это делает. Можно устроить хождение во Власть (в противоположность хождению в народ) — в Советы, в правительство, в комсомол, в профсоюзы и т.д., руководствуясь мудрой ленинской мыслью: "договариваться можно хоть с чертом, если вы уверены, что вы обманете четра, а не черт вас", а можно, чураясь и лжи и бесовщины, бежать от Власти, как от чумы. Можно просить, чтобы одного министра заменили другим и дали шахтерам на сто (триста, тысячу...) рублей побольше, а можно, не выпрашивая сверху подачек и считая их оскорбительными, деликатно требовать от Власти только одного — чтобы она сдохла. Можно пытаться сделать Власть доброй, и влиять на нее, а можно сразу четко противопоставить себя Власти, и, не ожидая пощады и победы, поддавков и милостей (по принципу: я скажу, что "я пошутил", выходя на митинг, а начальник скажет, что он пошутил, вводя военное положение), вести с ней борьбу на смерть, не запутывая посторонних наблюдателей кажущимся "смягчением" ваших противоречий и "уменьшением" дистанции между волком и ягненком. Можно улыбаться и пожимать руку комсомольским и профсоюзным чиновникам в надежде, что они пустят вас где-то на трибуну, напечатают вашу заметку в своих центральных газетах, похвалят вас за конструктивность по радио[1] и т.д. А можно, оставшись при своей печатной машинке и комнате в 10 $м^2$, чувствовать себя ничем от них не зависящим и свободным, обязанным им разве что тюрьмой и дубинками ОМОНа на митинге. Можно на суде умиленно аплодировать судьям, которые вместо трех лет дают ребятам, называющим себя анархистами, "всего" шесть месяцев, а можно возмутиться и сказать: на войне как на войне — либо в ней вообще не стоит участвовать, либо уж не надо ждать пощады и благодарить врагов за милость (а судьи кто?), благодарить кошку за то, что она не так сильно мучает мышку, как могла бы. У мышей с кошками мира и согласия быть не может.

Вот что такое, по-моему, "системность" и "внесистемность" — в применении к политической сфере. Другие, неполитические, более сложные аспекты этих понятий я здесь не буду затрагивать.

1) Все аргументы, обычно высказываемые против этой точки зрения, сводятся к голому прагматизму, к тому, что "внесистемник" — беспомощен, не имеет эффективных рачагов в борьбе и пр. Но, во-первых, внесистемность — это единственная возможная прочная основа для оппозиции (чувство свободы, подлинности, независимости, честности, внутренней целости), а, во-вторых, именно внесистемность является с а м а мощной силой, страшащей власти и привлекающей тысячи людей — именно в силу своей подлинности и искренности, готовности бороться и жертвовать, а не имитировать борьбу и жертвы, именно внесистемность — центр притяжения людей, тянущихся к оппозиции и объект для репрессий со стороны Власти: один Владимир Буковский (эпохи 60-ых годов) "стоит" семи Московских народных Фронтов.

V. Придет ли вообще настоящий день?

По сравнению с эффективностью массовых организаций, современный радикальный протест может быть осужден, как имеющий маргинальное значение. Но подобное бессилие всегда характерно вначале для тех групп, которые защищали права человека и гуманные цели против так называемых реалистических целей. Слабость этих движений должна быть, по-видимому, признаком их подлинности, их изолированность — признаком отчаянных усилий, необходимых для того, чтобы вырваться из всеохватывающей системы господства, разорвать преемственность...

Герберт Маркузе.
Экология и общественная критика

В наше время всеобщего распада, информационного бума и космических скоростей, когда никто никого не слушает, не воспринимает и не понимает, статьи, как и любовь, почти всегда остаются безответными. И все же напоследок, завершая эти свои размышления, я хочу поставить несколько больших вопросов, на которые ответа не имею.

Есть вещи, считающиеся общепризнанными. Есть явления, считающиеся существующими, — но до поры до времени. Две тысячи лет после Птоломея человечество верило, что Земля — центр мира, но явился Коперник, геоцентрическая система рушится, место Земли занимает Солнце. Много веков, от Аристотеля до Лейбница и Вольфа самоочевидным было существование метафизики, и вдруг — в XVIII веке является Кант и задает свои вопросы: "А возможно ли существование метафизики вообще? Если да, то существует ли она уже, и как может существовать в качестве науки? И, наконец, если (как он показывает), ее до сего дня не создано, то что можно сделать для того, чтобы появление метафизики стало возможно?" И не пора ли нам, доморощенным советским интеллигентам, корчущим из себя Фронду и совершающим Хождение во Власть, не претендуя на кантовские лавры, задаться куда более частными, хотя и не менее важными для нас вопросами: "А есть ли у нас в СССР-СНГ реальная оппозиция? Если нет, то может ли существовать она в принципе? Как ниспровергнуть пелену мифов, возродить традицию протеста и вольномыслия, реабилитировать простейшие понятия и принципы, воссоздать живые очаги "внесистемной" социокультурной ситуации? И, если оппозиция может появиться, то как именно она возможна, чтобы то, чего не было и нет, стало тем, что может возникнуть и быть?"

Но это уже тема другой статьи.

У кого есть варианты ответов — отзовитесь!

4 июля 1992

Независимая радикальная оппозиция сегодня

(Материалы Конференции-семинара "Проблема независимой радикальной оппозиции сегодня")

От редакции 18 июля 1992 года в Москве прошла Конференция-семинар по теме "Проблема независимой радикальной оппозиции сегодня". Она была организована членами независимых общественных групп — Демократического Союза, Инициативы революционных анархистов, Вольного философского общества, Конфедерации анархо-синдикалистов, а также рядом известных правозащитников. В ней приняли участие около 30 человек.

Большинство участников Конференции приняло решение об организации независимого семинара социально-правозащитного направления. Узнать о семинаре можно по телефону 453-37-76.

Приводим сокращенные тексты некоторых, наиболее, на наш взгляд, интересных выступлений.

Выступление Кирилла Подрабинека (правозащитник)

Вообще-то говоря, сегодняшняя конференция посвящена проблеме несуществующего явления. Оппозиции нет.

Я не имею в виду парламентские декорации и газетные вымыслы. Я не имею в виду и прокоммунистические и национа.листические группы, хорошо вписывающиеся в существующий порядок. Конечно, они желают переоформления этого порядка, его углубления и недовольны долей своего участия в нем. Но мотивации, идеи, эксплуатируемые как красными, так и коричневыми, неоригинальны и давно воплощены в общественной жизни. По существу, их спор с властями касается величины дракона. Сам же дракон — неправовое, тоталитарное государство, подавляющее человеческую личность — хотя и сократился несколько в размерах, но по-прежнему резвится на лужайке Истории.

В чем причина живучести этого дракона?

Почему, несмотря на метаморфозы последних лет, суть государства не изменилась? Попытка обстоятельного анализа системы существующей власти была бы непозволительной роскошью, учитывая регламент конференции. Попробуем выделить, быть может, основное. По всей видимости, существующая власть — власть чиновников и в интересах чиновников. Причем той совокупности чиновников, где каждый стоит между производителями и потребителями общественного продукта. Поскольку этим оправдывается существование власти, она, естественно, не хочет и не может предоставить возможности для экономической и политической самоорганизации общества. Хотя именно это и должно быть задачей добросовестной власти. Ведь ее нормальные функции — разграничение и охрана прав граждан, в том числе, прав экономических. Но здесь-то и беда, что у граждан практически нет возможности для общественно согласованной реализации прав. Нечему разграничиваться, нечему охраняться, поскольку тотально нарушаются права человека. Все это напоминает ситуацию, при которой дорожная инспекция не столько бы устанавливала правила движения и следила за их соблюдением, сколько предписывала, кому и в какую сторону ехать. Естественно, власть пользуется словесным камуфляжем для прикрытия своих интересов: "Всем надо ехать в эту сторону — вот нужный путь к рынку, — реформы проводятся в правильном направлении, — верной дорогой идете, товари... гм, господа!" Вот почему достаточно забавно выглядят группы, самоименуемые демократическими партиями и движениями и претендующие на "конструктивную оппозиционность". Их разногласия с властью касаются направления движения: "Всем надо ехать в другую сторону — вот нужный путь к рынку — реформы проводятся в неправильном направлении — неверной дорогой идете, това.., господа!" Но сам подход к общественной жизни у них тот же, что и у власти. Они не согласны с правительством в том, какие чиновники и как должны управлять. Но само собой подразумевается, что это прерогатива чиновников.

Вполне понятно, что в таких условиях вывеска на фасаде власти несущественна, будь она коммунистическая, демократическая (вчерашняя коммунистическая) или любая другая из стандартного набора: либеральная, консерва-

тивная, патриотическая и т.п. Одинаковые подходы знаменуются одинаковыми результатами. То, что принято считать политической жизнью в стране, имеет удручающе однообразный вкус. По крайней мере для подавляющего большинства населения, бесправного перед лицом государства и не имеющего собственных политических интересов. Грядущие возможные перемены грозят просто дальнейшим шаблонным воспроизводством все той же — надоевшей! — советской власти. Что не исключает, разумеется, элемент приятной новизны для некоторых, как, например, возможность безбоязненно говорить и ездить за границу.

В конечном итоге, власть такова, каково общество и его лидеры. Но существование реальной, независимой оппозиции системе власти или, если хотите, характеру общественных отношений могло бы стать инициирующим фактором благих общественных перемен. К сожалению, таковой оппозиции нет. Есть отдельные оппозиционно настроенные люди и группы. Но нет реальной, последовательной совместной деятельности, которая одна только и является формой существования оппозиции. Почему так получилось? Попробуем рассмотреть вопрос хотя бы в части, полезной для настоящего.

Казалось бы, ослабление властями репрессий, возвращение из тюрем многих политзаключенных, вовлечение в общественную деятельность множества новых людей, расцвет неподцензурной печати, наконец, — все это должно было бы привести к становлению независимой оппозиции. Этого не произошло. Почему? По множеству субъективных причин. Среди них и то, что даренное властью немногого стоит, и иллюзии, толкающие к коллаборантству, и печальная необходимость учиться на собственных ошибках, несмотря на яркие примеры чужих, и размытость общественных интересов, и нечеткость нравственных критериев применительно к политике. Иначе говоря, вся совокупность реальных, воплощенных в видимые причины факторов общественного бытия и менее заметных, но не менее реальных факторов общественного сознания. Наверное, для последовательного анализа проблемы необходимо многослойное, в разных плоскостях рассмотрение этих факторов и одновременно целостный, синтезирующий подход ко всей их совокупности.

Тем не менее попробуем рассмотреть один стереотип общественного сознания, хорошо иллюстрирующий силу мифов, реализующихся в повседневной практике. Этот стереотип характеризуется искусственным разрывом между правозащитной и политической деятельностью. Этакая стена: здесь право, а здесь — политика. Стереотип весьма устойчив и имеет глубокие исторические корни. Хотя, казалось бы, сфера политики — вопросы власти, управления. А следовательно — разграничения прав граждан, их баланса при реализации. Но это одновременно и правозащитные вопросы, ведь нельзя разграничивать права и искать их равновесие, игнорируя природу прав и практику их реализации. Да и сама возможность добросовестной политики основана на правовом фундаменте. Если же права человека систематически нарушаются государством, то чему искать баланс? Понятно, — в таком случае реальная политическая деятельность не может не включать защиту прав человека, как необходимую предпосылку для их дальнейшего разграничения. С другой стороны, защищающий права человека не может игнорировать границы права, устанавливаемые обществом и государством. В случае же нарушения прав человека государством добросовестный и последовательный правозащитник не может не заниматься политикой. Иначе говоря, термины "правозащита" и "политика" лишь акцентируют внимание на двух сторонах одной деятельности. Искусственно их разделяющие на самостоятельные виды деятельности эффективно не занимаются ни тем, ни другим. Что и подтвердилось на практике.

Многие, традиционно занимающиеся правозащитной деятельностью, привыкли апеллировать к Западу. Раньше, когда Запад мог надавить на Советы, хоть в какой-то степени поставить политические отношения в зависимость от соблюдения прав человека, это имело смысл. Но перестало иметь смысл, когда некоторая настороженность Запада к советской власти сменилась благожелательностью, эйфорией по поводу перемен. Ну и что, например, если в стране есть политзаключенные, главное — провозглашена демократия!

Казалось бы, возникла необходимость поисков новых механизмов давления на власть, опоры в этом на общество, обращения к публичной политике, проведения митингов и демонстраций под правозащитными лозунгами, инициирования широких кампаний. Но у слишком многих возобладали чурание политики, замкнутый, кабинетный стиль работы. По инерции действовала та же схема: фиксируем нарушения прав человека, сообщаем об этом на Запад. Правда, некоторые с удовольствием окунулись в некую, извините, "политику", войдя во властные структуры. Тем самым разделив вместе с властью политическую ответственность за нарушения прав человека, например — наличие тех же политзаключенных. При таких условиях оппозиция состояться не могла. Не блестяще сложились дела и у тех новых групп, которые, по их мнению, обратились к политическим методам борьбы под политическими лозунгами: созданию партий, парламентской деятельности, конфронтации с властью ради изменения последней. Практическое отсутствие в их деятельности правозащитной основы привело к тому, что выдвигаемые требования сколь-

зили по касательной к истинным нуждам общества. Поскольку однородное общество, при несоблюдении прав человека, лишено подлинных политических интересов. Последние возникают лишь постольку, поскольку реализуются права граждан, давая возможность интересы и создавать, и отстаивать. Тогда-то и необходимы и партии, и парламентское представительство как способы гармонизации общественных интересов. В сущности, ситуация западного общества, с его гарантиями в правовой области и механизмами политического представительства, автоматически примерялась к обществу советскому, однородному и живущему в правовом вакууме, способному осознать свои политические интересы лишь в контексте правозащитных устремлений.

В результате то, что называется политической жизнью страны, в настоящее время носит декоративный, фарсовый характер. Существующие партии и парламенты так же относятся к реальному механизму политического представительства, как чертежи машины к самой машине. Спору нет, чертежи бывают нужны. Но смешно думать, что заработает механизм, составленный из листов бумаги.

По всей видимости, оппозиции, желающей быть реальной, а не бумажной, необходимо наполнить политическую деятельность правозащитной сутью, обращаясь к подлинным нуждам общества, способствовать формированию его политических интересов. Наверное, наконец, должен быть преодолен разрыв между политической и правозащитной деятельностью.

Отсутствие правовых гарантий со стороны государства, систематическое нарушение властями прав человека, в том числе прав экономических и права на собственность, — все это (хотя и не только) позволяет ставить вопрос о законности власти.

Оппозиции нет, но она хочет быть. Подтверждением тому может быть сегодняшняя Конференция. Но, во всяком случае, оппозиция способна сформироваться на деятельной, а не просто декларативной основе. Скорее всего, проводя сбор подписей, митинги и демонстрации, организуя общественные кампании.

Конечно, оппозиция не в состоянии решить за общество его проблемы. Иногда она может помочь решению проблем. И без оппозиции, под действием бед, общество бывает вынуждено самоорганизовываться. Но существование оппозиции иной раз позволяет не доходить в бедах до крайности.

Без сомнения, все вышесказанное лишь один из возможных подходов к проблеме оппозиции.

Выяснению общего в различных подходах и должна служить, в идеале, Конференция.

Я считаю, что политическая деятельность должна быть наполнена правозащитным содержанием. Только это, а не абстрактные политические концепции, может по-настоящему затронуть интересы общества. Сейчас есть партии, ведется множество споров, такие или эдакие политические ходы нужны, но ведь это же фикция, туман, потому что общество в это не вовлечено и не может быть вовлечено, потому что это не связано с правами человека.

Люди сегодня не имеют права на собственность, на самостоятельную экономическую деятельность. Что же, кормить их рассуждениями о том, какой у нас должен быть парламент — двух- или однопалатный? Ведь это не позволяет вовлечь общество в деятельность по осознанию его интересов.

Владимир Гершуни (правозащитник) — Согласен ли ты защищать с оружием в руках ту уродливую, но — демократию, которая, наконец, впервые за тысячи лет у нас возникла? Или ты готов ее постоянно расшатывать и делать ей подножки?

Кирилл Подрабинек — Я думаю, что с оружием в руках защищать можно не демократию и не общество, а только людей, когда им угрожает опасность.

Пинхос Подрабинек (правозащитник) — Может быть, есть уже такие движения и организации, которые делают то, о чем ты говорил, Кирилл? И тогда нужно просто к ним присоединиться?

Кирилл Подрабинек — Я не наблюдаю таких движений, к которым хотелось бы присоединиться.

Выступление Никиты Тюкова

На мой взгляд, вопрос нужно поставить так: что за оппозиция и чему она собирается противопоставлять себя? Если это внутрисистемная оппозиция, то мне с ней не по пути, потому что это оппозиция-флюгер, демократы-коммунисты, меняющие свои позиции на 180 градусов, но всегда остающиеся в Системе.

Если же мы ставим вопрос об оппозиции всей системе целиком, то мы должны обозначить вектор давления оппозиции на Систему. Систему можно уничтожить только ударом в фундамент. Что является фундаментом этой Системы? Кирилл сказал, что фундамент — несоблюдение прав человека, государство чиновников. На мой взгляд, суть, сердцевина тоталитарного государства не в этом. Тоталитаризм — это строй всеобщего воспитания, и его стержнем, как и стержнем любого государства, является господствующая социальная психология.

И если говорить об оппозиции тоталитарному обществу, то это, прежде всего, должна быть оппозиция господствующей тоталитарной психологии — доктрине, культуре и т.п. Проблема отсутствия контакта между думающей, скажем так, интеллигенцией и людьми возникает потому, что интеллигенция не понимает системы поведения, которую воспитывают у простого

системного человека. А она предусматривает удобство: человеку объясняется, что он очень удобно существует в этой тоталитарной системе, что удобнее работать, когда за него решают и дают готовые инструкции. И все порывы интеллигенции, которая считала, что если она создаст оппозиционные партии, неформальную печать, то инициирует общество к политическим процессам, столкнулись с политическим непониманием. Общество выступает против только на животном уровне. Это психология очереди. Весь протест, который мы сейчас видим, идет на физиологическом уровне. И если появится большое количество продуктов питания, основная масса людей из этого процесса выйдет. И опять останутся группы, единицы, которые будут бороться с этой Системой без поддержки. Поэтому задача думающей интеллигенции — задача борьбы со сложившейся психологией.

Когда появляется свободомыслящий человек, который способен сам анализировать и думать, он будет думать и о своих правах и обязанностях перед обществом. А когда человек думать не способен, то мы имеем пример перестройки, когда 5 лет работы средств массовой информации "перековали" 90 процентов населения. То они вяло поддерживали коммунистов, теперь вяло поддерживают демократов.

Основной удар радикальная оппозиция должна нанести в воспитании: надо выделить из молодой поросли людей, способных самостоятельно мыслить. Проблема, к которой должны быть приложены силы оппозиции — не приватизация, вопросы приватизации решат без нас, уже решают — давления на социум нет никакого, — а в помощи сотне — двум молодых людей осознать себя в обществе. Нужен психологический потенциал, которого в этой стране нет. Потом процесс пойдет лавинообразно, и в определенный момент это приведет к созданию новой критической массы.

Если равносторонний треугольник ударить по одной вершине, он перевернется, поднимется другая. А если ударить его под фундамент, то он осядет и развалится. И думающая оппозиция — не ельцинцы, травкинцы и прочие — не должна заниматься перекатыванием этого треугольника и каждый раз удивляться, почему же у нас опять возникает император, а уничтожить это дело под корень.

И далее, если мы выставляем в качестве приоритета воспитание неофитов своего движения, мы превратимся, согласно китайской сказке, в нового дракона. Когда воины побеждали дракона-тирана, а потом говорили: о, сколько золота! и забывали о том, ради чего они его побеждали — сами постепенно превращались в драконов. А если мы поставим основной задачей соблюдение прав человека и свободу и независимость человеческой личности, тогда мы увидим, как общество будет постепенно затопляться человеческими личностями, которые сами разберутся, что им делать.

Выступление Валерии Новодворской (Демократический Союз)

По моему убеждению, тех, кто здесь собрался, отличает крайнее отвращение к политической деятельности. Иначе мы бы сидели не здесь, а где-нибудь на заседании ВС России.

И поэтому неуместны с нашей стороны попытки создать какую-либо оппозицию или даже говорить о ней, потому что оппозиция — это понятие политической системы. И оппозиция не может быть внесистемной, это непреложно внутрисистемное понятие.

Вопрос жизнеобеспечения не входит в сферу нашей компетенции, ибо абсолютное большинство здесь присутствующих — профессиональные разрушители. Этого не надо стесняться. Нам не следует примазываться к каким-то конструктивным силам и выдавать себя за таковые. И все попытки предложить что-то по части приватизации, кроме нашего общего "Мене, текел, фарес", то есть суверенитета личности и самоорганизации общества, не получатся.

На мой взгляд, человечество не выучилось многим вещам так же абсолютно, как научилось решать проблемы жизнеобеспечения. Оно не отучилось пытать, предавать, не отучило себя ни от жестокости, ни от равнодушия — ни здесь, ни на Западе.

Это общество прокормится или не прокормится без нас. Но идея, которая высказывается сейчас, что девять десятых могут умереть, а одна десятая будет ездить на "Мерседесах", и это нормально — это уже нарушение идеи благородства, с этой концепцией нужно бороться.

И если уж мы здесь собрались, то не для того, чтобы поговорить и разойтись. В стране сейчас нет правозащитного движения. И мы должны создать правозащитное движение, хотя бы на уровне наших представителей, которые здесь собрались.

Выступление Пинхоса Подрабинека (правозащитник)

Если иметь в виду то, что говорит Никита, то я боюсь, что пока какой-нибудь толк произойдет, мы все успеем умереть безусловно. Стоит ли приступать к делу, которое должно продолжаться десятилетиями, столетиями? Давайте заниматься конкретными насущными делами.

Я не спорю, воспитание — хорошее дело, оно всегда сопутстствует тому, что человек делает. Я что-нибудь сказал хорошее — это воспитание, а сделал — вдвойне. У нас в России не соблюдается чувство меры: берутся или чистые глобальные идеи, или прямое действие, как у

французской "Аксьон директ". Если бы мы были ближе к эллинам в этом смысле, более гармоничны были бы слова и действия. Оппозиция прежде всего должна разговаривать между собой.

На самом деле, не бывает так, чтобы выработалась хорошая идея, а потом на основании этой хорошей идеи делалось бы хорошее дело. Все это идет вместе, и в самих делах рождается идея, а идеи способствуют появлению дел.

Выступление Вадима Дамье (ИРЕАН)

Все, о чем мы здесь говорим, — очень хорошо: готовить кадры... и новое правозащитное движение нужно... но все это — приятные разговоры за чашкой чая, когда на улице грохочет буря. Что фактически произошло за последние годы? Правящий класс в очередной раз решил свои проблемы.

Вспомним 1988 год. Ведь было же не только правозащитное движение. Было массовое общественное движение и движение самоуправления. Все это иссякло. Я считаю, что то, что произошло, история "ДемРоссии", история всего так называемого "демократического лагеря" — это трагедия. Независимое общественное движение инкорпорировалось в государство в интересах части правящего класса. И это то, что этот лагерь погубило. По-прежнему вроде бы действуют на улицах две общественные силы. Проводят митинги коммунисты, Анпилов, проводит свою защиту Ельцин, "ДемРоссия".

Давайте посмотрим на вещи реально. Есть ли сейчас независимая третья сила? Мне кажется, что над ее созданием сейчас и следовало бы работать. Наверное, в силу разнородности элементов, которые ее могут составить, она не сможет сейчас выработать общую программу, устав. Но, по крайней мере, эта третья сила могла бы выступить с констатацией негативного консенсуса. Есть вещи, которые у всех здесь присутствующих не вызывают сомнения. И именно эти вещи являются вызовом существующему общественному строю. Именно вокруг них могут осуществляться какие-то конкретные дела.

Если мы будем сидеть на кухнях и заниматься мелким просветительством, мы дела с мертвой точки не сдвинем. Следует оказывать конкретное сопротивление по конкретным поводам. И не только в сфере правозащитной. В сфере социальной.

Выступать следует не только в печати. Надо возродить культуру митингов, демонстраций, акций протеста. Почему мы должны отдавать улицу Анпилову? Вот здесь говорили, как страшно, что Анпилов демонстрирует. Страшно. Но не наша ли в этом вина? Почему мы допустили, что идея оппозиции Системе в глазах миллионов людей идентифицируется с ними? Почему мы продолжаем допускать этот чудовищный эксперимент над нами? Почему, когда голодный человек выходит на улицу, так как он не может больше терпеть физически, ему просто некуда больше податься, кроме как в "Трудовую Москву"?

И опять будут драться эти партии, опять будут делить между собой власть, перетаскивать кусочек туда, кусочек сюда. Но логика системы останется прежней. А ломается логика на улицах, а не в беседах за чашкой чая.

Выступление Армена Мнацаканяна (ВФО)

Всякая общественная деятельность имеет свои базис и надстройку. Надстройка — это анализ и выводы. Почему-то все забыли, что Россия началась не в 1985 году и не в 1917. Не надо сбрасывать законы истории со счетов, иначе они нас сбросят. Вспомним ситуацию начала нашего века в России: сколько было теоретических работ; даже у тех же большевиков был Богданов, который написал массу трудов, в том числе "Политэкономию", учебник, по которому училась вся молодежь. И это только маленькая фракция большевиков! Я уж не говорю про социал-демократов и народников, начиная от Герцена и Михайловского. Была дана АЛЬТЕРНАТИВА РАЗВИТИЯ — по всем позициям; были высказаны оригинальные идеи; хорошо бы их понять, чтобы двигаться дальше. А мы просто отмели все, что было раньше, и пытаемся выдумать на пустом месте.

Например, вопрос об отделении естественных процессов от того, что инициируется властью, даже не ставится. Мы не знаем даже, у кого сейчас реально власть. Кто распоряжается в этой стране?

Необходима новая концепция, новая теория, которая перерабатывает в себе все предыдущие, дает альтернативу по всем позициям. Это в сфере идей.

У нас не проводится анализа, нет теоретического центра. Всякий, кто делает не так, как я хочу, — гэбешник. Вот, говорят, все беды в чиновничестве. Но люди, которые, скажем так, тонут под гнетом чиновничества, не хуже нас понимают, кто виноват и из-за кого они плохо живут. Но, с другой стороны, они точно так же прекрасно понимают, что без этих людей они жить не смогут. С одной стороны, я понимаю, что это тиран, деспот и его надо упразднить, а с другой, еще лучше понимаю, что если его упразднить — вообще будут кранты.

В этом — великая проблема. Возьмите хотя бы письмо Маркса Вере Засулич. Где он четко сказал, что разделенность общин рождает деспотизм. Потому что без деспота разделенные общины не смогут существовать, чисто материально. Чтобы элементарно обмениваться това-

ром, нужна какая-то надстроечная верхушка. И как из этой замкнутого круга ситуации выйти — вот подлинная проблема. И в процессе такой деятельности, по реальному решению этой проблемы могут воспитываться люди.

На мой взгляд, до 1992 года ни одна из групп не пыталась даже ставить эти вопросы. В процессе ответов на эти вопросы может возникать какая-то реальная оппозиция. Пока мы на них не ответим, мы можем собираться, беседовать, но все будет на нуле. Говорить об оппозиции даже не приходится.

И даже прекрасные идеи превратятся в свою противоположность. Так, в свое время прекрасная идея Учредительного Собрания была превращена не знаю во что. И любая идея, абсолютно любая, без серьезного анализа будет так же инвертироваться.

Если вы хотите завладеть вниманием людей, то вы должны помнить, что эти люди живут в некой заданности, исторической, духовной, нравственной. И если ваши идеи не будут никак укладываться в их исторический опыт, в их память, то все эти идеи, как бы прекрасно они ни звучали, не приживутся, будет происходить отторжение. Не потому, что люди тупые и не понимают идей нравственности, добра и т.п. Человек — существо многомерное. И когда кто-то загоняет все в одно, максимум два измерения, а потом говорит, что народ тупой и не понимает, то это характеризует не народ, а того человека, который так делает.

Вопросов масса. На них даны различные ответы — тем же Лениным, теми же народниками, теми же либералами. С нашей стороны за все время перестройки никто не ответил, все просто сказали, что Ленин был гад, он убил миллионы людей, поэтому все то, что он написал, — неверно. По-настоящему идеи Ленина не опровергнуты никем.

Кирилл Подрабинек — Вы уверены, что нет таких концепций? Может быть, наоборот, их переизбыток?

Армен Мнацаканян — Разработанная концепция, отвечающая на массу практических, а не схоластических вопросов, была в истории, — концепция народничества. Но с нашей стороны, во время перестройки, ничего не было.

Валерия Новодворская — Вы уверены, что всех присутствующих в зале можно уложить в одну концепцию, например, народническую?

Армен Мнацаканян — Я не предлагаю концепцию, как платформу для объединения. Платформой для объединения не может быть концепция, могут быть те вопросы, на которые мы все будем пытаться ответить. Но заниматься ими надо профессионально.

Вадим Дамье — Заниматься разработкой теорий — важно и полезно, но противопоставлять это акциям протеста категорически нельзя.

Выступление Александра Элиовича (ВФО)

Я согласен с Кириллом, что никакой реальной оппозиции сейчас нет. Оппозиции никакой реальной нет, что же за проблему мы обсуждаем? Присутствующие здесь обсуждают свои собственные проблемы. С этого мы должны начать: мы обсуждаем свои проблемы.

Надо ли опровергать "Лукича"? В каком-то смысле слова — не надо, потому что это даже предосудительно этически. Если есть учение, которое привело к тому, что были уничтожены десятки миллионов людей, а потом кто-то говорит: "у вас в таком-то абзаце ошибка", это странно. В некоторых случаях, повторю слова Оруэлла, надо брать автомат и выяснять отношения с его помощью. Это я говорю, будучи сторонником ненасилия. Зарядом должен служить этический фундаментализм, а уже к этому можно добавлять хитросплетения теорий и т.д.

Какая сверхзадача стоит перед нами? В сказке Урсулы Ле Гуин "Волшебник Земноморья" в школе волшебников им давалось такое наставление: "Вы не должны действовать, когда вам кажется, что надо действовать. Или когда вы считаете, что какие-то действия благородны. Действовать надо только тогда, когда вы видите, что не можете не действовать".

Это очень глубокая мысль, восходящая к концепции не-деяния дао. Не-деяние — это не отсутствие действий, конечно. Наоборот, нет ничего более деятельного, чем не-деяние. Не-деяние — это отсутствие искусственного, придуманного, — "я должен, я обязан, я благородный человек". Протест может быть не-деянием — "я вышел на площадь, потому что не мог не выйти" (например, когда люди вышли на Красную площадь в 1968 году) — а может не быть: когда человек выходит на площадь так: "ну вот же, вот Я, Я же против, против того, что X убивает Y, а Z молчит".

Наш подход должен быть "хозяйским": нам не чужды общественные проблемы, но в центре мира находимся мы сами. Мы — хозяева самих себя. Не должно быть истерики: "страна оказалась за краем пропасти", "если мы сейчас чего-то не сделаем, произойдет катастрофа". Эта истерика очень надоедает и приедается.

Сейчас еще не пришло время волноваться вопросом "кто нами будет править?" Кто бы ни пришел сейчас к власти, реально он будет проводить примерно одну и ту же линию. Нас должен волновать другой вопрос: "что мы из себя представляем?" Как нам превратиться из ничто в нечто, захватить реальные каналы воздействия на ситуацию.

Далее, концепций "как спасти Россию" или "как ее обустроить" явное перепроизводство, их уже больше, чем жителей в России. Что же можно делать? Общий вектор, восходящий к

народничеству — нужно идти от людей. Мы не должны придумывать концепции и призывать к объединению на их базе. Есть общие этические моменты, которые нас объединяют. И это не только индивидуальное дело, этика, безусловно, является общественным делом, социальным императивом.

Следующий момент. Слово "должен" мы должны заменить словом "может". Если мы более "зрячи", если у нас есть видение ситуации — мы видим, что люди могут сделать. И только поэтому мы должны помочь людям осознать свои проблемы и найти путь, на котором они могли бы их решать.

Концепция, которая может послужить опорой, исходным пунктом движения — это ни в коем случае не должна быть картина объективированного мира. Первая ее часть — как выявлять проблемы, затем — как можно решать эти проблемы, наконец — в какой степени мы здесь можем содействовать, какой может быть оптимальная точка и направление приложения наших сил. Именно это, мне кажется, имел в виду Армен, когда говорил о глубокой разработке теории. И такую субъектную, прежде всего, концепцию нужно знать и разрабатывать.

Конечно, никто надлежащим образом не осмыслил то, что произошло за эти 70 лет. Я вообще не уверен, что это возможно осмыслить. Поэтому искать выходы, исходя из теоритической картины того, что было, — на мой взгляд, конечно, нельзя.

Исходная задача в том, чтобы люди смогли осознать свои проблемы. Люди не знают ни своих проблем, ни своих интересов. Они еще должны научиться общаться и в этом общении осознать — во-первых, что у них есть проблемы, во-вторых, что вместе, возможно, у них больше шансов их решить.

У Ганди была хорошая идея: ненасильственное движение за национальное освобождение. У Кинга была идея движения за гражданские права.

Сейчас, по моему убеждению, надо думать об инициировании движения за социальные права, то есть правозащита должна перейти на уровень глубже: от защиты прав человека в идеальном плане — что было возможно в эпоху репрессий, когда 1 человек был армией — к гораздо более тяжелой и грязной работе: искать способы социальной самозащиты людей. Не защиты (то есть опекунства над старушками), а именно самозащиты. Наиболее перспективным мне кажется сейчас изучение способов и методологии осуществления прав человека явочным порядком — причем именно в социально-экономической области.

"Свободное слово", № 6 (108), 1992.

Александр Элиович

Оборотная сторона тоталитаризма

От редакции. Предлагаемая статья представляет собой тезисы выступления Александра Элиовича 9 декабря 1989 года на конференции в Вильнюсе на тему "Тоталитаризм, национальные конфликты и пути национального освобождения".

Этот доклад ранее не публиковался. Перед публикацией автором были внесены в него редакционные поправки.

Последние месяцы 1989 года были периодом наиболее активной работы авторской группы (Фред Анаденко, Валерия Новодворская, Александр Осипов, Сергей Скрипников, Екатерина Подольцева, Александр Элиович) над проектом программы ДС "Гражданский путь" (как известно, так и не принятой). В тексте статьи развиваются и поясняются многие из положений проекта. На наш взгляд, данный материал и сегодня не утратил своего интереса.

Сейчас характерен, как мне кажется, очень упрощенный, односторонний взгляд на мир, и с этим, очевидно, связан тот оптимизм, в котором мы в большей или меньшей степени пребываем. Это касается строения тоталитаризма, системы, элементами которой мы в той или иной степени являемся.

Тоталитаризм есть вообще нечто отличающееся от того, что мы о нем думаем. Настоящее его осмысление начинается, может быть, только в самое последнее время. Десять лет назад диссиденты, мечтатели думали, что стоит только ослабить деспотические скрепы, стоит только дать народу возможность что-то сказать, и народ увидит, что его угнетают, его порабощают, и есть деспоты, и есть жестокая эксплуатация, равной которой нет в мире. И тогда этот режим, держащийся исключительно на насилии, достаточно быстро падет.

К сожалению, такое мышление все еще преобладает.

Но в действительности тоталитаризм в общем-то не является диктатурой. Тоталитаризм — общество глубоко парадоксальное для европейского взгляда, а на самом деле — организм, живущий по своим законам. Глубоко неверной является точка зрения, что эта система — какое-то случайное отклонение от исторического пути, какой-то зигзаг, искусственно поддерживаемая временная деформация структуры. Ситуация здесь иная. Тоталитаризм — не только глубоко жизнеспособный организм, развивающийся по своим законам, но и более того, может быть, это даже более нормальное состояние человечества, чем демократия.

Это состояние человечества имеет глубочайшие исторические корни, которые восходят к азиатской деспотии.

Вообще, можно выделить две тенденции развития человечества. Одна тенденция привела постепенно к тому, что называется "европейским обществом". Вторая тенденция привела к установлению общества прямо противоположного. И принципиальным различием здесь стала вещь на первый взгляд даже и незаметная: то, какие формы экономической эксплуатации превалировали в этих обществах. В одном случае первично оказалось право собственности, т.е. в феодальном обществе это было право земельной собственности, а в другом случае первичнее оказалось обладание властью. И вот, с этих различий приоритетов экономической эксплуатации начинается постоянное расхождение в развитии между Востоком и Западом. Расхождение восточной и западной психологий.

В восточной психологии личность растворена в общине, и иерархия общинного приоритета исключает самосознание личности, человек личностью себя не ощущает. В западной психологии, благодаря частному способу производства, с присущими ему частным интересом и эгоизмом, происходит постепенное становление суверенитета личности. Личность выделяется из общности и через мучительно-болезненный процесс, революции происходит становление гражданского общества и демократии.

Обычно забывают, что демократия — не какая-то форма политического устройства. Демократия — это высокая степень развитости гражданского общества, совокупность параллельных структур с независимой от государства организацией. Демократия — это приоритет, примат гражданского общества над государством, это способность гражданского общества контролировать государство, направлять его на защиту собственных интересов.

Посмотрим на другое общество: азиатскую деспотию и тоталитаризм, который позднее вполне естественно пришел ей на смену. Здесь

горизонтальных связей практически нет. Здесь господствует вертикальная структура. В таком обществе все являются государственными крепостными, частью этой системы. Причем каждый, кто занимает какое-то место в системе, является деспотом по отношению к нижестоящим и холопом по отношению к вышестоящим, и так снизу доверху.

Еще Маркс, анализируя восточную деспотию, показал, что такая структура обусловлена расколотостью общества. Пирамида государственной власти опирается на глубокий общественный раскол, часто по самым разным принципам: по национальным, социальным и т.д. Все вертикальные нити сводятся к единому центру, т.е. деспот играет роль связующей нити. Центр необходим, он цементирует общество и так или иначе начинает править им.

Нет ни одной степени свободы, нет третьей возможности. Есть только война между низами и война между верхами. Низы находятся в состоянии холопства. Они всегда смотрят вверх. Сегодня они говорят, что царь хороший, завтра жгут поместья. Две формы холопства — "челобитная" форма и насилие — попеременно сменяют друг друга.

Подобное общество развивается циклично. В нем нет сил, заинтересованных в его принципиальном изменении, даже в мечтах, нет зародышей, центров конденсации гражданского общества. Когда пирамида государственной власти достигает наивысшего могущества, начинается застой, и, в конце концов, пирамида дряхлеет и распадается. И через какой-то период смуты, необходимый для вливания в систему свежих сил (от смены династии до смены государственной идеологии), все начинается снова.

Эта цикличность развития, в качестве типичного примера которой можно привести историю Китая, присутствовала также и в России. В этом отношении события 1917 года надо рассматривать как результат закономерной смены циклов и начало нового цикла, еще более страшного.

Этот момент является принципиальным, и мы должны более строго и пессимистично, мне кажется, посмотреть на ту ситуацию, в которой находится человечество в целом, в том числе и мы все.

Люди подсознательно убеждены, что есть какая-то единая шкала развития, стрела прогресса, и все человечество движется в одном направлении, хотя иногда и возможны временные отклонения и регресс. Чем дальше, тем лучше мы живем, в большей степени достигаем социальной справедливости и движемся к демократии. На самом деле ситуация, видимо, иная. Существуют, как уже было сказано, две разнонаправленные ветви развития. И если Западная Европа, Америка довольно стремительно двигаются по одной ветви развития, то это только усугубляет их разрыв с другими странами, которые (включая Советский Союз и слаборазвитые страны) менее стремительно также двигаются вперед — по другой ветви развития. И ситуация не улучшается, а становится потенциально все более угрожающей.

Джордж Оруэлл был, видимо, первым человеком, который понял подлинный характер тоталитаризма. Он понял, что это общество противоположно диктатуре и строится не на ненависти, а на любви к Старшему Брату. Тоталитаризм настолько врезается в человеческую психику и настолько глубоко изменяет ее структуру, что человек уже естественно дышит тоталитарным воздухом и испытывает естественную, даже детскую любовь к Старшему Брату, вместо ненависти, которую должен, казалось бы, испытывать.

Если рассматривать историю Советского Союза взглядом западного человека, она оказывается цепью загадок и совершенно непонятных злых случаев.

Вначале был террор, массовый террор. Причем, как ни странно, он продолжает нарастать в то время, когда сопротивление падает до нуля и его практически нет. Потом "злые" власти неожиданно становятся "добрыми" и массовый террор сменяется хрущевской либерализацией и застоем. А потом к власти приходит какой-то совершенно потрясающий человек — Горбачев, который говорит: "Я принес вам освобождение".

Внешне это выглядит, конечно, довольно странно. На деле же ситуация здесь действительно понятная и достаточно печальная. Сначала с помощью глубокого насилия — личность делается адекватной системе, уничтожается какой-то внутренний стержень, духовный потенциал общества. Большевизм делает то же, что и шумеры, когда они завоевывали народ. Шумеры, как известно, когда завоевывали народ, уничтожали жречество, после чего нация легко ассимилировалась, поскольку уже принимала шумерских богов. В данном случае большевики просто вырезали определенный духовный слой, который мог стать силой сопротивления в обществе.

Как только уничтожается некая внутренняя опора личности, человек как бы становится частью системы. Это все решает. Таким образом, большевистский террор — нечто более страшное, чем просто массовое преступление, он есть инструмент ДЕЛАНИЯ ЧЕЛОВЕКА, соответствующего тоталитарной системе. А вот когда личность стала адекватной системе, скрепы можно и ослабить.

Прошло два поколения, а, как известно, идеологи большевизма говорили, что для окончательной победы социализма нужно два поколения. Хрущев начал ослаблять скрепы. Горбачев же снял все скрепы практически. И что же? Оказывается, советское государство стоит.

Реньше могло казаться, что система распадется при первом же ослаблении насилия. Нет. Ничего подобного. Общество живет по естественным для него советским законам: все вращаются в своем обычном кругу, и проблем не возникает. Горбачев снял скрепы, и ничего не случилось.

Чтобы понять дальнейшее, нам необходимо остановиться на следующем моменте, характерном для тоталитаризма. Это наличие общины и общинного сознания. Тоталитаризм, как и классическая азиатская деспотия, держится на вертикальных связях. Что собой представляет община в этой ситуации? Это любая социальная, национальная или иная общность. Например, классической общиной являются "москвичи". "Москвичи" — это жители гигантской спецкормушки, Москвы. По отношению, например, к Сибири они выступают как какие-то богачи (хотя это скорее миф советского сознания). При этом нельзя вступить просто так в привилегированную общину — в Москву, потому что есть прописка, система жесткого статуса, закрепления за общиной.

Саша Осипов выделил три момента общинного сознания социального устройства. Во-первых, это невозможность перейти из общины в общину. Во-вторых, это то положение, когда общинные приоритеты становятся безусловно первичными, а человек и его мышление — вторичным. Человек — ничто, объект не только для государства, но и для своей общины. Даже если он выступит против, ничто не может измениться, кроме его личной судьбы. И, наконец, обратно, человек абсолютно лоялен общинным интересам, и чем сильнее контроль общины, тем больше он будет в полном смысле этого слова в восторге и тем больше для него происходящее — естественный ход развития.

К чему приводит общинное мышление? К тому, что противника теперь мы видим уже не в действительном источнике социального Зла — в системе, а в соседней общине, воспринимаемой как конкурент.

Когда в обществе господствует тотальный дефицит и оно не скреплено горизонтальными связями, соседние общины воспринимаются как враг. Они — источник наших проблем, наших бед. Причем возникает любопытный механизм положительной обратной связи, резкой неустойчивости: маленькая разница в статусе порождает невероятные последствия.

По существу, эта маленькая разница иллюзорна, т.е., например, различие между москвичами и немосквичами. И те, и другие на самом деле просто нищие. Невелика даже абсолютная разница между номенклатурой и рабочими, потому что номенклатура в сравнении с американскими миллионерами — просто нищие. Это тоже такие же системо-человеки.

И в результате всего этого люди теряют способность замечать, как уже ими попираются некие принципы, без которых нет почвы под ногами, нет системы координат, и человек перестает быть опорой для самого себя: попирается человеческое достоинство, права человека, простое уважение к жизни человека.

Теперь посмотрим, как на этой ситуации делают перестройку. Если классическая азиатская деспотия опирается на общину и личность трансформируется ею косвенно, через общину, то тоталитаризм воздействует на личность непосредственно, например, через средства массовой информации. На перестроечном этапе развития тоталитаризма жесткий прессинг государства ослабляется и не применяется. То, что до этого было заморожено в общественной структуре, начинает оживать, замороженная структура начинает работать, и пассивный раскол общества превращается в активный.

Здесь лежит объяснение тому, почему в эпоху перестроечной либерализации, когда, согласно всеобщему мифу, общество движется к демократии, так резко и страстно разгораются национальные конфликты. Я подчеркиваю, что общественное движение направлено не на изменение системы, не на устранение ее, не на переход к демократии, а на передел статуса в ее рамках. Вместо одной большой однородно-сероокрашенной империи возникает 15, или 12, если Прибалтике удастся решить вопрос радикально, национально окрашенных тоталитарных маленьких государственных образований. Если раньше советизация выступала в форме насильственной русификации, то теперь советизация проводится в форме, допустим, в Узбекистане — узбекизации Узбекистана и т.д.

Опора перемещается уже на новую базу власти, то есть режим стремится к новому единству с народом, возобновляет "общественный договор" с ним "по его воле".

Стоит напомнить, что тоталитаризм существует в двух формах. И если первая форма — космополитическая, большевистская, коммунистическая, то вторая — как известно, окрашена национально, это коричневая, фашистская форма.

И перестройка представляет собой глубокую децентрализацию этатистской системы, сопровождающуюся сменой знамен и символов, обеспечивающих ее легитимность, объективно может идти только в сторону фашизации общества.

Человек по-прежнему заключен в систему, но заключение уже добровольно. При Сталине заключение в систему обеспечивалось с помощью насилия, и поэтому человек не был еще вполне адекватен системе, потому что то, что делается с помощью насилия, — это лишь половина победы. Сейчас же люди добровольно, с огнем в глазах бросаются в эту систему. Личность выступает как соучастник преступлений. Народы практически свободны, режим получа-

ет вотум власти... На самом же деле все псевдосвободны и псевдодемократичны.

Ситуация эта тупиковая и может стать просто страшной, именно потому, что не преодолено общинное сознание. При столкновении двух общинных идеологий победителей быть просто не может.

Мы, партия ДС, считаем, что ответ нужно искать за рамками этой системы, в выходе из плоскости тоталитарного сознания.

Мы можем выделить два пути. Первый путь — соучаствовать в перестроечных играх режима, играть с теми, у кого лучше карты, и надеяться при этом выиграть — сначала в рамках системы, а затем где-то там выйти за эти рамки. Выглядит это все очень оптимистично, но по существу — тупик, в котором победы столь изменяют победителей, что скорее предпочтительны поражения.

Второй путь: пессимистично, холодно отказаться от участия в этих играх, от общинного мышления и решать проблемы самим, без апелляций к государству или КПСС. И, конечно, это будет не так просто.

"Свободное слово", № 3 (105), 1992 г.

Избранные места из переписки с народом

От редакции. Листовки стали неотъемлемой частью нашей политической жизни. На стенах домов, в вагонах метро они зовут на митинг, референдум, вече, призывают отдать свой голос единственно правильному учению, проголосовать за тех, кто дает права и свободы...

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

И в Конституции СССР была записана масса прав и свобод, но реализовать их люди не могли — только читать о них.

Так что же, снова проголосуем?

Но есть и другие листовки. Они просто напоминают: права на бумаге и права в жизни — разные вещи. Они не предлагают голосовать за "хороших", а призывают людей — пользуйтесь своими правами. Не боритесь за права на бумаге, а осуществляйте их в своей повседневной жизни...

I
Листовка анархистов по поводу августовских событий 1991 года

Граждане! Президент Горбачев смещен министерской мафией, военщиной и военно-промышленным комплексом за нерешительность, мягкотелость и уступки ельцинистам. Но подлинная подоплека переворота иная. Правящие круги готовят новое г вышение цен, новое наступление на права и свободы трудящихся, называя это "непопулярными, но необходимыми мерами". Они понимают, что народ не смирится с готовящимся голодом и безработицей, что он окажет сопротивление и ответит стачками. Поэтому власти ввели чрезвычайное положение, заранее запретили забастовки и иные формы протеста.

Борьба за власть между консервативной и либеральной (ельцинской) группировками правящего класса не касается трудящихся. И те, и другие не предлагают ничего иного, кроме распродажи имущества в руки спекулянтов и непомерно высоких рыночных цен, и те, и другие готовы ограничить демократические свободы, чтобы навязать обществу эту политику. Но запланированное под вывеской чрезвычайного положения наступление на права народа не может оставить нас равнодушными.

Мы требуем немедленно отменить чрезвычайное положение, вывести войска и восстановить в неограниченном обьеме все демократические свободы, включая права на забастовки и демонстрации. Народную самооборону, бойкот, гражданское неповиновение, стачки и иные меры сопротивления мы считаем естественными и оправданными. Мы поддерживаем лозунг всеобщей забастовки. В то же время мы полагаем, что такая мера может иметь смысл только в том случае, если она будет сопровождаться самоорганизацией трудящихся — захватом фабрик и заводов трудовыми коллективами, переходом местных дел в ведение территориальных ассоциаций жителей. Мы предостерегаем от поддержки Горбачева и Ельцина, всех тех, кто виновен в нынешнем кризисе, всех тех, кто открыл дорогу путчистам, а теперь пытается использовать борьбу с переворотом для установления собственной неограниченной власти.

Диктатура путчистов не должна смениться диктатурой ельцинистов!

Помните: обе — это мафиозная экономика, беспредельно высокие, т.н. свободные цены, безработица.

Ни Горбачев, ни Ельцин, ни Янаев, но — самоуправление народа!

Да здравствует всеобщая оккупационная стачка!

Инициатива революционных анархистов
Анархический всесоюзный фронт
Московская партия зеленых — зеленая альтернатива
Движение "Свобода и мир" (Польша)
Варшава ул.PEKNA 43/9

19-20 августа 1991г.

II

Граждане!

Российские власти в лице президента Ельцина объявили, что у нас больше нет политзаключенных. Это не так. До сих пор в советских лагерях находятся политзаключенные, осужденные в прошлые годы. Более того, в стране появляются новые политзаключенные.

10 февраля 1992 года Дзержинский районный суд г.Москвы приговорил членов Союза

анархистов Александра Кузнецова и Алексея Родионова по статье 206 часть 3 УК РСФСР (злостное хулиганство) к трём годам лишения свободы в колонии усиленного режима.

12 марта 1991 года после разгона мтинга партии Демократический Союз на Лубянской площади, посвящённого годовщине Февральской революции, шедшие на митинг А.Родионов и А.Кузнецов подверглись внезапному и неспровоцированному нападению со стороны одетых в штатское людей, позднее оказавшихся сотрудниками ОМОНа, от которых и вынуждены были защищаться. После ареста они были зверски избиты. Почти 8 месяцев А.Родионов и А.Кузнецов провели в следственной тюрьме. В соответствие с поговоркой "У сильного всегда бессильный виноват", их обвинили в хулиганстве и нанесении телесных повреждений сотрудникам милиции — тем самым, которые их избивали. Теперь сотрудники ОМОНа неожиданно предстали невинными агнцами, "случайно" прогуливавшимися "в свой выходной" в районе митинга и подвергшимися нападению со стороны разъярённых анархистов.

Судебный процесс над А.Родионовым и А.Кузнецовым носил открыто обвинительный характер, велся с грубейшими нарушениями элементарных процессуальных норм, исключившими возможность объективной проверки материалов следствия.

Очевидно, что при рассмотрении дела А.Родионова и А.Кузнецова следствие и суд руководствовались политическими мотивами.

Дело Родионова и Кузнецова было начато в те времена, когда советский строй еще не назывался "демократией", и естественным образом было завершено "новой властью".

Особенно отвратительно, что это — показательный процесс. Жёсткая реакция властей вызвана, по сути, тем, что А.Родионов и А.Кузнецов, осуществляя своё право на самооборону и попытавшись оказать сопротивление беспределу ОМОНа, нарушили негласное соглашение между властью и обществом, лежащее в основе наших "перестроечных свобод". Практически неограниченная свобода высказываться нам дана на условиях лояльности и конформизма по отношению к властям в наших действиях.

Дело Родионова и Кузнецова — не единственное, имеющее политические мотивы, дело, проводимое в "демократическую эпоху". В последнее время возобновилась и практика жестоких разгонов мирных митингов (в том числе, и в защиту А.Родионова и А.Кузнецова).

Судя по всему, пришла пора и для новой, "демократически избранной", "законной" власти продолжить традиции политических преследований, сопровождаемых заявлениями о том, что "политзаключенных у нас нет".

Слово — за нами. Будем ли мы санкционировать все это своим бездействием?

23 февраля 1992 года

Члены инициативной группы
в защиту Александра Кузнецова
и Алексея Родионова

III
Заявление МКС ДС

Народ безмолвствует...

Не верь, не бойся, не проси! Памятные августовские дни показали настоящий портрет нашего общества: мы поняли, что живём в стране, которую по-прежнему не знаем.

"Интеллигенция", неожиданно ощутив свою "соборность" с государственной властью, выступила на ее "защиту".В числе "защитников законной власти" в тот момент — и не только на улицах, но и в политических декларациях, — оказался, к сожалению, и ДС.

А народ — промолчал. Почти никто не принял участие во всенародной забастовке, к которой призвал Ельцин. Да, народ не пошёл на баррикады. Да и почему он должен был защищать привилегии советской перестроечной "интеллигенции",так ничего и не сделавшей для него — ни за 70 лет террора, ни за 5 лет перестройки?

Сейчас, когда по-прежнему не признаются первейшие права человека и народа: на жизнь, достойное человека существование, странно требовать у народа защиты других, хотя и немаловажных прав — политических свобод и т.д. Позорно выглядит "свобода слова" на фоне голода, разрухи, унизительной нищеты, новых актов террора (Вильнюсов, Баку и Сумгаитов) со стороны перестроечных властей. Сегодня, в отличие от 1930-х годов, мы можем говорить сколько угодно, но, как и тогда, "наши речи за десять шагов не слышны" (Мандельштам). Как замечает советский официоз, "альтернативы перестройке просто нет". В стране действительно нет альтернативной политической силы. И какое имеет значение, кто конкретно из наших вчерашних и завтрашних палачей — Ельцин, Янаев или Горбачёв — реализует эту государственную политику?

Так что же должен был защищать народ на августовских баррикадах? Людям нечего было там защищать, поэтому они туда и не пошли.

В то же время мы сознаем, что от неучастия такое же расстояние до соучастия, как и до Сопротивления.Мы за то, чтобы шаг за шагом идти по второй дороге. Поэтому мы выступаем за углубление революции. Но мы понимаем его не в классическом смысле, как новые аресты очередных козлов отпущения и новые чистки, новые сфабрикованные "самоубийства" и про-

цессы по образцу 1937 года, с толпами на площадях, требующими кары.

Напротив. Это — еще более полное, чем в августовские дни, сознательное неучастие народа в горбачевско-ельцинских выборах, перестройках, "революциях" или Учредилках. Полный бойкот по отношению к ним.

ПРОГРАММА-МИНИМУМ, которую мы **предлагаем — не для себя, а для всего нашего общества, — не участвовать. Не просите и не требуйте ничего у перестроечных, "революционных" и прочих властей.** Не призывайте их ни к чему. Если вы попросите что-то у власти или даже потребуете, она, вероятно, выполнит ваше требование. Хотя, дав сегодня, завтра тоталитарная власть может также и отобрать, — так в 1929 году была отобрана у крестьян данная им земля.

И главное, — чем больше вы будете требовать и получать, — тем сильнее будет ваша зависимость от государства.И вот в какой-то день вы с удивлением обнаружите, что боретесь, — но уже не с властью, а с такими же **бесправными и отчаявшимися людьми, — за привилегии, распределяемые сверху.**

Поэтому не требуйте передачи рабочим предприятий, жителям села — земли. Не требуйте ни земли, ни жилья, ни свободы, ничего. Требовать — значит громко просить.

Наша ПРОГРАММА-МАКСИМУМ: Идите и возьмите это сами.

А если вы не обладете достаточной силой для этого, то не думайте, что "добрая" воля властей и ваша слабость смогут обеспечить вам ваши права. Организуйтесь и захватывайте землю, предприятия, на которых вы работаете, в свою собственность — не оформляя при этом никаких документов у государства. Отбирайте явочным порядком свои рава у тоталитарной государственной машины. Игнорируйте ее.

Не бойтесь защищать свои права — каждый гражданин имеет право защищать их — путем гражданского неповиновения, а в крайнем случае и путем вооруженной самозащиты.

Мы не призываем вас бороться против Горбачева, Ельцина, Попова, Крючкова. Стоят ли вообще запоминания их имена, пока все остается по-прежнему?

Борьба сообщества граждан в защиту СВОИХ интересов и свобод имеет мало общего с протестом государственных крепостных против данного конкретного барина. Народ, объединенный не ЗАОДНО с властью, а прежде всего ПОМИМО нее, а если надо, то и против нее, сможет осуществить свои реальные интересы.

Нас могут спросить: а как мы узнаем, что прошли водораздел, оказались по ту сторону тоталитаризма? На этот вопрос можно ответить просто. В настоящий момент в нашей стране есть только один субъект — "МЫ". Всеобъемлющее "мы" — это все сразу, и общество, и государственная машина, застенки, палачи, спорт и космические достижения одновременно.Только когда у нас появятся "мы" и "они", когда народ почувствует свою "отдельность" от государственной власти, — это будет означать, возможно, начало конца тоталитаризма.

На наш взгляд, август 1991 — это, как справедливо отметил М.Горбачев, продолжение Октября 1917 года, а не Февраля. Что дала обществу ложь, победившая в 1917 году? Что даст обществу новая (по сути, старая) ложь, если она победит сегодня?

Признаем честно: мы не можем еще противопоставить тоталитаризму силы, представляющие для него реальную опасность. Тот путь, который мы предлагаем, — путь СОПРОТИВЛЕНИЯ. Мы еще очень далеки от него. Но мы всегда можем сделать так, чтобы тоталитарно-фашистские "демократии" и "Учредилки" не закрывали от нас настоящей демократии, ожидающей нас как и настоящее Учредительное Собрание, видимо, очень нескоро. Чтобы новые и **неизбежные преступления "перестройки и демократизации" совершались не нашими руками, как это было до сих пор.**

Да здравствует свобода и демократия!

Да здравствует Учредительное Собрание!

Московский координационный совет партии Демократический Союз, осень 1991.

IV

ЧТО ТАКОЕ ЯВОЧНЫЙ ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВОИХ ПРАВ?

Сегодня, спустя год после "исторической Августовской Победы", мы все устали от "политики". И, хотя существующая власть доверия не внушает, нет и особого энтузиазма устраивать "марш голодный очередей" или "пустых кастрюль" (плохо верится в возможность перемен от подобных действий). Да и что мы можем поделать?

Действительно,

ЧТО МЫ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ?

Конечно, можно без конца ждать, когда нас накормит очередное правительство, когда оно добровольно передаст средства производства и землю в руки граждан. А, дождавшись... массового увольнения, закрытия предприятия или его "номенклатурной приватизации", иметь возможность с негодованием воскликнуть: "Видите, как нас подло обманули!"

Но есть и другая возможность: коллектив может собраться и объявить о полном переходе предприятия под свое управление. Оккупационная забастовка (то есть захват предприятия трудовым коллективом с продолжением работы) — давно известный метод борьбы.

Что мешает производственному коллективу наладить прямой контакт с потребителями и их ассоциациями, смежными предприятиями, взять в свои руки реализацию произведенной продукции? Обойдя тем самым всю ту часть бюрократической пирамиды, которая передает готовый продукт из рук производителя в руки потребителя. Трудовой коллектив может принимать решения по важнейшим вопросам, распоряжаться плодами своего труда, контролируя выбранную администрацию. Мировой опыт показывает — это вполне реально.

Что делать, например, если ваш дом мэр продал западному капиталисту? Не всякий готов идти на баррикады или стоять в пикетах за вашу и нашу свободу, абстрактные права человека мало кого волнуют, но свой-то дом можно отстоять!

Именно в такой ситуации оказались жители одного из домов по Народной улице. Их не смутило отключение воды и электричества (договорились с кооперативом, провели свою линию). От подосланных мэрией громил — сумели защититься. И — успешно отстаивают свое право на жилье!

Не стоит надеяться больше на власть и прокуратуру, они заняты сейчас своими делами. Лучше объединяйтесь в домовые комитеты самообороны, если не хотите завтра оказаться на улице. Садитесь перед своими домами на сидячие забастовки, составляйте протесты и в обход советской почты отвозите их прямо в посольство страны, из которой компания-агрессор.

Все это называется — явочный порядок реализации прав. Явочный порядок — когда гражданин высказывает открыто свои мысли, не дожидаясь разрешения свыше или "перестройки". Когда он защищает свое право на жилье. Когда он сам контролирует свое производство, а не ждет со страхом увольнения. Явочный порядок осуществления своих прав — не преступление, а единственно возможный путь в нашем бесправном обществе. Явочный порядок — это основа всех прав человека (и гражданина).

Этот путь ничего не гарантирует. На нем нас, вероятно, ожидают и неудачи, и поражения. Но других путей стать хозяевами своей судьбы, перестать быть советскими обывателями, с дрожью гадающими — что-то с ними завтра сделают? — не существует.

А ВСЕХ, КОГО ИНТЕРЕСУЮТ ЗАТРОНУТЫЕ ЗДЕСЬ ПРОБЛЕМЫ, МЫ ПРИГЛАШАЕМ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В "ГАЙД-ПАРКЕ" У ПАМЯТНИКА КНЯЗЮ ЮРИЮ ДОЛГОРУКОМУ НА ТВЕРСКОЙ 3 СЕНТЯБРЯ 1992 года в 18-00 часов.

ИНИЦИАТИВНАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ ГРУППА.

К обращению присоединились:

Инициатива Революционных Анархистов (ИРЕАН).
Московский координационный совет Демократического Союза (ДС) т. 453-37-76
Фонд "Демократия и гуманизм"

Песни Российской Революции

ИТЕРНАЦИОНАЛ
(Эжен Потье.
Переводы:
А.Кац 1899-1903 гг., 1931 г.
А.Богданов 1917 г.)

Гражданину Гюставу Лефрансе,
депутату Коммуны.

1

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем!

Припев:
Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

2

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.
Чтоб свергнуть гнет рукой умелой,
Отвоевать свое добро,
Вздувайте горн и куйте смело,
Пока железо горячо!

Припев.

3. Вариант 1:

Гнетет нас власть, закон обходит,
Налоги душат с головой.
Богач один свободный ходит,
Права для нас — лишь звук пустой.
Довольно изнывать под гнетом!
У правды есть закон другой:
Коль равным хочешь быть — работай,
Коль паразит — согнем дугой!

Вариант 2:

Довольно кровь сосать, вампиры,
Тюрьмой, налогом, нищетой!
У вас — вся власть, все блага мира,
А наше право — звук пустой!
Мы жизнь построим по-иному —
И вот наш лозунг боевой:
Вся власть — народу трудовому,
А дармоедов всех долой!

Вариант 3 (А.А.Богданов):

Пьют кровь из нищеты налоги.
Законы душат. Власть —разбой.
Насилью строятся чертоги,
А право бедных — звук пустой...
Но гнет не будет длиться долго,
Мы равенства даем устав:
Нет прав без трудового долга,
Равно и долга нет без прав.

Припев.

4. Вариант 1:

Владыки шахт и паровозов.
Вы наглы, мерзки и подлы!
Трудом чужим набив карманы,
Чьи пожинаете плоды?
Разврат ваш, пьянство, поглотило
Труды кровавые рабов.
Не снесть вам, наглым кровопийцам,
В возмездья час своих голов!

Вариант 2:

Презренны вы в своем богатстве,
Угля и стали короли!
Вы ваши троны, тунеядцы,
На наших спинах возвели.

Заводы, фабрики, палаты —
Все нашим создано трудом!
Пора! мы требуем возврата
Того, что взято грабежем.

Вариант 3 (А.А.Богданов):

Презренны в самовосхваленьи
Владыки бирж и рудников.
Всем тунеядцам — осужденье,
Всем псам, терзавшим бедняков!
В подвалах разжиревшей своры
Скопилось все, что создал труд.
Мы требуем: пусть эти воры
Добро народное вернут!

Припев.

5. Вариант 1:

На брата гнать царям нас можно,
Но мир меж нами — им война!
Вести в войсках нам стачку нужно,
Приклады вверх! — зовет страна.
Мешать борьбе буржуям вольно —
Уж бить пойдут они тогда...
Для генералов пуль довольно —
Не помешают никогда!

Вариант 2:

Не рано ль трубите победу?
Дружнее в ногу — враг долой!
За нами армия готова,
Да здравствует труда герой!
Вы, людоеды, прочь с дороги —
Не то возьмем мы вас в штыки!
Вождям трудящихся винтовки —
Создать трудящихся полки!

Вариант 3:

Довольно, королям в угоду,
Дурманить нас в чаду войны!
Война тиранам! Мир народу!
Бастуйте, армии страны!
Когда ж тираны нас заставят
В бою геройски пасть за них, —
Убийцы, в вас тогда направим
Мы жерла пушек боевых!

Вариант 4 (А.А.Богданов):

Цари нас порохом кормили...
Мир — хижинам, война — дворцам!..
Мы славим труд. Долой насилье!
Солдаты! с фронта — по станкам!
Но если банда каннибалов
Войну корыстную зажжет,
Мы против белых генералов
Направим их же пулемет.

Припев.

6

Лишь мы, работники всемирной,
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,
Но паразиты — никогда!
И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей —
Так разве солнце перестанет
Сиять огнем своих лучей?[1)]

Припев.

1871 г.

РАБОЧАЯ МАРСЕЛЬЕЗА
(Петр Лавров)

Отречемся от старого мира!
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам враждебны златые кумиры;
Ненавистен нам царский чертог.
Мы пойдем к нашим страждущим братьям,
Мы к голодному люду пойдем;
С ним пошлем мы злодеям проклятья,
На борьбу мы его позовем!

Припев:
Вставай,поднимайся, рабочий народ!
Вставай на врагов брат голодный!
Раздайся крик мести народной!
Вперед! Вперед! Вперед! Вперед!
Вперед!

Богачи, кулаки жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры;
Твой последний кусок они рвут.
Голодай, чтоб они пировали!
Голодай, чтоб в игре биржевой
Они совесть и честь продавали,
Чтоб глумились они над тобой!

Припев.

Тебе отдых — одна лишь могила!
Что ни день — недоимку готовь.
Царь-вампир из тебя тянет жилы!
Царь-вампир пьет народную кровь!

---

1) Вариант:
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей!

Ему нужны для войска солдаты:
Подавай же сюда сыновей!
Ему нужны пиры да палаты:
Подавай ему крови твоей!

Припев.

Не довольно ли вечного горя?
Встанем, братья, повсюду зараз!
От Днепра и до Белого моря,
И Поволжье и дальний Кавказ!
На воров, на собак — на богатых!
Да на злого вампира царя!
Бей, губи их, злодеев проклятых!
Засветись, лучшей жизни заря!

Припев.

И взойдет за кровавой зарею
Солнце правды и братства людей.
Купим мир мы последней борьбою,
Купим кровью мы счастье детей.
И настанет година свободы,
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в едино народы
В вольном царстве святого труда...

Припев.

1875 г.

Наиболее популярная песня российского освободительного движения. До 1917 года, когда эта роль перешла к "Интернационалу", фактически — гимн Революционной России.

ВАРШАВЯНКА
(В.Свенцицкий, перевод Г.Кржижановского)

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы напс злобно гнетут,
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.

Но мы поднимем, гордо и смело,
Знамя борьбы за рабочее дело,
Знамя великой борьбы всех народов
За лучший мир, за святую свободу.

Припев:
На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!
(два раза)

Вариант:
На баррикады —
Тиранам нет пощады!
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!

Мрет в наши дни с голодухи рабочий.
Станем ли братья, мы дольше молчать?
Наших сподвижников юные очи
Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно
Павшие с честью во имя идей,
Их имена с нашей песней победной
Станут священны мильонам людей.[1]

Припев.

Нам ненавистны тиранов короны,
Цепи народа-страдальца мы чтим,
Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

Месть беспощадная всем супостатам,
Всем паразитам трудящихся масс,
Мщенье и смерть всем царям-плутократам,
Близок победы торжественный час.

Припев.

1897 г.

Вольный перевод польского патриотического гимна, написанного в 1883 году В.Свенцицким; Сделан социал-демократом Г.Кржижановским в Бутырской тюрьме в 1897 году.

БЕСНУЙТЕСЬ, ТИРАНЫ
(Перевод Глеба Кржижановского)

Бенуйтесь, тираны, глумитесь над нами,
Грозите свирепо тюрьмой, кандалами!
Мы вольны душою, хоть телом попраны,
Позор! Позор! Позор вам тираны!

Пусть слабые духом трепещут
пред вами,
Торгуют бесстыдно святыми правами;
Телесной неволи не страшны нам раны.
Позор! Позор! Позор вам тираны!

За тяжким трудом, в доле вечного
рабства
Народ угнетенный вам копит богатства,
Но рабство и муки не сломят титана —
На страх! На страх! На страх вам,
тираны!

1) Нередко в качестве второй строфы исполняется первая половина строфы три приведенного текста и вторая половина строфы два.

Кровавые слезы потоком струятся,
Враги беспощадно над слабым глумятся,
Но рухнут пред сильным коварные
планы —
На страх! На страх! На страх вам,
тираны!

Сверкайте штыками, грозите плетями —
Ваш собственный страх не сковать вам
цепями!
Пределы насилию вашему даны —
Позор, и страх, и месть вам, тираны!

От пролитой крови земля заалела,
Могучая всюду борьба закипела,
Пожаром восстанья объяты
все страны —
На смерть! На смерть! На смерть вам,
тираны!

1897 или 1898 г.

Вольный перевод украинской революционной песни, написанной в 1889 году во Львове поэтом А.Колессой. В 90-х годах имела хождение также в белорусских радикальных кругах.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ (Перевод Глеба Кржижановского)

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд.
Но день настанет неизбежный —
Неумолимый грозный суд.

Припев:
Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом!
Над миром знамя наше реет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет —
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

Пусть слуги тьмы хотят насильно
Связать разорванную сеть —
Слепое зло падет бессильно,
Добро не может умереть.

Вариант:
Не страшна нам тиранов злоба,
Крепка работы нашей нить:
Что зло — то не минует гроба,
Добро же вечно будет жить.

Припев.

Бездушный гнет, тупой, холодный
Готов погибнуть наконец.
Нам будет счастьем труд свободный,
И братство даст ему венец.

Припев.

Смелей, друзья! Идем все вместе —
Рука с рукой, и мысль одна!
Кто скажет буре: "Стой на месте?"
Чья власть на свете так сильна?

Припев.

Долой тиранов! Прочь оковы!
Не нужно гнета рабских пут!
Мы путь земле укажем новый —
Владыкой мира будет труд!

Припев,

Вольный перевод песни польского рабочего движения 90-х годов XIX века. Имеет первоисточник в патриотической поэзии Польши.

ПОХОРОННЫЙ МАРШ

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали все, что могли, за него,
За жизнь его, честь и свободу.

Порой изнывали вы в тюрьмах сырых...
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли
И шли вы, гремя кандалами.

Идете усталые, цепи гремят,
Закованы руки и ноги,
Спокойно и гордо свой взгляд устремив
Вперед по пустынной дороге,..

А знойное солнце нещадно палит
И дышится трудно от пыли,
И живо дорогой вы вспомните тех,
Кто прежде, как вы, здесь ходили...

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы огнем на стене
Уж чертит рука роковая:

"Падет произвол, и восстанет народ —
Великий, могучий, свободный!".
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Свой доблестный путь благородный

1870-е, начало 80-х годов

Текст песни составлен из двух стихотворений: "Вы жертвою пали..." А.Архангельского и "Идет он усталый и цепи звенят" неизвестного автора. Таким образом, в связи с отсутствием изначального авторского текста, существуют различные варианты отдельных строк, и целых строф — с примерно тождественым содержанием. Приведенный вариант наиболее распространенный и "усредненный".

Иногда исполняется без третьей и четвертой строф.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ!..
(Г.А.Мачтет)

Замученному в остроге Чернышеву,
борцу за Народное Дело.

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил —
В борьбе за народное дело
Ты голову честно сложил...

Служил ты недолго, но честно
Для блага родимой земли...
И мы, твои братья по делу,
Тебя на кладбище снесли.

Наш враг над тобой не глумился,
Кругом тебя были свои...
Мы сами, товарищ, закрыли
Орлиные очи твои.

Не горе нам душу давило,
Не слезы блистали в очах,
Когда мы, прощаясь с тобою,
Землей засыпали твой прах, —

Нет, злоба нас только душила!
Мы к битве с врагами рвались
И мстить за тебя беспощадно
Мы прахом твоим поклялись!..

С тобою одна нам дорога —
Как ты, мы по тюрьмам сгнием...
Как ты, для народного дела
Мы головы наши снесем,

Как ты — мы, быть можем, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...

Но знаем, как знал ты, товарищ,
Что скоро из наших костей
Поднимется мститель суровый,
И будет он нас посильней.

1876 г.

Стихотворение, ставшее песней, посвящено памяти студента Чернышева П. Ф., умершему в тюрьме от туберкулеза; его похороны 30 марта 1876 года превратились в большую политическую демонстрацию.

НАРОДОВОЛЬЧЕСКИЙ ГИМН
(предположительно, М.Л.Михайлов)

Смело, друзья! Не теряйте
Бодрость в неравном бою.
Родину-Мать защищайте,
Честь и свободу свою.

Припев:
Если погибнуть придется
В тюрьмах и шахтах сырых —
Дело, друзья, отзовется
На поколеньях живых.

Пусть нас по тюрьмам сажают,
Пусть нас пытают огнем,
Пусть в рудники посылают,
Пусть мы все казни пройдем —

Припев.

Стонет и тяжко вздыхает
Бедный забитый народ;
Руки он к нам простирает,
Нас он на помощь зовет.

Вариант:
Мы за народ свой страдаем,
Мы за свободу стоим,
И от цепей избавляем
Грудью и сердцем своим.

Припев.

Час избавленья настанет —
Воли добьется народ,
Добрым он словом вспомянет,
К нам на могилу придет.

Припев.

приблизительно 1861-1886 гг. (?)

Авторство стихотворения точно не установлено. Первый его вариант приписывается М.Л.Михайлову, то есть — создан в 61 — 66 годах, что, однако, вызывает некоторые сомнения, так как дух дух стихотворения более соответствует идеям 70-х годов. Поздние переработки приписываются Д.А.Клеменцу, В.В.Берви-Флеровскому. К собственно "Народной Воле" прямого отношения не имеет, название следует признать условным. В переводе — гимн польских бойцов интербригад в Испании 1930-х годов.

СМЕЛО, ТОВАРИЩИ В НОГУ...
(Леонид Радин)

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой.
"Братский союз и свобода!" —
Вот наш девиз боевой!

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил —
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!

Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем их держаться троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда,
И водрузим над Землею
Красное знамя труда!

1897 г.

Автор песни — Радин Л. П. — революционер 80-90-х годов, народник, впоследствии марксист. Основатель Московского Рабочего Союза С.-Д. ориентации. Песня написана им в одиночной камере Таганской тюрьмы. Умер в 1900 году.

НАГАЙКА
(Неизвестный автор)

Нагайка ты, нагайка!
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной.

На жалобы и стоны
Голодных русских масс
Один ответ у трона —
Лупить нагайкой нас.

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас,
И скоро паразита
Пробьет последний час.

Его разбоев диких
Конец не за горой,
Настанет час великий,
И рухнет царский строй.

Нагайки свист позорный
Забудем мы тогда,
Пойдем вперед мы дружно
Под знаменем труда.

1904 или 1905 г.

Составил К.Привезенцев.
11-13.06.1992.

Мохандус К. Ганди

Моя вера в ненасилие

(Перепечатано из сборника "Антология ненасилия Москва-Бостон. 1991")

От редакции. Мохандус Ганди (1869-1948), прозванный Махатмой ("великой душой") - один из классиков философии ненасилия, выдающийся организатор народного ненасильственного движения 20-40 годов в Индии за освобождение от британского колониального владычества. Победа этого народного движения является наиболее известным историческим примером успеха ненасильственной кампании. Предлагаемая статья — одно из наиболее ярких и известных произведений Ганди, своего рода манифест ненасильственного движения.

Я обнаружил, что жизнь существует среди разрушения и, следовательно, должен существовать закон более высокий, чем закон разрушения. Только при таком законе общество будет построено верно и разумно, и жизнь будет стоить того, чтобы прожить ее. И если это — закон жизни, то мы должны применять его в каждодневной жизни. Где бы ни возникла ссора, ни противостоял вам оппонент, покоряйте его любовью. В сыром виде я применил это в своей жизни. Это не означает, что все мои проблемы решены. Но я обнаружил, что этот закон любви действует так, как никогда не действовал закон разрушения. В Индии мы наблюдали наглядную демонстрацию действия этого закона в самом широком масштабе. Я не утверждаю, исходя из этого, что ненасилием обязательно прониклись все триста миллионов человек, но я утверждаю, что оно проникло глубже, чем любая другая идея, и причем за невероятно короткие сроки. Мы не были все одинаковыми приверженцами ненасилия; и для подавляющего большинства ненасилие было вопросом политики. Но тем не менее, я хочу, чтобы вы поняли, что страна сделала феноменальный шаг вперед под защитой идеи ненасилия.

Необходима достаточно напряженная подготовка, чтобы войти в психологическое состояние ненасилия. В каждодневной жизни это должен быть путь дисциплины (хотя это может кому-то и не понравиться), как, например, жизнь солдата. Но я согласен с тем, что пока нет сильной искренней поддержки со стороны разума, одно лишь внешнее соблюдение будет только маской, вредной как для самого человека, так и для других. Совершенство состояния достигается только когда разум, тело и речь находятся в согласии. Но это всегда напряженная умственная борьба. Нельзя сказать, что я не способен на гнев, например, но почти во всех случаях мне удается контролировать свои чувства.

Каков бы ни был результат, во мне всегда идет сознательная борьба за целенаправленное и непрерывное следование закону ненасилия. Такая борьба делает человека сильным для дальнейшей борьбы. Ненасилие — это оружие сильных. У слабых это с легкостью может быть лицемерием. Страх и любовь — противоречащие понятия. Любовь безрассудно отдает, не задумываясь о том, что получает взамен. Любовь борется со всем миром, как с собой, и в конечном итоге властвует над всеми другими чувствами. Мой каждодневный опыт (а также тех, кто работает со мной) показывает, что каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни. Правда и ненасилие для меня — стороны одной медали.

Закон любви действует, как действует закон гравитации, независимо от того, принимаем мы это или нет. Так же ученый творит чудеса, по-разному применяя закон природы, так и человек, применяющий закон любви с аккуратностью ученого, может творить еще большие чудеса. Сила ненасилия безгранично более тонка и чудесна, чем материальные силы природы, как, например, электричество. Люди, открывшие для нас закон любви, были более великими учеными, чем любой из наших современных ученых. Только исследования наши еще недостаточны, и поэтому не все могут видеть достижения. Такова, по крайней мере, иллюзия (если это иллюзия), которая помогает мне трудиться. Чем больше я работаю над этим законом, тем больше я ощущаю радость в жизни, радость в устройстве нашей вселенной. Это приносит мне мир и объяснение тех таинств природы, которые я бессилен описать.

Мартин Лютер Кинг

Любите врагов ваших

(Перепечатано из сборника "Антология ненасилия Москва-Бостон. 1991")

От редакции. Мартин Лютер Кинг (1929-1968) был баптистским священником и лидером движения за гражданские права в США в 1950-60 гг. Продолжая традиции Махатмы Ганди, он внес крупнейший вклад в философию и теорию ненасилия. Всей своей жизнью на практике воплощая высокие духовные ценности ненасилия, он неоднократно подвергался преследованиям и арестам за участие в акциях гражданского неповиновения в знак протеста против расовой сегрегации и ущемления гражданских прав и был, в конце концов, убит. Предлагаемая проповедь была прочитана в церкви христиан-баптистов на Декстер-авеню в г. Монтгомери, штат Алабама, в Рождество Христово, 1957 г. Мартин Лютер Кинг написал ее, находясь в заключении за участие в акциях гражданского неповиновения во время бойкота автобусов в г. Монтгомери.

Вы слышали, что сказано: "возлюби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного...

Евангелие от Матфея 5:43-45

Заповедь "любите врагов ваших" всегда была, пожалуй, самой трудной из всех заповедей Христа. Некоторые люди искренне верили, что в реальной жизни она невыполнима. Легко любить тех, кто любит тебя, но как любить тех, кто, тайно или явно, старается возобладать над тобой? Другие, например философ Ницше, утверждали, что призыв Иисуса возлюбить своих врагов свидетельствует о том, что христианская мораль — удел слабых и трусливых, а не сильных и смелых. Иисус — это оторванный от реальной жизни идеалист, говорят они.

Несмотря на подобные острые вопросы и непрекращающиеся возражения, эта заповедь Иисуса приобретает для нас все возрастающее значение. Вереница беспорядков и восстаний напомнила нам о том, что путь современного человека лежит по дороге, имя которой — Ненависть, и ведет она нас к гибели и осуждению на вечные муки. Заповедь "любите врагов ваших" — это не благочестивое пожелание мечтателя-утописта, а абсолютное условие нашего выживания. Любовь даже к врагам — вот ключ к решению всех существующих в нашем мире проблем. И Иисус — это не оторванный от жизни идеалист, он — трезвый реалист.

Я уверен в том, что Иисус понимал всю сложность, связанную с практическим осуществлением своей заповеди. Он никогда не принадлежал к числу болтунов, возвещающих о том, как просто соблюдать моральные устои. Он понимал, что каждое искреннее выражение чувства любви основывается на полном и безоговорочном подчинении Богу. Поэтому, говоря "любите врагов ваших", Иисус осознавал, что эта заповедь носит обязательный характер. И тем не менее, он призывал к этому. Наша ответственность как христиан состоит в том, чтобы раскрыть смысл этого завета и найти в себе силы ежедневно следовать ему.

I

Давайте будем реалистами и спросим: **Как нам любить наших врагов?**

Прежде всего, мы должны развить в себе умение прощать. Лишенный силы прощения лишен и силы любви. В нашем сердце не найдется места и капле любви к врагам, если мы не поймем до того, что необходимо научиться прощать, вновь и вновь, тех, кто несет нам несчастья и мучения. Надо также понять, что прощать всегда должен пострадавший, испытывающий боль и страдания, жертва мучительной несправедливости, униженный и оскорбленный. Обидчик может просить о прощении. Он может одуматься и, как блудный сын, пройти пыльными дорогами, с сердцем, трепещущим от желания быть прощенным. Но только лишь ближний ваш, испивший чашу страданий, отец, покинутый дома и ждущий возвращения любимого сына, способны к прощению.

Всепрощение — это не игнорирование того, что было сделано, или представление зла добром. Скорее, оно означает, что содеянное зло не является более преградой на пути установления взаимоотношений. Всепрощение — это катализатор, создающий атмосферу, необходимую для совершения новых шагов, начала новой жизни. Всепрощение — это освобождение от бремени или долга. Слова "я прощаю вас, но никогда не забуду, что вы сделали" не в состоянии объяснить истинную природу всепроще-

ния. Да, человек не может забыть, если это значит, что происшедшее стирается совершенно из памяти. Но, когда мы прощаем, мы забываем в том смысле, что зло более уже не является психологической преградой на пути установления новых взаимоотношений. Точно так же, мы никогда не сможем сказать: "Я прощаю вас, но отныне не желаю вас знать". Прощение означает примирение, воссоединение вновь. Без этого ни один человек не в состоянии возлюбить врагов. Степень прощения определяет степень нашей любви к врагам.

Во-вторых, мы должны понять, что зло, творимое ближним нашим — врагом, причина наших страданий, никогда не отражают всей сущности этого человека. Элементы добра можно найти в характере даже наизлейших из наших врагов. Все мы чем-то напоминаем шизофреников, людей с раздвоенной личностью и характером. Бесконечная гражданская война бушует внутри каждого из нас. Что-то внутри нас заставляет нас сокрушаться вместе с римским поэтом Овидием: "Я сторонник добра, но в своих поступках руководствуюсь злом", или соглашаться с Платоном, говорившим, что человеческий характер — это колесничий, управляющий двумя конями, каждый из которых тянет в свою сторону, или повторять вслед за апостолом Павлом: "Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которое не хочу, делаю".

Просто-напросто это означает, что даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла. Когда мы познаем это, мы становимся менее склонны ненавидеть наших врагов. Когда мы смотрим в глубь проблемы, ищем причину содеянного в порыве зла, мы находим в ближнем нашем — враге частицы добра и понимаем, что порочность и злонамеренность его деяний не дает нам полной картины об этом человеке. Мы начинаем его видеть в новом свете. Мы осознаем, что его ненависть является результатом страха, гордыни, незнания, предубеждений и отсутствия взаимопонимания, но, несмотря на все это, мы знаем, что душа каждого человека несет в глубине печать Божью. И мы начинаем любить наших врагов, понимая, что они еще не испорчены полностью и всеискупляющая любовь Господа нашего может коснуться и их.

В-третьих, мы должны искать не поражения или унижения нашего врага, а его дружбы и взаимопонимания. Бывают дни, когда мы способны унизить наизлейшего из наших врагов. Неминуемо приходит час, когда его слабости проявляются и мы получаем возможность вонзить в него копье победы. Но мы не должны этого делать. Каждое сказанное слово и каждый сделанный шаг должны становиться кирпичиком в фундаменте взаимопонимания, высвобождать те огромные запасы добра, что были сокрыты за непроницаемыми стенами ненависти.

Смысл любви не следует путать с сентиментальным излиянием чувств. Любовь гораздо глубже глупой эмоциональной болтовни. Может быть, греческий язык внесет ясность в этот вопрос. Греческий текст Нового Завета использует три слова для обозначения любви. "Эрос" — это эстетическая, романтическая любовь. В диалогах Платона "эрос" — это божественное устремление души. Второе слово: "филия" — взаимная любовь, душевная привязанность, близость друзей. Мы любим тех, кто любит нас и любим потому, что любимы сами. Третье слово: "агапе" — согласие и созидательная, всепрощающая добросердечность в отношениях между всеми людьми. Льющееся через край бескорыстное чувство, "агапе" — это Божья любовь в сердцах людей. На этом уровне мы любим людей не потому, что нам нравятся они или их поступки, и даже не за то, что в них есть искра Божья; мы любим каждого человека за то, что его любит Господь. На этом уровне мы любим человека, творящего зло, хотя и ненавидим содеянное им.

Теперь мы понимаем, что имел в виду Иисус, говоря: "Любите врагов ваших". Мы должны быть благодарны, что он не сказал: "Относитесь к врагам вашим с симпатией и привязанностью". К некоторым людям просто невозможно испытывать чувство симпатии и привязанности. Привязанность — сентиментальное и нежное слово. Как можем мы испытывать симпатию к человеку, не скрывающему своих намерений уничтожить нас и усеять наш путь неисчислимыми трудностями и преградами? Как может нам нравиться человек, угрожающий жизни наших детей и разрушающий наше жилище? Это невозможно. Но Иисус осознал, что "любовь" выше "привязанности" и "симпатии". Приказывая нам любить наших врагов, Иисус не имеет в виду "эрос" или "филию"; он говорит об "агапе" — согласии и созидательной, всепрощающей добросердечности в отношениях между всеми людьми. Только на этом пути, отвечая лишь такой любовью, мы можем стать детьми Отца нашего Небесного.

II

Перейдем теперь от практического "как" к теоретическому "почему": Почему мы должны любить наших врагов? Первая причина очевидна. Ненависть в ответ на ненависть лишь умножает ненависть, сгущая ночной мрак на небе, и так лишенном звезд. Мрак не может победить мрак; только свет в состоянии сделать это. Ненависть не может победить ненависть; только любовь в состоянии сделать это. Ненависть умножает ненависть; насилие умножает насилие, и жестокость умножает жестокость, закручиваясь в адской спирали разрушения. Поэтому, когда Иисус говорит: "Любите врагов ваших", он оставляет нам проникновенную и абсолютно не-

избежную заповедь. Разве не зашли мы, люди Земли, в такой тупик, из которого выход лишь через любовь к врагам — иначе?.. Цепная реакция зла — ненависть рождает ненависть, войны рождают новые войны — должна быть прервана, или же мы все провалимся в мрачную бездну взаимного уничтожения.

Еще одна причина, по которой мы должны возлюбить наших врагов: ненависть оставляет рубцы на душе и уродует личность человека. Помня о том, что ненависть есть сила зла и потому опасна, мы слишком часто думаем о том, что она делает с человеком, на которого она обращена. Это можно понять, поскольку ненависть наносит невосстановимый ущерб своим жертвам. Мы видели кошмарные последствия ненависти в смерти шести миллионов евреев, замученных одержимым ненавистью безумцем по имени Гитлер, в волне насилия, обрушившейся на чернокожих, когда распаленные ненавистью толпы жаждали крови, в мрачных кошмарах войны, в ужасающих унижениях, несправедливости и преступлениях, совершенных против миллионов детей Божьих бессовестными угнетателями.

Но существует еще одна сторона вопроса, которую мы ни в коем случае не должны упускать из вида. Ненависть не менее губительна и для того, кто ненавидит. Словно нераспознанная раковая опухоль, ненависть разъедает личность человека и способность мыслить объективно. Она заставляет его прекрасное называть отвратительным, а отвратительное — прекрасным, принимать истину за ложь, а ложь — за истину.

Доктор Э. Франклин Фрезер в своей весьма любопытной работе "Патология расовых предрассудков" приводит несколько примеров, когда белые, будучи нормальными, дружелюбными и мягкими людьми в ежедневных отношениях с другими белыми, лишались логики и выходили из себя, как только разговор касался предоставления равных прав чернокожим или вопросов расовой несправедливости. Это происходит тогда, когда в наших сердцах живет ненависть. Психиатры видят в ненависти причину многих из загадочных процессов, протекающих в нашем подсознании, многих наших внутренних конфликтов. Они говорят: "Научитесь любить или погибнете". Современная психология признает то, чему Иисус учил столетия назад: ненависть разрушает личность, а любовь, вопреки всему, неотвратимо воссоединяет ее.

Третья причина, по которой мы должны любить наших врагов: любовь — единственная сила, способная превратить врага в друга. Мы никогда не избавимся от врагов, отвечая ненавистью на ненависть; мы избавляемся от врагов, избавляясь от чувства вражды. По своей природе ненависть уничтожает и разрушает; по своей природе любовь созидает и строит. Любовь изменяет силой искупления.

Линкольн познал любовь и оставил истории человечества удивительную драму примирения. В ходе предвыборной борьбы за пост Президента США одним из его злейших врагов был некий Стэнтон. Какая-то причина заставляла Стэнтона ненавидеть Линкольна. Он делал все возможное для того, чтобы унизить Линкольна в глазах общественности. Ненависть его к Линкольну была столь сильна, что Стэнтон издевался над его внешностью в каждой своей речи и пылко обвинял его в различных пороках. Но, вопреки всему, Линкольн был избран на пост Президента. Затем пришло время назначать членов кабинета министров, в который должны были войти ближайшие соратники Линкольна по борьбе. Началось назначение на должности. Наконец, наступил день, когда Линкольну надо было назвать кандидатуру на чрезвычайно важный пост военного министра. Как вы думаете, кого Линкольн назначил на этот пост? Никого иного, как Стэнтона. Как только новость стала известна, среди ближайших соратников Президента началось недовольство и волнение. Один за другим сыпались советы: "Господин Президент, Вы совершаете ошибку. Знаете ли вы, что за человек этот Стэнтон? Слышали ли Вы, какие мерзости он говорил о Вас? Он Ваш враг. Он сделает все, чтобы сорвать выполнение вашей программы. Учли ли Вы все это, господин Президент?" Ответ Линкольна был предельно лаконичен: "Да, я знаю господина Стэнтона. И я слышал все, что он говорил обо мне. Но из всех американцев он как никто другой подходит для этой должности". Так Стэнтон стал военным министром в правительстве Линкольна и оказал неоценимые услуги народу и своему Президенту. Через несколько лет Линкольн был убит. Много добрых слов было сказано в память о Президенте. Даже в наши дни миллионы людей считают его величайшим из американцев. Герберт Уэллс называл его среди шести величайших деятелей в истории человечества. Но из всех замечательных слов, сказанных об Аврааме Линкольне, слова, принадлежащие Стэнтону, занимают особое место. Стоя возле тела человека, которого он когда-то так ненавидел, Стэнтон назвал его одним из величайших людей, когда-либо живших на земле, и сказал: "Теперь он принадлежит вечности". Если бы Линкольн продолжал ненавидеть Стэнтона, то оба они так бы и сошли в могилу заклятыми врагами. Но Линкольн, используя силу любви, превратил врага в друга. Эта же жизненная позиция позволила Линкольну доброжелательно высказаться в адрес южан в тяжелейшие дни гражданской войны. На вопрос, заданный ошеломленной слушательницей выступления Президента, Линкольн ответил: "Мадам, разве я не уничтожаю своих врагов, превращая их в своих друзей?" Это и есть сила искупляющей любви.

Нам следует сразу же заметить, что это не главные причины, по которым мы должны лю-

бить наших врагов. Еще более глубокая причина прямо выражена в словах Иисуса: "Любите врагов ваших... да будете сынами Отца вашего Небесного". Господь призывает нас вступить на этот сложный путь для того, чтобы мы смогли установить особенные отношения с Богом. Мы все можем стать детьми Божьими. Через любовь, которая незаметно становится явью. Мы должны любить наших врагов потому, что лишь через любовь мы можем познать Бога и испытать красоту Его святости.

Значение всего сказанного мною для понимания причин сложившегося кризиса расовых отношений должно уже быть очевидным. Расовая проблема никогда не будет решена, если угнетенные не научатся любить своих врагов. Мрак расовой сегрегации может разогнать лишь свет всепрощающей любви. Вот уже более трех столетий американские негры томятся под железной пятой угнетения, доведенные невыносимой несправедливостью до отчаяния днем и тщетно ищущие ответа на свои вопросы ночью, задавленные уродливым бременем дискриминации. Вынужденные жить в столь позорных условиях, мы не по своей воле ожесточаемся и отплачиваем тем же. Но, если так будет продолжаться дальше, то тот новый порядок, к которому мы стремимся, будет лишь немногим отличаться от прежнего. Мы должны стойко и смиренно встретить ненависть любовью.

Конечно это непрактично. Жизнь — это сведение счетов, нанесение ответных ударов, отношения, основанные на законе "человек человеку волк". Я говорю, что Иисус завещал нам любить тех, кто мучает и угнетает нас? Я похож на большинство проповедников — оторванных от реальной жизни идеалистов? Может быть в далеком будущем, говорите вы, в стране Утопии, эта идея воплотится в жизнь, но только не в этом жестоком и холодном мире, в котором мы живем.

Друзья мои, мы уже слишком долго идем по так называемому практическому пути, и он неумолимо привел нас лишь к беспорядкам и хаосу. История полна примеров погибших цивилизаций, давших волю ненависти и насилию. Это не значит, что мы должны отказаться от нашей справедливой борьбы. Все имеющиеся у нас силы мы должны направить на освобождение нашего народа от ужасного бремени сегрегации. Но в ходе борьбы мы никогда не откажемся от нашей привилегии и нашей обязанности любить. Питая ненависть к расовой сегрегации, мы будем любить тех, кто за нею стоит. Это единственный путь для создания сообщества любви.

Мы скажем нашим самым непримиримым противникам: "Мы противопоставим вашей способности причинять страдания нашу способность терпеть страдания. Делайте с нами, что хотите, а мы будем любить вас. Мы никогда не подчинимся вашим несправедливым законам, поскольку неповиновение злу есть такой же моральный долг, как и содействие добру. Бросайте нас в тюрьмы, а мы будем по прежнему любить вас. Разрушайте наши жилища и угрожайте жизни наших детей. Темными ночами посылайте своих убийц и насильников, обряженных в колпаки, в наши дома, чтобы они били нас до полусмерти, а мы будем любить вас. Но будьте уверены, мы победим вас нашим умением терпеть страдания. И придет день, когда мы обретем свободу, но это будет свобода не для нас одних. Мы будем так взывать к вашему сердцу и разуму, что склоним их на свою сторону, и наша победа станет победой вдвойне".

Любовь — самая долговечная сила в мире. Эта созидающая сила, прекрасным примером которой служит жизнь Иисуса Христа, является наиболее действенным инструментом в руках человечества в борьбе за мир и безопасность. Говорят, что Наполеон Бонапарт, великий гений войны, вспоминая былые годы, сказал: "Александр Македонский, Юлий Цезарь, Карл Великий и я создали великие империи. Но на чем они покоились? Они покоились на силе. Но столетия назад Иисус начал создание своего царства, основанного на любви, и даже сегодня миллионы готовы умереть за него". Трудно не согласиться с этими словами. Нет уже великих воинов прошлого, и их империи превратились в прах. А царство Иисуса по-прежнему незыблемо и величественно стоит, покоясь на любви. Оно началось с небольшой группы посвященных, которые через благодать Божью сумели расшатать устои Римской империи и сделать учение Христа достоянием всего человечества. Сегодня царство Христово на земле — это 900 000 000 человек всех наций и народностей. Сегодня мы вновь слышим возвещение победы:

Будет Христово царство доколь
Солнце обходит нашу юдоль;
Простерта длань его на нас
До дня смешенья лунных фаз.

Другой хор радостно отвечает:

Не юг, не север во Христе,
Не запад, не восток,
Но омывает ширь земли
Святой любви поток.

Иисус всегда прав. Поля истории белеют костьми народов, отказавшихся слушать его. Так пусть же мы, люди двадцатого века, услышим его и пойдем за ним — пока еще есть время. Мы должны с полной ответственностью осознать, что нам никогда не стать истинными детьми Отца нашего небесного, если мы не возлюбим наших врагов и не начнем молиться за гонящих нас.

Вильфрид Дреге

Частица прямой демократии

(Перепечатано с сокращениями из журнала "Гутен таг" N7 за 1991 год)

От редакции. В России очень любят референдумы. Особенно по глобальным вопросам. Чуть что — скорее созывать "всенародное волеизлияние". Германия — не Россия. Там "прямая демократия" работает в принципиально других условиях.

Вот уже полтора года в земле Шлезвиг-Гольштейн существует так называемое "требование граждан". Граждане могут отменять постановления коммунальных советов, сами принимать решения. Опыт подобного рода прямой демократии в селах и городах в большинстве случаев можно назвать положительным.

Может ли позволить себе Лангведель запланированный школьный спортзал, не привысят ли расходы возможности коммунальной кассы? Строить ли в Преетце обходную дорогу, которая пролегает через здоровый природный ландшафт, зато снимает транспортные нагрузки с поселка? Да и в Тангштедте жители никак не могут успокоиться: обязательно ли строить здание нового детсада на зеленой лужайке, когда, быть может, достаточно сделать пристройку к старому? В Бёнебюттеле и Хусберге речь идет о здании для пожарной команды, так как с административной точки зрения оба села составляют одну единицу, вот только хусбержцам очень уж хотелось бы сохранить хоть малую, но полную традиций пожарню. Они наотрез отказываются от нового, пусть большого, но совместного здания для обоих сел.

Такие проблемы — "хлеб дня насущного" для городов и коммун. Эти проблемы напрямую затрагивают гражданина, а он может высказать свою точку зрения на общественных слушаниях и собраниях граждан. В конечном итоге, однако, решения принимают избранные коммунальные парламенты, то есть городские и коммунальные советы. В Шлезвиг-Гольштейне, примеры из которого мы приводили, это тоже так, но все-таки чуточку иначе. В апреле прошлого года там изменили земельное положение о коммунах. С этого момента в городах и селах наряду с представительной появилась и прямая демократия. Если находится достаточное число граждан, они могут выставить на всеобщее голосование свое предложение или же провалить определенное начинание коммунального совета, которое им "не по вкусу". Этот процесс назвали "гражданским требованием", что ни в коей мере не упрощает коммунальную политику, но в любом случае делает ее интереснее и приближает к гражданам.

Так, например, жители Тангштендта все-таки решили строить новый детсад на зеленой лужайке. Сторонники строительства высказались 405 голосами против 309 (...)

Одним из многих правил, которое следует обязательно соблюсти в таких случаях, является и представление предложения по покрытию расходов требуемого мероприятия. Только тогда можно добиться начала процесса "выдвижения гражданского требования". Определенные сферы деятельности не подвластны подобному требованию, например, внутреннее устройство коммунального управления. В свою очередь, представители коммуны обязаны своевременно высказать свое мнение по выдвинутому гражданами требованию, с тем чтобы жители могли учесть при голосовании и эти аргументы. Подписи под требованием должны поставить по меньшей мере десять процентов граждан, обладающих правом голоса. Вопрос, по которому пройдет голосование, должен быть предельно четко сформулирован, а ответ возможен только словами "да" или "нет".

Решение принимается большинством поданных голосов, но только в том случае, если в поддержку требования выскажется по меньшей мере 25 процентов граждан, обладающих правом голоса. Тогда такое решение претворяется в жизнь. Подобная минимальная квота может оказаться камнем преткновения в больших коммунах, где планирование непосредственно затрагивает только часть граждан. Так, например, в Ноймюнстере, когда инициатива родителей высказалась против введения школы определенного типа, то она достигла по собственному пониманию фантастического результата: за — 11488 голосов, против — 6134 голоса, но до необходимых 25 процентов не хватило нескольких тысяч. Гражданам северных районов города было не до школьных споров в южных районах, они просто-напросто не пошли на референдум. Кстати, двумя третями голосов коммунальный совет может провести референдум жи-

телей по определенному вопросу, если намерен узнать мнение граждан по особо спорному делу.

Самый высокий барьер для успешного проведения "гражданского требования" находиться в министерстве внутренних дел земли Шлезвиг-Гольштейн, которое контролирует деятельность коммун. Там принимается решение, соблюдены ли в заявке все предписанные законом правила, может ли проводиться голосование. То, что решение принимается ведомством, которое нейтрально по отношению к коммунальным спорам, чрезвычайно важный фактор.

В Баден-Вюртемберге, коммунальный состав которого содержит схожие элементы плебисцита, коммуны сами решают вопрос допуска процесса "гражданского требования". То, что там редко до этого доходит, критики относят как на счет относительно сложного процедурного пути, так и на счет того обстоятельства, что коммунальному совету, понятно, нелегко открыть возможность для аннулирования собственных решений.

Новое коммунальное положение было введено правящими в Шлезвиг-Гольштейне социал-демократами. Поначалу особых восторгов у оппозиции ХДС в ландтаге не наблюдалось. Но ныне и она не против возможности непосредственного выражения мнения граждан, если знать, что, как правило, городские и коммунальные советы состоят из членов различных, конкурирующих друг с другом партий. Какой же партии "гражданское требование" пойдет на пользу, различно от села к селу, от города к городу. Там, где политика проводится перед дверью собственного дома, а граждане на себе чувствуют последствия принятых решений, предпочтение отдается непосредственным интересам. Считается, что требование направлено против избранного этими же гражданами большинства в городском или коммунальном совете. Бывает и такое, что за инициативой выдвижения требования скрывается оппозиция в совете. Так, например, было в Шмальфельде, где решение большинства ХДС о подключении домашних хозяйств к другой водонапорной станции было отменено требованием граждан, инициированным СДПГ. Жители хотели реконструировать малую, собственную водокачку, что с точки зрения перспективы дешевле. С другой стороны, в вопросах школьной политики, случалось, что требования граждан, инициированные ХДС, проваливали намерения социал-демократов.

Скептики говорят о том, что выхолащивается принцип представительной демократии, что может усложнить коммунальное планирование. Демократически избранное большинство постоянно работает в тени грозящей блокады или отмены решений. В некоторых случаях "гражданское требование" ведет к поляризации среди жителей. Для управлений же допущенное к голосованию "гражданское требование" означает больше работы и повышенные расходы: им необходимо подготовить бюллетени, организовать голосование.

Прямая демократия еще не всюду имеет место. В некоторых областях, например, школьной политике, ведутся дискуссии, может ли она вообще быть предметом плебисцитов, а если да, то насколько это желательно с политической точки зрения. Время от времени советы и управления, чьи решения отменены гражданами, жалуются, что предложения по покрытию расходов того или иного начинания не реалистичны, недостаточно проконтролированы соответствующими наблюдательными органами коммун.

Так ли это, или это просто "тактика проволочек", следует еще выяснить. Однако не следует сомневаться в компетенции граждан, которых обычно считают "нуждающимися в опеке". Мотивы такой критики легко понять, ибо исходит она от тех, кто проиграл. В целом же и граждане, и политики положительно оценивают накопленный опыт. В конечном итоге "гражданские требования" являются не законами, а регуляторами повседневных необходимостей. Почему же этим не заняться тем, кого это непосредственно касается? За последствия же они потом не могут жаловаться "на тех в ратуше".

Участие граждан

Переплетение между федерацией, землями и коммунами в Германии настолько тесно, что появилось понятие "федерализма с прожилками". Иначе, чем в "прослоечном федерелизме", строго разделенном по уровням, в "прожилочном" наблюдается смешение различных прав и обязанностей. Поначалу коммуны относятся к управленческой компетенции соответствующих земель. Однако Основной закон (Конституция) гарантирует им одновременно право на самоуправление и свободно избранное коммунальное представительство. Коммунам гарантировано, что "все вопросы местного общества регулируются в рамках законов под собственную ответственность". Коммуны могут принимать решения о застройке и использовании площадей, избирать по собственному усмотрению управленческий персонал, составлять в рамках своей компетенции финансовый план, могут взимать с граждан определенные пошлины, взносы и налоги. Коммуны различают задачи, выполняемые по поручению, и задачи самоуправления. Порученческими являются обязанности, возложенные на них федерацией и данной землей. Это строительство и содержание школ, канализация или организация дел в области охраны общественного порядка, социальных услуг, регистрации населения, уличного движения. Кроме того, у коммун есть еще и круг самостоятельных действий, где принимаются автономные решения, например, о строительстве спортивных сооружений, плавательных бассейнов,пешеходных зон, устройстве и уходе за парками, общественном коммунальном транспорте, проблемах культуры — от краеведческого музея до оперы.

Библиография

Кропоткин П.А. Записки революционера. *М.: 1988, М.: 1990*

До сих пор во многих магазинах Москвы еще можно купить изданную дважды за последнее время книгу Петра Алексеевича Кропоткина "Записки революционера". Благодаря замечательному литературному стилю, широкой панораме лиц и событий, эти мемуары являются жемчужиной, даже среди блестящего созвездия русской мемуаристики прошлого века.

Давно ставшие штампом, по вине учебников литературы, слова Белинского о "Евгении Онегине" как об "энциклопедии русской жизни", вполне применимы к воспоминаниям Петра Алексеевича. Почти полвека русской и европейской истории (1840-ые — 80-ые годы) представлены на страницах воспоминаний. Нравы московского дворянства и "свинцовые мерзости" крепостничества, жизнь Пажеского Корпуса и Сибири, двор и революционеры, отголоски Первого Интернационала и Коммуны в Европе, легендарная Юрская Федерация анархистов и казематы Петропавловской крепости, хождение в народ и европейская левая интеллигенция 70-80-ых годов — эти события и движения показаны через призму восприятия Кропоткина — человека высочайшей нравственной чистоты и искренности, благородного, отзывчивого и проницательного, свободолюбивого и тонкого, человека, обладающего редким свойством сочетать способность к созерцанию и анализу окружающего со способностью к действию.

В книге даны яркие портреты Александра II, Ивана Тургенева, Джемса Гильома (ближайшего соратника М.А. Бакунина) и многих других. Особенно запоминаются страницы, посвященные движению нигилистов-шестидесятников и обществу "чайковцев", членом которого был Кропоткин. Быть может, я не прав, но мне кажется, что, прочитав "Былое и думы" Герцена и "Записки революционера" Кропоткина (они как бы дополняют и продолжают друг друга), уже можно составить себе какое-то приблизительное представление о жизни русского общества в XIX столетии, об общественном движении России, о тех мыслителях, революционерах, социалистах, которых сейчас принято называть не иначе как "бесами". Что двигало этими людьми? Что заставляло их — в основном обеспеченных и часто знатных, биться головами о каменную стену русской Империи и мещанства, о ту стену, о которой Гиляровский потом скажет:

"В России две напасти:
Внизу — власть Тьмы,
Вверху — тьма Власти"?

Но писать о "Записках революционера", рекламировать их, как рекламируют сейчас гнилые и порченные товары для тела и души, пересказывать их содержание в немногих стандартных фразах и эпитетах — дело неблагодарное.

Почитайте лучше сами.

П.Р. 17.10.1992